

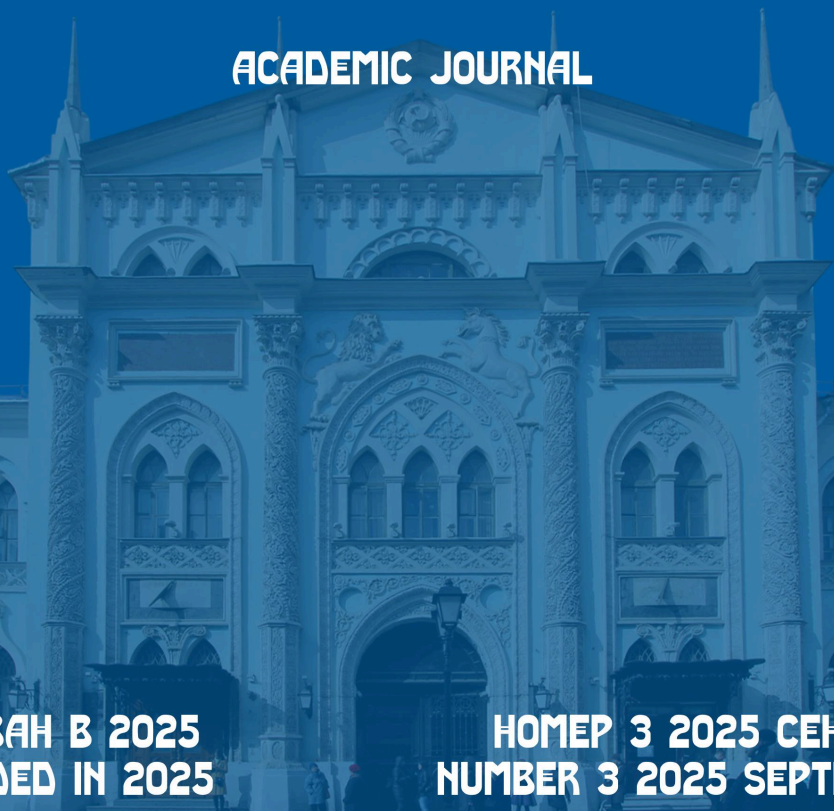
МОЛОДОЙ ИСТОРИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

YOUNG HISTORIAN

ACADEMIC JOURNAL

ОСНОВАН В 2025
FOUNDED IN 2025

НОМЕР 3 2025 СЕНТЯБРЬ
NUMBER 3 2025 SEPTEMBER

МОЛОДОЙ ИСТОРИК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

YOUNG HISTORIAN

ACADEMIC JOURNAL

ОСНОВАН В 2025

FOUNDED IN 2025

NO. 3

2025

MOLODOI ISTORIK
YOUNG HISTORIAN

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year.

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

The main content of the YOUNG HISTORIAN consists of scientific articles, scientific abstracts, scientific reviews, the subject of which corresponds to the group of scientific specialties 5.6 “Historical Sciences” according to the nomenclature of scientific specialties for which academic degrees are awarded, approved by Order № 118 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated February 24, 2021:

5.6. Historical sciences:

- 5.6.1. Russian history
- 5.6.2. World history
- 5.6.3. Archaeology
- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research
- 5.6.6. History of science and technology
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy
- 5.6.8. Records management, document science, archival science

The purpose and scope: THE “YOUNG HISTORIAN” is an academic, peer-reviewed journal aimed at promoting the scientific research of young scholars in the field of history. The journal is a platform for the exchange of opinions and discussions between young historians and the publication of scientific and historical researches and materials of theoretical and (or) practical significance.

Journal objectives:

- Selection and publication of original and high-quality scientific materials by young historians;
- Involvement of young scholars, students, postgraduates, applicants for academic degrees in publishing and activities of the journal;
- Ensuring objective and independent review of published articles by domestic and foreign historians;
- Promotion of international cooperation in the field of historical science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Editorial staff office: 6, Miuskaya Square, Moscow, 125047

E-mail: molodoi.istorik@rggu.ru

МОЛОДОЙ ИСТОРИК

Научный журнал

Выходит 4 номера электронной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГУ)

Основное содержание МОЛОДОЙ ИСТОРИК состоит из научных статей, научных обзоров, научных рецензий, тематика которых соответствует группе научных специальностей 5.6 «Исторические науки» согласно номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени, утверждённой приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118:

5.6. Исторические науки:

5.6.1. Отечественная история

5.6.2. Всеобщая история

5.6.3. Археология

5.6.4. Этнология, антропология и этнография

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования

5.6.6. История науки и техники

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение

Цели и область: МОЛОДОЙ ИСТОРИК – академический, рецензируемый журнал, нацеленный на продвижение научных исследований молодых учёных в области истории. Журнал является платформой для обмена мнениями и дискуссий между молодыми историками и публикации научно-исторических исследований и материалов, имеющих теоретическую и (или) практическую значимость.

Задачи журнала:

- отбор и публикация оригинальных и качественных научных материалов молодых историков;
- привлечение молодых научных сотрудников, студентов, аспирантов, соискателей учёных степеней к публикационной активности и деятельности журнала;
- обеспечение объективного и независимого рецензирования публикуемых статей отечественными и зарубежными историками;
- содействие развитию международного сотрудничества в области исторической науки. Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Электронный адрес: molodoi.istorik@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive secretary

S.A. Tagiltseva, master's student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

P.A. Alipov, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M.M. Chernigovskiy, Cand. of Sci. (History), Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I.B. Antonova, Cand. of Sci. (Pedagogy), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*editor of English text*)

D.A. Baklanov, graduate student, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*editor*)

Executive editors:

P.A. Alipov, Cand. of Sci. (History), RSUH

M.M. Chernigovskiy, Cand. of Sci. (History), SPSU

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ)

Главный редактор

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный секретарь

С.А. Тагильцева, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

П.А. Алипов, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М.М. Черниговский, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.Б. Антонова, кандидат педагогических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*выпускающий редактор английского текста*)

Д.А. Бакланов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*редактор*)

Ответственные за выпуск:

П.А. Алипов, кандидат исторических наук, РГГУ

М.М. Черниговский, кандидат исторических наук, СПбГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Визуальная и художественная репрезентация в историческом измерении

Анастасия Р. Майданиук

«История Англии для юнх»
Чарльза Диккенса: репрезентация
прошлого для детей как инструмент
воспитания нового поколения

10

Никита К. Ополченев

Визуальная репрезентация города
на примере банкнот второй половины XIX –
первой четверти XX вв.

28

История повседневности и
новая локальная история

Софья А. Сороколетова

Увеселительные сады как способ
формирования городской культуры
во второй половине XIX века

46

Евгения А. Левицкая

Советская дача во второй половине XX века:
от садово-огородного кооператива
к современным дачным поселкам

60

Алексей И. Федотов

Досуг и увлечения советского человека
в период оттепели

70

Екатерина С. Галицына

Похоронная культура СССР в 1950–1970-е гг.
на примере г. Москвы

83

История международных отношений
и внешней политики

Савва Г. Васильев

Русско-шведские переговоры
об обеспечении безопасной морской торговли
в Балтийском море (1558–1562 гг.)

104

Роман А. Петров

Восточный вопрос на страницах журнала
«Вестник Европы» в 1867–1872 гг.

119

CONTENTS

Visual and artistic representation in the historical dimension

Anastasia R. Maydanyuk

Charles Dickens's "A Child's History
of England": Representation
of the Past for Children as a Tool
for Raising a New Generation

Nikita K. Opolchenov

Visual representation of the city
on the banknotes of the second half
of the 19th – first quarter of the 20th centuries

The history of everyday life and local history

Sofya A. Sorokoletova

Pleasure gardens
as a way of fostering urban culture
in the second half of the 19th century

Evgeniya A. Levitskaya

Soviet dacha in the second half
of the 20th century: from gardening
cooperatives to modern dachas

Alexey I. Fedotov

Leisure and hobbies in the Soviet Union
during the "thaw" period

Ekaterina S. Galitsyna

Funeral culture of the USSR in the
1950s – 1970s: the example of Moscow

History of international relations
and foreign policy

Savva G. Vasiliev

Russian-Swedish negotiations
on security safe maritime trade
in the Baltic Sea (1558 – 1562)

Roman A. Petrov

Eastern question on the pages
of the "Vestnik Evropy" journal in 1867–1872

Дарья Д. Гурская

Проблема массовых арестов
и их влияние на психологию
военных специалистов Красной Армии
в годы Гражданской войны

Тимофей В. Картавых

Дискуссии о теоретических аспектах
военной доктрины РККА
по материалам военного совещания
при XI съезде РКП (б)

История Российской империи

Антон Е. Фатеев

К.П. Победоносцев и иноверческое
духовное начальство:
между «идеалами нетерпимости»
и бюрократической прагматикой

История современной России

Евгений А. Бабицкий

Проблема «северного завоза» на заседаниях
Государственной Думы I созыва 1994–1995 гг.

Александр Е. Шапошников

Постоянная экспозиция Дома русского
зарубежья им. А.И. Солженицына:
текстуальное наполнение в контексте
исторической политики России в 2020-е гг.

Daria D. Gurskaya

Mass arrests and their impact
on the psychology of the Red Army
military specialists during the Civil War

Timofey V. Kartavykh

Discussions on the theoretical aspects
of the military doctrine of the Red Army
following the military meeting at the 11th
Congress of the Russian Communist Party (B)

The History of the Russian Empire

Anton E. Fateev

K.P. Pobedonostsev and the infidel
religious leadership:
between the “ideals of intolerance” and
bureaucratic pragmatism

The history of modern Russia

Evgeny A. Babitskiy

Northern delivery as a problem at the sessions
of the 1st State Duma in 1994–1995

Alexander E. Shaposhnikov

Permanent exhibition of the
Solzhenitsyn House of Russian Abroad:
textual content in the context of
Russia’s historical policy in the 2020s

132

142

158

169

183

ВИЗУАЛЬНАЯ И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 94(410).081

«История Англии для юных» Чарльза Диккенса:
репрезентация прошлого для детей как инструмент
воспитания нового поколения

Анастасия Р. Майданюк

*Российский государственный гуманитарный университет,
Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Россия, nastasia.maydanyuk@gmail.com*

Аннотация. В статье произведение Чарльза Диккенса «История Англии для юных» рассматривается как попытка создать новую модель коллективной памяти и повлиять на будущий облик нации. На страницах книги Диккенс совместил дидактичность, заключающуюся в так называемых «уроках истории», и вместе с тем развлекательность, построенную на приёме иронии, переходящей в сарказм, сенсационном характере описания событий, а также простом и изобретательном языке. Писатель видел своей целью «преодоление ностальгии» к прошлому, на которой строили свою идеологию консервативные политики викторианской эпохи. Поэтому Диккенс создал историческую репрезентацию, в которой история английской земли предстаёт как без малого два тысячелетия войн и лишений, происходящих по вине правящего класса. Подобный исторический нарратив призван был глубоко впечатлить ребёнка в силу его особого ментального склада и закрепить в его памяти определённые образы «плохого» и «хорошего». В представлении Диккенса яркое эмоциональное переживание, полученное в ранние годы, должно было помочь наставить маленького человека на «правильный путь», которого он будет придерживаться затем и во взрослой жизни.

© Майданюк А.Р., 2025

Ключевые слова: Ч. Диккенс, история детства, «История Англии для юных», викторианское воспитание, репрезентация прошлого

Для цитирования: Майданюк А.Р. «История Англии для юных» Чарльза Диккенса: репрезентация прошлого для детей как инструмент воспитания нового поколения // Молодой историк. 2025. № 3. С. 10-27.

Charles Dickens's "A Child's History of England": Representation of the Past for Children as a Tool for Raising a New Generation

Anastasia R. Maydanyuk

*Russian State University for the Humanities,
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, nastasia.maydanyuk@gmail.com*

Abstract. The article examines Charles Dickens's "A Child's History of England" as an attempt to create a new model of collective memory and influence the future image of the nation. In his work, Dickens combined didacticism, embodied in the so-called "lessons of history", with entertainment, built on irony bordering on sarcasm, the sensational nature of the described events, and a simple yet inventive writing language. The author's goal was to "overcome nostalgia" for the past, which was being used as an ideological foundation by conservative Victorian politicians. Consequently, Dickens created a historical representation in which the history of England appears as two millennia of wars and hardships, caused primarily by the ruling class. This historical narrative was designed to deeply impress a child, taking advantage of their particular mental disposition, and to cement in their memory specific images of "good" and "evil". In Dickens's view, the powerful emotional experience gained in early years was meant to set a young person on the "right path".

Keywords: C. Dickens, childhood history, "A Child's History of England", Victorian upbringing, representation of the past

For citation: Maydanyuk, A.R. (2025), “Charles Dickens's ‘A Child's History of England’: Representation of the Past for Children as a Tool for Raising a New Generation”, *Young Historian*, no. 3, pp. 10-27

Вступление

«A Child's History of England» – в русском переводе «История Англии для юных»¹ – выходила на страницах популярного еженедельного журнала «Household Words» с января 1851 по декабрь 1853 г., а также параллельно в виде трёхтомника². Успех «Истории...» был предопределён: на момент её появления Чарльз Диккенс уже был прославленным писателем, «властителем дум» викторианского общества.

Поучительное и развлекательное: литература для детей в викторианском обществе

Отношение образованного европейского общества XVIII–XIX вв. к явлению детства во многом определяли идеи англичанина Джона Локка («Some Thoughts Concerning Education», 1693) и француза Жана-Жака Руссо («Emile ou De l'education», 1762), считавших, что в ранние годы личность человека формируется через опыт и воспитание. По Локку от воспитания зависело всё благополучие нации, и «каждому бы следовало серьезно принимать его к сердцу и, тщательно исследовав и разобрав, что советуют в данном случае каприз, обычай или разум, содействовать со своей стороны повсеместному осуществлению того способа воспитания молодежи с учетом различных условий ее жизни, который всего легче, быстрее и вернее способен создать добродетельных, дельных и способных людей в границах их различных призваний»³. Кроме того, важную роль для английской культуры сыграло положение Локка о необходимости особых форм репрезентации знания для

¹ Диккенс Ч. История Англии для юных / Пер. с англ. Т. Бердиковой, М. Тюнькиной. М., 2021.

² Dickens C. A child's history of England. In 3 vols. London, 1852–1854.

³ Локк Дж. Сочинения: в 3 т. / Ред. и сост., авт. примеч. А.А. Субботин. М., 1988. С. 400–411.

детей, так как «ни один предмет, который они должны изучить, не следует превращать для них (детей) в бремя или навязывать им»⁴. Уже в XVII–XVIII вв. появились первые книги, адресованные детям и служащие их духовному развитию – превращению в «правильного» взрослого, – написанные простым для понимания языком и содержащие иллюстрации, помогающие лучше понять и запомнить материал. В 1659 г. в Англии выходит иллюстрированный учебник Яна Коменского «Видимый мир в картинках» («*Orbis sensualium pictus*»)⁵. В 1744 г. появляется знаменитая «Маленькая хорошенькая карманная книжечка» («*A Little Pretty Pocket-Book*») Джона Ньюбери⁶, содержащая картинки с детскими играми и стишки. Процесс чтения становится не только полезным, но и интересным.

Авторы викторианской эпохи, следуя двум традициям – просветительской и романтической, – также стремятся соединить в литературе, обращённой к ребёнку, два начала: поучительное и развлекательное [Мнацаканян 2006, с. 116–117; Аникушкина 2012, с. 7]. Подобная формула как нельзя лучше подходила для изучения истории. В 1827 г. Вальтер Скотт начинает публиковать цикл «Дедушкины рассказы» («*Tales of a Grandfather*»)⁷, в которых история подается через драматическое повествование, в которое включены народные предания и анекдоты. Впрочем, моральные оценки исторических событий и личностей Скотт обходит стороной.

⁴ Локк Дж. Мысли о воспитании и воспитании разума / Прим. Эв. Даниэля, пер. с англ. М.А. Энгельгардт. С.-Петербург, 1903. С. 113–114.

⁵ Comenius J.A. *Orbis sensualium pictus, hoc est, Omnium fundamentalium in mundo rerum, in vita actionum, pictura & nomenclatura*. London, 1659.

⁶ См.: *Welsh C. A Bookseller of the Last Century: Being Some Account of the Life of John Newbery, and of the Books He Published, with a Notice of the Later Newberys*. London: Griffith, Farran, Okeden & Welsh, successors to Newbery & Harris; and E. P. Dutton, New York, 1885. Первое дошедшее до настоящего момента издание было напечатано в Новой Англии – *Newbery J. A Little Pretty Pocket-Book, intended for the Amusement of Little Master Tommy and Pretty Miss Polly with Two Letters from Jack the Giant Killer*. Massachusetts, 1787.

⁷ Scott W. *Tales of a Grandfather being the History of Scotland from earliest period to the Battle of Flodden in 1513*. Edinburgh, 1827.

Вместе с тем идея о необходимости «защиты детства» ещё не была оформлена в должной мере. В викторианском обществе имело место немало жестокости по отношению к ребёнку. Не было действующих законов относительно насилия родителей и учителей: телесные наказания повсеместно считались необходимой формой воспитания [Крупенина 2015, с. 235–236]. Кроме того, к началу XIX в. в Англии продолжала бытовать концепция изначальной испорченности натуры ребёнка. Считалось, что дети, как и взрослые, должны читать Библию и другие религиозные тексты, дидактические и сухие, чтобы в процессе взросления искоренить свою испорченную сущность. Английская писательница XX в. И. Вэлли отмечала, что до середины XIX столетия детская литература в основном всё же была написана «либо на религиозную, либо на моральную тематику – чаще на обе» [Whalley 1969, p. 65].

Большую роль в борьбе за «свободное детство» сыграл Чарльз Диккенс. Безусловно, многие гуманистические идеи, носителем которых он являлся, не были открыты им впервые, но его слово было достаточно весомым в обществе, чтобы быть по-настоящему услышанным [De Stasio 2010, p. 299]. Писатель считал, что ребёнок – незащищенное существо, нуждающееся в поддержке взрослых. Именно детям и их невзгодам Диккенс отдавал самые трогательные страницы своих романов, показывая их глазами жестокость окружающего мира. Поэтому для Диккенса и других викторианских авторов «ребенок становится определенным мерилom объективности, своего рода “естественным человеком”, примерно с теми же функциями, которыми наделяли его в предыдущую эпоху просветители – он смотрит на цивилизованный, (в данном случае – взрослый) мир, состоящий из условностей и очень далекий от совершенства, словно со стороны, нередко являясь чуть ли не единственным носителем здравого смысла и нравственного начала в окружении причудливых, чудаковатых или полугротескных персонажей» [Мнацаканян 2007, с. 117].

Как же увидел Чарльз Диккенс историю Англии, посмотрев на неё глазами ребёнка? *Причуды и гротеск?*

«Смешное и ужасное»: прошлое Английского королевства в представлении Чарльза Диккенса

«История...» начинается с 50 г. до Рождества Христова, когда древние «финикияне» пристали к берегам Британии⁸. С этого момента острова открываются миру, начинается их долгая история, представленная Диккенсом как последовательное описание судеб английских правителей.

На страницах книги нет таких «безликих» понятий, как «общество» и «экономика». Нет сухого описания сложных исторических процессов, таких как огораживание (*enclosure*) (упомянуто только в третьем томе в одной фразе)⁹ или образование структуры и функций средневекового парламента (палата общин (*House of Commons*)) впервые упомянута в середине текста, но без какого-либо комментария о том, как она появилась¹⁰ и так далее. Другая черта «Истории...», быстро привлекающая внимание читателя, – почти полный отказ от дат. Диккенс замечает: «Если бы я взялся перечислять вам все интриги и заговоры в подробностях, <...> вы бы решили, что “История...” – самая утомительная книга в мире» (здесь и далее перевод мой – А. М.)¹¹.

Привлечению внимания ребёнка способствует и авторский стиль – остроумный и вместе с тем простой язык, часто использующий сравнения и противопоставления. В русском переводе он не утрачивает родственности с текстом в жанре сказки: «В глубокой древности, *давно-давно* <...> острова находились на том же самом месте и бурное море бушевало вокруг них так же, как бушует теперь. <...> Ни ветры, ни волны не заносили на их берега *дерзких искателей приключений*, и дикие островитяне ничего не ведали о том, что делается мире, *а мир ничего не ведал о них*»¹². Здесь же, в этих строках, Диккенс вводит особое художественное время,

⁸ Dickens C. A child's history of England. Vol. I. England from the ancient times to the death of King John. London, 1852. P. 2–3.

⁹ Ibid. Vol. III. England from the reign of Henry the Seventh to the revolution of 1688. London, 1854. P. 66.

¹⁰ Ibid. Vol. II. England from the reign of Henry the Third to the reign of Richard the Third. London, 1853. P. 69.

¹¹ Ibid. Vol. III. P. 34.

¹² Диккенс Ч. История Англии. С. 5.

противопоставляя вечность величественного мироздания суете человека и тщетности его устремлений — мотив, затем прослеживающийся до конца произведения. Это сложная концепция, но Диккенс не боится говорить о ней с детьми, как с равными себе. Безусловно, она облачена в условности сказочного жанра, но это не делает её менее простой. Кроме того, Диккенс знает, что обращается не только к детям, но и к их родителям: чтение в викторианских домах часто проходило по вечерам, в кругу семьи.

В контрасте с картинами вечной и величественной природы изображены легкомысленные и тщеславные исторические «персонажи». Центральный литературный приём в их отношении — ирония. Авторы английской детской литературы часто строили вокруг неё свои произведения, чтобы текст было интересно читать и детям, и взрослым [Мнацаканян 2006, с. 117–118]. Однако ирония в «Истории...» вовсе не добрая или отстранённая, как это привычно для других произведений Диккенса¹³. Она часто переходит в злой и беспощадный сарказм. Так, Елизавета Йоркская описывается как «девушка не слишком добросовестная» («*not a very scrupulous young lady*»), которая «открыто заявила, что горячо любит Ричарда (короля Ричарда III Йорка). Когда же пришел февраль, а королева (Анна Невилл) всё не умирала, Елизавета выразила сожаление, что та не торожится»¹⁴. Генрих VIII называется «одним из самых омерзительных негодяев, когда-либо живших на свете»¹⁵. Елизавета I в изображении Диккенса «умная, но хитрая и лживая»¹⁶. Карл I хотя и приятный в общении, достойный и величавый, но вместе с тем вероломный и к тому же ненадёжный¹⁷. Из всех монархов

¹³ Например, в «Крошке Доррит» («*Little Dorrit*», 1857) Диккенс, описывая глупого и надменного Уильяма Доррита, при этом совершенно очевидно сочувствует ему, как ль природы недалёкому и жестоко обманутому жизнью. Миссис Кленем из того же произведения описана, как холодная и отстранённая от реальности женщина, но при этом не показана очевидно жестокой и скорее просто смешна, чем неприятна. Подобных примеров в творчестве Диккенса можно найти ещё немало.

¹⁴ Dickens C. A child's history of England. Vol. II. P. 211.

¹⁵ Ibid. Vol. III. P. 20.

¹⁶ Ibid. P. 97.

¹⁷ Ibid. P. 171.

относительно положительным героем предстаёт Альфред Великий, так как он был талантливым военачальником и продвигал образование и грамотность среди населения: «несчастье не могло его сломить, процветание не могло испортить, настойчивость ничто не могло поколебать. Поражение не могло сломить его надежды, а победа его великодушие. Он любил справедливость, свободу, истину и знание. <...> Говорят, его дух до сих пор живет в наших лучших законах»¹⁸. Глава о нём так и называется: «Англия во времена *доброто* (*«goods»*) короля-сакса Альфреда», тогда как в названиях других глав нет конкретных и тем более положительных характеристик по отношению к правителям.

Кроме того, Диккенс глубоко осуждает и называет злодейской и бесполезной казнь англичанами Жанны д'Арк¹⁹, посвящая ей отдельный параграф в главе про Генриха VI. Хотя, конечно, нельзя не отметить и противоположную ситуацию: жёсткая политика Кромвеля в период завоевания Ирландии описывается Диккенсом бегло²⁰. Возможно, писатель не мог избавиться от симпатии к этой конкретной исторической фигуре.

Чтобы показать «героев» в необходимом ему свете Диккенс вводит вымышленные ситуации и диалоги. Они абсолютно карикатурны. Так, герцог Глостер (будущий король Ричард III Йорк), зовя стражу, чтобы она схватила Лорда Гастингса, добавляет: «И дайте ему немедленно священника. Клянусь святым Павлом, что я не сяду обедать, пока не увижу его отрубленной головы»²¹. Также совершенно ясно, что Елизавета Йоркская никогда прилюдно не объявляла о своей связи с родным дядей²². Столь категорическая оценка Генриха VIII просто не может относиться к реальному человеку, даже к такому жестокому и

¹⁸ Ibid. Vol. I. P. 36–37.

¹⁹ Ibid. Vol. II. P. 160–163.

²⁰ Ibid. Vol. III. P. 226–227.

²¹ Ibid. Vol. II. P. 202.

²² Во-первых, об этом нет упоминаний в источниках, известно только о некоторых слухах, ходивших во время правления Генриха VII. Во-вторых, это противоречит простой логике: о таком не принято было заявлять. К тому же связь подобного рода с нелюбимым в народе Ричардом III бросила бы на репутацию юной девушки слишком большую тень.

своенравному, каким современники запомнили этого правителя²³. В представлении Диккенса Генрих обладал негативными качествами с самого юношества, однако общеизвестно, что в первые годы правления гуманисты, такие как Томас Мор, даже возлагали на него большие надежды²⁴. Впрочем, достоверного в «Истории...» немало: последовательность событий, часто основная суть процессов и даже мелкие детали, такие как особенности внешности королей, переданы правдиво.

Любопытно также отхождение автора от привычных ему форм описания действительности. Как мы видим, «История...» изображена «в лицах» её правителей. Однако читатель запомнил Диккенса в первую очередь как писателя «безмолвного большинства», показывающего реальность глазами угнетённых слоев общества. Однако в «Истории...» им не находится места: народ так и остается безликой массой, испытывающей праведный, но часто безрезультатный «гнев» и наблюдающей за политическими играми со стороны: «и всё это народ стерпел, как он терпел и всё остальное, <...> в то время национальный дух был изгнан из королевства. Подданные, жёны и друзья “доброего” короля (Генриха VIII), приговоренные к смертной казни, говорили о нём на эшафоте, как о добром и милостивом государе, словно рабы восточных султанов Востока или свирепых тиранов Древней Руси...»²⁵. Или в эпизоде воцарения Ричарда III лондонцы встречают выкрикивающих имя нового короля глашатаев смехом, неспособные никак повлиять на ход истории²⁶. Несчастливый, ведомый и покорный народ в «Истории...» противопоставляется высшему классу, ярко персонифицированному и находящемуся в постоянной кровопролитной борьбе за власть. В прошлом Англии бедняки постоянно вовлечены в эту войну, из которой для них нет никакой выгоды, кто бы в ней ни победил. Так называемая

²³ Dickens C. A child's history of England. Vol. III. P. 20–21.

²⁴ В эпиграмме, посвященной вступлению Генриха VIII на престол, Томас Мор писал: «Этот день – конец нашего рабства, источник нашей свободы, конец печали и начало радости» (The latin Epigrams of Thomas More, Chicago, 1953. P. 16–17).

²⁵ Ibid. Vol. III. P. 52–53.

²⁶ Ibid. Vol. II. P. 204.

революция XVII в. описывается с невероятным сочувствием к простым людям: «В течение всей этой войны народ, для которого она была крайне разорительна и обременительна и которая становилась ещё мучительнее оттого, что почти каждая семья оказывалась разделена... снова и снова горячо стремился к миру»²⁷. Впрочем, детальных описаний жестокости Диккенс избегает, ограничиваясь общими словами.

Об используемых им источниках исторического знания Диккенс не упоминает напрямую, однако установить их нетрудно. Писатель должен был опираться на общеизвестные в викторианской Англии сочинения, так как, по всей видимости, ничего нового, кроме своеобразного взгляда на уже известные события, он привести не стремился. Среди возможных источников «Хроника Англии, Шотландии и Ирландии»²⁸ Р. Холиншеда. Это обширная компиляция исторических сочинений Средневековья и раннего Нового времени, известная обращением к «тюдоровскому мифу» – национальной английской традиции историописания, преподносившей Генриха VII Тюдора и его наследников как богоизбранных спасителей Англии. Ричард III, король из династии Йорков, которого Генрих сверг, придя к власти, изображался как тиран, лицемерный и жестокий. Тюдоровский миф стирал народную память о том, что Генрих VII был не единственным, а одним из нескольких кандидатов на престол, и его правом на власть было право завоевателя. Тюдоровские хронисты, как Э. Холл и Д. Гардинг, не просто прославляли покровительствующую им династию и умалчивали некоторые исторические детали, но придавали событиям прошлого и их героям те характеристики, которые были выгодны tudorской политике [Tillyard 1944, pp. 29–31]. Интересно, что аспекты, показанные в tudorской историографии отрицательными, Диккенс таковыми и оставляет (например, негативный образ правителей из рода Йорков), положительные аспекты при этом приобретают негативную коннотацию (например, образы первых Тюдоров, в особенности Генриха VII).

²⁷ Ibid. Vol. III. P. 205.

²⁸ Holinshed R. The first-[laste] volume of the Chronicles of England, Scotlande, and Irelande. London, 1577.

Подобная ситуация и с другим значимым историческим сочинением этой эпохи – «Историей Англии»²⁹ Дэвида Юма, в которой автор сочувствует королям Англии. У «Истории...» могли быть и иные источники – школьные учебные пособия и сборники фольклора. К последним, однако, Диккенс относился скептически. Так, касаясь легенд и рассказов о сверхъестественном, он отмечает: «приятно сознавать, что теперь уже нет друидов, которые бы морочили людям головы и притворялись, будто носят с собой волшебные жезлы и змеиные яйца»³⁰.

Таким образом, «История...» воссоздаёт пугающую своей мрачностью картину: во все столетия у престола Англии стояли злодеи и дураки. Череда несчастий, вызванная их правлениями, лишь иногда прерывается отдельными позитивными эпизодами, которые из-за своего малого числа не были способны сформировать исторический образ Англии в положительном ключе. Синтез самих по себе антонимичных понятий – смешного и ужасного – лучше всего описывает суть репрезентации Диккенсом прошлого Британской империи.

«Свернуть попугаю голову ещё в колыбели»: борьба за будущее английского общества

Какой бы жестокой не представлялась действительность в произведениях Чарльза Диккенса, она всегда преодолевалась его концепцией бытия — идеей конечной победы добра и справедливости. Писатель верил, что «люди сумеют из глубины любви к себе подобным и понимания их потребности счастья найти радость, веселье и мир на земле» [Дьяконова 1996, с. 27]. Эта установка была обязана существовать во внутреннем мире его произведений. *Но где же она в «Истории...»?* Завершается книга в положительном ключе: «Протестантская вера утвердилась в Англии, и великая и славная Английская Революция завершилась»³¹. Дальнейшие сто с лишним лет Диккенса уже не интересуют: в короткой главе-заключении он в нескольких словах

²⁹ Hume D. The history of England. London, 1754.

³⁰ Dickens C. A child's history of England. Vol. I. P. 8.

³¹ Dickens C. A child's history of England. Vol. III. P. 317.

описывались события с 1689 г. до восшествия на престол королевы Виктории в 1837 г. и словно в спешке обрывает повествование: «Виктория добрая и всеми любимая правительница. И потому я заканчиваю восклицанием: “Боже, храни королеву!”»³². То есть Диккенс не отказывается от веры в победу добра, но в его понимании эта победа ещё не наступила, хотя важные шаги для этого были сделаны с ограничением монархии.

Далее интересно ещё одно кажущееся несоответствие, которого частично мы уже касались выше. «Взрослые» романы Диккенса известны изображением широкой социальной панорамы в переплетении множества ярких карикатур. В свою очередь, «История...» с первых и до последних страниц является по своей сути одной нескончаемой однородной карикатурой. В первом случае, несмотря на гротескность образов, легко поверить, что скупой и одинокий мистер Скрудж из «Рождественской песни» («A Christmas Carol in Prose, Being a Ghost Story of Christmas», 1843) или эгоистичная и отстранённая от настоящих проблем миссис Джеллиби из «Холодного дома» («Bleak House», 1853) могли существовать в реальной жизни. О «персонажах» «Истории...» так сказать нельзя: они абсолютно неестественные, хотя у них и были конкретные прототипы. Однако Диккенс считал, что в историческом романе писатель с помощью воображения воссоздаёт некую высшую правду, которая нередко не отражена в памятниках и документах [Сомова, Маслова 2015, с. 4]. В случае с «Историей...» для него, как мы видели выше, были важны прежде всего извлекаемые из прошлого этические моменты, нравственные уроки. Он стремился произвести на ребёнка сильное впечатление и создать в его сознании глубокое эмоциональное переживание, которое закрепило бы в его памяти определённые образы «плохого» и «хорошего». Поэтому Диккенс гиперболизировал в прошлом Англии всё негативное, что видел в современном ему обществе, стремясь вызвать у юных читателей к нему отторжение и страх.

Исходя из описанного выше, Диккенса можно отнести к представителям вигской историографии, которая видела

³² Ibid. P. 321.

исторический процесс как движение общества и государства по ступеням прогресса в ходе борьбы старого с новым³³. В краткий период с конца 1845 г. до середины 1846 г. Диккенс возглавлял редакцию либерального издания «Daily News», через которое он надеялся отстаивать, по его собственным словам, принципы прогресса и совершенствования, просвещения, а также гражданской и религиозной свободы и равного для всех законодательства [Roberts 1989, p. 51]. Немногим позже, после разочарования в возможности изменить положение в обществе со страниц «Daily News», не выдержав конфликта с одним из её основателей и уйдя из редакции, в письме другу Дугласу Уильяму Диккенс упоминает об «Истории...» и признаётся: «Я пишу небольшую историю Англии для своего мальчика, <...> потому что не знаю, что мне делать, если он заразится какими-нибудь консервативными или ортодоксальными взглядами; и я считаю, что лучший способ предотвратить такой ужасный результат – это *свернуть попугаю шею ещё в колыбели*» [Hartley 2012, p. 118].

Общеизвестно, что Диккенс видел в консерватизме причины социальной несправедливости и тяжёлого положения простого народа. Английская буржуазия, прикрываясь своей приверженностью к традициям, стремилась сохранить в неприкосновенности установленные порядки и не допустить преобразований. Диккенс, в свою очередь, призывал к реформам против недостатков общества, верил в мирный путь развития общества, путь убеждения и перевоспитания людей [Jann 1987, pp. 199–200; Coles 1986, p. 173].

К началу 50-х гг., будучи отцом уже десяти детей и видя, что его тексты для взрослых, пусть и находят отклик в сердцах, но не способны изменить общество в достаточной мере, Диккенс задумывает историописание для тех, у кого моральные ценности находятся в процессе становления и поэтому пока расположены к изменениям. Показывая детям историю Англии в столь мрачном

³³ Термин «вигская» впервые употребил британский историк Герберт Баттерфилд в работе «Вигская интерпретация истории», вышедшей в 1931 г. Он обозначил так историографическую школу XIX в., восхвалявшую любой прогресс. См.: Butterfield H. The Whig Interpretation of History. London, 1931.

свете, Диккенс как бы говорит: не стоит стремиться к идеалам прошлого – они того не стоят.

Заключение

На страницах «Истории Англии для юных» Чарльз Диккенс совместил дидактичность, заключающуюся в так называемых «уроках истории», и вместе с тем развлекательность, построенную на приёме иронии, сенсационном характере происходящих событий³⁴, а также простом и изобретательном языке написания. С помощью этих литературных приёмов происходит равноправный диалог ребёнка и взрослого о предметах, которые первый в силу возраста ещё не способен понять и осмыслить в полной мере, но уже способен воспринять и затем осознать по мере взросления.

Диккенс видел своей целью «преодоление ностальгии» [Janp 1987, p. 200], поэтому подробно описывал ужасы, бытовавшие в прошлом Английского королевства, при этом расставляя необходимые акценты – проводил чёткую линию между добром и злом. В этих условиях исторические фактам искусственно придавались позитивная или негативная коннотации, прошлое вставало на службу настоящего. Подобный исторический нарратив становился для детей эмоциональным переживанием. В представлении писателя оно должно было наставить их на «правильный путь», которого они будут придерживаться и во взрослой жизни, создав тем самым новый облик нации.

«История...» входила в британскую школьную программу с момента выхода и вплоть до Второй мировой войны – стала частью государственной политики памяти. Она пережила на родине множество переизданий³⁵, а в XXI в. получила известность в

³⁴ Сенсационный роман – популярный жанр английской литературы 1860-х гг., сочетающий элементы готики, мелодрамы и социальной прозы. Сюжеты таких романов, как правило, строились вокруг шокирующих событий – убийств, семейных тайн и так далее.

³⁵ A child's History of England // Open library. URL: https://openlibrary.org/works/OL9250413W/A_Child's_History_of_England?edition=key%3A/books/OL9039872M (дата обращения 15.05.2025). Указано 167 изданий! Данный ресурс может незначительно ошибаться, однако даже если настоящее число изданий чуть больше или меньше, оно поражает.

России: с 2001 г. вышло по меньшей мере девять изданий³⁶. «История...» породила немало мифов о прошлом: о жестоком нраве людей Средневековья и раннего Нового времени, о кровожадности и глупости английских монархов. Но главным наследием Диккенса стала вера в светлое будущее, которую он передал многим поколениям детей.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор статьи выражает особую благодарность старшему научному сотруднику центра сравнительной истории и теории цивилизаций Института всеобщей истории РАН Георгию Владимировичу Шпаку за оказанную помощь при проведении данного исследования.

ACKNOWLEDGEMENTS

The author of this article would like to express her special gratitude to Georgy Vladimirovich Shpak, Senior Research Fellow at the Center for Comparative History and Theory of Civilizations of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences, for his assistance in conducting this research.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникушкина 2012 – *Аникушкина М.В.* Викторианство и английская литературная сказка // *Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций.* 2012. № 5. С. 6–15.
- Дьяконова 1996 – *Дьяконова Н.Я.* Философские истоки миросозерцания Диккенса // *Известия РАН. Серия: литература и языки.* 1996. Т. 55. № 1. С. 17–29.
- Крупенина 2015 – *Крупенина М.И.* Неважный народец: «Большие надежды» и образ детства в викторианской Англии // *ИСОМ.* 2015. № 7–2. С. 235–239.

³⁶ Полный список изданий книги Ч. Диккенса «История Англии для юных» // *Livelib.* URL: <https://www.livelib.ru/book/129819/editions> (дата обращения: 15.05.2025).

- Мнацаканян 2006 – *Мнацаканян К.А.* Ирония и способы ее выражения в английской литературной сказке викторианской эпохи // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2006. № 2. С. 116–122.
- Мнацаканян 2007 – *Мнацаканян К.А.* Образ ребенка и категория детскости в викторианской литературной сказке // Вестник ПСТГУ. Серия 3: Филология. 2007. № 9. С. 115–120.
- Сомова, Маслова 2015 – *Сомова Е.В., Маслова М.А.* Жанр «истории» в английской литературе XIX века // Вестник Мининского университета. 2015. № 3. С. 9–18.
- Coles 1986 – *Coles N.* The Politics of ‘Hard Times’: Dickens the Novelist versus Dickens the Reformer // *Dickens Studies Annual*. 1986. Vol. 15. P. 145–179.
- De Stasio 2010 – *De Stasio C.* Starving vs Cramming: Children’s Education and Upbringing in Charles Dickens and Herbert Spencer // *Dickens Quarterly*. 2010. Vol. 27. № 4. P. 299–306.
- Hartley 2012 – *Hartley J.* The Selected Letters of Charles Dickens. Oxford: Oxford University Press, 2012. 496 p.
- Jann 1987 – *Jann R.* Fact, Fiction, and interpretation in ‘A child’s history of England’ // *Dickens Quarterly*. 1987. Vol. 4. № 4. pp. 199–205.
- Roberts 1989 – *Roberts D.* Charles Dickens and the ‘Daily News’: Editorials and Editorial Writers // *Victorian Periodicals Review*. 1989. Vol. 22. № 2. P. 51–63.
- Tillyard 1944 – *Tillyard E.M. W.* Shakespeare’s History Plays. London: Chatto & Windus, 1944. 336 p.
- Whalley 1969 – *Whalley J.I.* Cobwebs to Catch Flies. Berkeley: University of California, 1969. 163 p.

REFERENCES

- Anikushkina, M.V. (2012), “Victorianism and the English Literary Fairy Tale”, *Mirovaya literatura na perekrestke kultur i civilizacij*, no. 5. pp. 6–15.
- Coles, N. (1986), “The Politics of ‘Hard Times’: Dickens the Novelist versus Dickens the Reformer”, *Dickens Studies Annual*, vol. 15, pp. 145–179.

- De Stasio, C. (2010), “Starving vs Cramming: Children’s Education and Upbringing in Charles Dickens and Herbert Spencer”, *Dickens Quarterly*, vol. 27, no. 4, pp. 299–306.
- D'yakonova, N.YA. (1996), “The Philosophical Origins of Dickens' Worldview”, *Izvestiya RAN, literatura i yazyki*, vol. 55, no. 1, pp. 17–29.
- Hartley, J. (2012), *The Selected Letters of Charles Dickens*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Jann, R. (1987), “Fact, Fiction, and interpretation in ‘A child’s history of England’”, *Dickens Quarterly*, vol. 4, no. 4, pp. 199–205.
- Krupenina, M.I. (2015), “A Bad Set of Fellows: “Great Expectations” and the Image of Childhood in Victorian England”, *ISOM*, no. 7–2, pp. 235–239.
- Mnacakanyan, K.A. (2006), “Irony and the Ways of Its Expression in Victorian Fairy Tales”, *Vestnik PSTGU, Filologiya*, no. 2, pp. 116–122.
- Mnacakanyan, K.A. (2007), “The Child and Childhood in the Victorian Fairy Tale”, *Vestnik PSTGU, Filologiya*, no. 9, pp. 115–120.
- Roberts, D. (1989), “Charles Dickens and the ‘Daily News’: Editorials and Editorial Writers”, *Victorian Periodicals Review*, vol. 22, no. 2, pp. 51–63.
- Somova, E.V. and Maslova, M.A. (2015), “The genre of “history” in the English literature of the 19th century”, *Vestnik Mininskogo universiteta*, no. 3, pp. 9–18.
- Tillyard, E.M. (1944), *W. Shakespeare’s History Plays*, Chatto & Windus, London, UK.
- Whalley, J.I. (1969), *Cobwebs to Catch Flies*, University of California, Berkeley, USA.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Анастасия Р. Майданыук, студент бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет; лаборант, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; nastasia.maydanyuk@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anastasia R. Maydanyuk, bachelor student, Russian State University for the Humanities; research assistant, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; nastasia.maydanyuk@gmail.com

Визуальная репрезентация города на примере банкнот
второй половины XIX – первой четверти XX вв.

Никита К. Ополченев

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, nikits34578@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается генезис и функциональная роль визуальных репрезентаций городской среды в контексте денежных знаков Российской империи и периода социально-политической трансформации (1917–1920 гг.). Основываясь на теории К. Линча о значении когнитивного образа города для ориентации и поведения индивидов, автор выдвигает гипотезу об использовании изображений городов на банкнотах как инструмента политической коммуникации и формирования коллективной идентичности. Основное внимание уделено анализу нереализованного проекта «городской серии» банкнот 1860-х гг. Экспедиция заготовления государственных бумаг, где виды Москвы, Санкт-Петербурга, Гельсингфорса и Варшавы отражали иерархическую структуру империи и интеграционную политику. Кроме того, рассматриваются эмиссии периода революции и Гражданской войны. Автор приходит к выводу, что изображения городов на денежных знаках, начиная с проекта 1860-х гг. и особенно в условиях социально-политического кризиса 1917- 1920 гг., выполняли не только эстетическую, но и значимую политико-идеологическую функцию. Они использовались различными политическими режимами для легитимации своей власти, пропаганды военно-политических целей, демонстрации статуса территорий и формирования в общественном сознании необходимых образов власти. Это подтверждает практическую значимость концепта «образа города» в социально-политическом контексте.

Ключевые слова: образ города, «городская серия», визуальная репрезентация, политическая пропаганда, Российская империя, урбанистическая идентичность, архитектурный ландшафт

Для цитирования: Ополченев Н.К. Визуальная репрезентация города на примере банкнот второй половины XIX – первой четверти XX вв. // Молодой историк. 2025. № 3. С. 28-45.

Visual representation of the city on the banknotes
of the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries

Nikita K. Opolchenov
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, nikits34578@gmail.com

Abstract. This article examines the genesis and functional role of visual representations of the urban spaces on the banknotes of the Russian Empire in the period of socio-political transformation (1917-1920). Building on K. Lynch's theory of the cognitive image of the city aimed at orientating for individuals, the author hypothesizes the use of city images on the banknotes as a tool of political communication and collective identity. The research centers on the unrealized project of the "urban series" of 1860ies banknotes 1860s, on which the views of Moscow, St. Petersburg, Helsingfors, and Warsaw reflected the hierarchical structure of the Russian Empire and integration policy. After considering the periods of emissions during the revolution and Civil War, the author comes to the conclusion that the city images on the 1860ies banknotes, during the socio-political crisis of 1917–1920 in particular, performed not only an aesthetic, but also a significant political and ideological function. Various political regimes employed them to legitimize their power, promote military and political goals, demonstrate the status of territories and construct the appropriate images of power in public consciousness. This confirms the practical significance of the city image concept in the socio-political context.

Keywords: city image, "urban series", visual representation, political propaganda, Russian Empire, urban identity, architectural landscape

For citation: Opolchenov, N.K. (2025), “Visual representation of the city on the banknotes of the second half of the 19th – first quarter of the 20th centuries”, *Young Historian*, no. 3, pp. 28-45.

Концепт «образа города» формируется во второй половине XX вв. Кевин Линч подчеркивал значимость образа окружающей среды в процессе ориентации в среде городской. Помимо этого, образ города играет ключевую роль в процессе обработки информации и принятия решений, интегрируя результаты сенсорного восприятия с накопленными воспоминаниями о прошлых событиях. Этот когнитивный конструкт обладает как практической, так и эмоциональной значимостью для индивида, оказывая влияние на его поведение и восприятие окружающей действительности [Линч 1982, с. 17].

Тем самым образ города, представляющий собой совокупность интеллектуальных, ценностных, этических и эстетических аспектов, формирующихся в сознании через ассоциативные связи [Власова 2010, с. 127–129], оказывает воздействие на человека и определяет его стратегию взаимодействия с конкретной городской средой.

Опираясь на вышеизложенные концептуальные установки, в настоящей статье будут проанализированы банкноты т.н. «городской серии». Отсчитывать историю «городской серии» следует с середины XIX столетия. Именно тогда, в 1860-х гг., в рамках денежной реформы Александра II (1860–1864 гг.) появились намерения обновить не только линейку номиналов (последний раз это произошло в 1843 г.), но и улучшить систему защиты банкнот от подделок. Эскизы банкнот были подготовлены художниками ЭЗГБ (Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг) [Богданов 2019]. Предполагалось нанести на банкноты виды городов следующим образом:

- Один рубль (рис. 1) – памятник К. Минину и Д. Пожарскому (который тогда находился у ГУМа; соответственно, на заднем плане планировался вид на торговые ряды);

Рис. 1. Один рубль 1860 г.¹

- Пятирублёвый эскиз (рис. 2) тоже должен был быть связан с Москвой: вид Кремля со стороны Москвы-реки;

Рис. 2. Пять рублей 1860 г.²

¹ Богданов А.А. «Этнографическая» серия 1860 года. Олонецкие охотники и одесские матросы на проекте банкнот. URL: https://kollektioner-spb.ru/article/etnograficheskaya_seriya_1860_goda_olonetskie_okhotniki_i_odesskie_matrosy_na_proekte_banknot/ (дата обращения: 20.05.2025).

² Деньги России от истоков до современности (2009–2024), «Деньги Российской империи». URL: <https://www.russian-money.ru/banknotes/imperiya/proekty/5-rublej-eskiz-1860--4828> (дата обращения: 20.05.2025).

- На десятирублёвой банкноте (рис. 3) хотели изобразить вид гавани Гельсингфорса (современные Хельсинки);

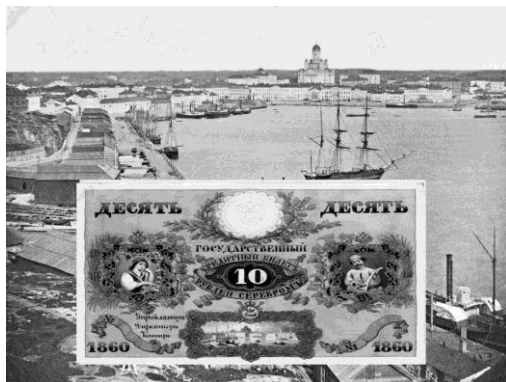

Рис. 3. Десять рублей 1860 г.³

- Одни из вариантов банкноты достоинством двадцать пять рублей (рис. 4) посвятили Варшаве: вид Замковой площади с Королевским замком; другой вариант был выполнен художником А.И. Дютаком⁴ и представлял изображение Кремля и Большой каменного моста (рис. 5).

Рис. 4. Двадцать пять рублей 1860 г.⁵

³ Музей истории денег. URL: https://vk.com/museum_goznak?w=wall-124813749_7438&z=photo-124813749_457242090%2F0d5f8854fc25d74d90 (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ Музей истории денег. URL: https://vk.com/museum_goznak?from=groups&w=wall-124813749_16083 (дата обращения: 20.05.2025).

⁵ Музей истории денег (2023). URL: https://vk.com/museum_goznak?from=groups&w=wall-124813749_16083 (дата обращения: 20.05.2025).

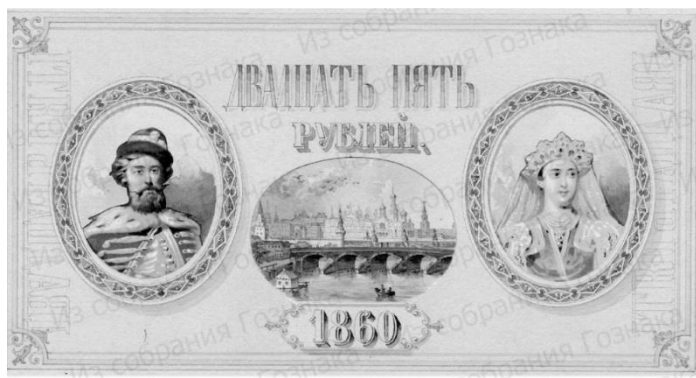

Рис. 5. Проект художника А.И. Дютака⁶

• Самым высоким номиналом был сторублёвый (рис. 6), на котором художник поместил вид Дворцовой площади в Санкт-Петербурге.

Рис. 6. Сто рублей 1860 г.⁷

Часть эскизов этих банкнот украшали представители разных губерний империи. Работали над данными эскизами художник Н.А. Зауервейд, портретист Фадеев; затем – А.И. Дютак. Однако несмотря на оригинальное решение и масштабность проекта

⁶ Там же.

⁷ Компания «Гознак». «Гознак приглашает в путешествие по городам, изображённым на банкнотах и монетах». URL: <https://goznak.ru/en/about/press/news/42079/> (дата обращения: 20.05.2025).

корабль, который вёз доски для металлографической печати, изготовленные американской компанией «American Bank Note Company», затонул, и они оказались испорчены морской водой [Богданов 2019]. В результате этого на новых банкнотах, выпущенных в 1866 г., появились портреты правителей России: Дмитрия Донского, Михаила Фёдоровича, Петра I и Екатерины II [Денисов 2003, с. 82–83] (рис. 6).

Рис. 7. Банкноты 1866 г. с правителями России⁸

Хотя проект и не был реализован, он интересен тем, что впервые на банкнотах планировалось поместить изображение города. Заслуживает внимания и тенденция выбора городских объектов. В линейке номиналов преобладали виды Москвы, которая тогда не была столицей, но именовалась «первопрестольной» и оставалась местом коронации императоров страны. Поэтому важно понимать, что статус Москвы был тогда довольно высок, что и объясняет появление видов города на двух из пяти номиналов. Помещение Варшавы и Гельсингфорса подчеркивало их статус в качестве административных центров и способствовало их дальнейшей интеграции, указывая тем самым значимость городов в составе Российской империи. Сторублевый же эскиз, имея самый высокий номинал из представленной

⁸ Монеты России и СССР. «Государственные кредитные билеты 1866–1886 гг.». URL: <https://moneta-russia.ru/paper/kreditnye-bilyety-1866-1886.php?ysclid=m6anlvbtxz82610288> (дата обращения: 20.05.2025).

линейки, должен был подчеркнуть столичный статус Санкт-Петербурга.

Стоит отметить, что «городских» тенденций в Российской империи на банкнотах более не проявлялось. Однако период между распадом империи и образованием СССР позволяет нам выделить некоторые проекты в этом направлении.

Первым подобным примером является банкнота номиналом 1000 рублей (рис. 8), выпущенная Временным правительством в июне 1917 г. В качестве основы проекта этой банкноты были взяты эскизы Монгольского национального банка, подготовленные в 1916 г. Образцом для этих эскизов выступила банкнота номиналом 25 рублей [Пирожков 2018, с. 104].

Рис. 8. Тысяча рублей 1917 г.⁹

На оборотной стороне можно увидеть изображение Таврического дворца в Санкт-Петербурге. Банкнота печаталась до 1918 г., а в обороте находилась до 1922 г., получив в «народе» прозвище «думки»¹⁰. Можно предположить, что выпуск банкноты должен был подчеркнуть преемственность нынешнего

⁹ Монетник.ру. Подлинная нумизматика (2015–2025), «Банкноты Временного правительства». URL: <https://www.monetnik.ru/banknoty/sssр/1917-1918/1000-rublej-1917-klishe-2-59294/> (дата обращения: 20.05.2025).

¹⁰ Деньги России от истоков до современности (2009–2024), «Банкноты Временного правительства». URL: <https://www.russian-money.ru/banknotes/denjgi-vremennogo-pravitelstva/1000-rublej-vypusk-vremennogo-pravit-1917--2795> (дата обращения: 04.06.2025).

Правительства предыдущим властям (именно в Таврическом дворце заседала Государственная дума Российской империи), а также закрепить в массовом сознании образ новой власти, т. к. до июля 1917 г. Временное правительство заседало в этом дворце. Внешний анализ этой банкноты показывает, что её оформление – это стремление к созданию новой государственной символики, характеризующейся сложным художественным оформлением. В то же время, «современницы» – 20 и 40 рублей (рис. 9), – стали результатом финансовой паники и технологических ограничений, отражая кризис и адаптацию к нему, поскольку не имели яркой визуальной составляющей, поскольку эмиссия двух этих банкнот (20 и 40 рублей) была вызвана необходимостью в увеличении их производства, а срочность подготовки к выпуску указывала на критическое состояние экономической системы страны. [Ходяков 2014, с. 119].

Рис. 9. Двадцать и сорок рублей 1917 г.¹¹

Дальнейшее развитие «городская» тенденция получила уже в годы Гражданской войны, несмотря на хаотичность и отсутствие централизованного управления денежной массой.

Например, в 1917 г. в Одессе были выпущены собственные банкноты, рассмотрим их подробнее:

¹¹ Монетник.ру. Подлинная нумизматика (2015–2025), «Керенки – 20 и 40 рублей 1917 года». URL: <https://www.monetnik.ru/obuchenie/bonistika/kerenki-1917-2040/?ysclid=m6banut74uz661805168> (дата обращения: 20.05.2025).

- банкнота номиналом 3 рубля: на лицевой стороне изображение здания Новой биржи, на оборотной стороне просвечивается изображение здания Одесского городского совета (рис. 10);

- купюра достоинством 5 рублей: лицевая и оборотная сторона идентичны композиции 3-х рублёвой (рис. 10);

- 10 рублёвая банкнота содержит изображение Одесского городского совета на оборотной стороне банкноты (рис. 10);

Рис. 10. Три, пять и десять рублей Одессы¹²

- 25-ти рублёвая банкнота на лицевой стороне имеет уменьшенное изображение Одесского городского совета, на оборотной – также изображение здания городского совета и здание Новой биржи (рис. 11);

¹² Монетник.ру. Подлинная нумизматика (2015–2025), «Одесские деньги 1917–1920 гг.». URL: <https://www.monetnik.ru/obuchenie/bonistika/dengi-odessy-1917-1920/?ysclid=m6aofeae69713031181> (дата обращения: 20.05.2025).

- 50-ти рублёвая банкнота по композиции схожа с предыдущей купюрой (рис. 11).

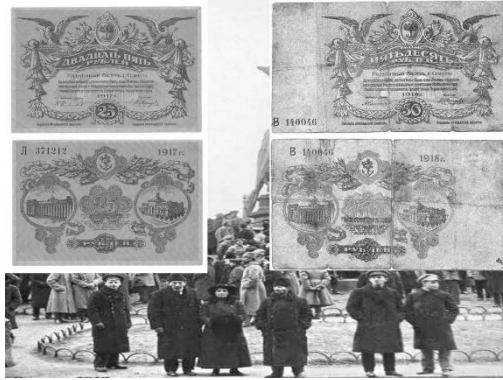

Рис. 11. Двадцать пять и пятьдесят рублей Одессы¹³

Эмиссия банкнот проходила под руководством временного финансового комитета, который вёл переговоры о печати данных денежных знаков в местных типографиях¹⁴.

Таким образом, на банкнотах было размещено правительственное здание, в котором и было одобрено решение о печати банкнот, т.е. здание городского совета. Помещение же на купюры здания Новой биржи можно объяснить тем, что изначально сама биржа находилась в здании Одесского городского совета. Лишь в 1899 г. было построено отдельное здание Новой биржи. Тем самым оба здания являлись важными для города, поэтому их помещение на банкноты представляется вполне логичным.

Далее обратим внимание на банкноты Добровольческой армии под командованием А.И. Деникина:

- на лицевой стороне банкноты 100 рублей 1919 г. изображён памятник К. Минину и Д. Пожарскому, за ними контур колокольни Ивана Великого (рис. 12),

¹³ Там же.

¹⁴ Николаев Р. (2006) Банкноты родом из Одессы. URL: <https://vodyanoyznak.ru/magazine/41/783-2/> (дата обращения: 10.06.2025).

- на 1.000 рублях 1919 г. также присутствуют виды Кремля: Колокольня Ивана Великого и башни (Беклемишевская башня и Петровская) (рис. 12),
- на 5.000 рублях 1919 г. присутствует вид Кремля и колокольни Ивана Великого (рис. 12).

Рис. 12. Сто, тысяча и пять тысяча рублей 1919 г.¹⁵

Выбор объектов для помещения на эти банкноты, скорее всего, носит не хаотичный характер. В данном случае платежные средства являют собой обозначение дальнейших целей Добровольческой армии: наступление на Москву и ее захват. Появление на банкнотах памятника К. Минину и Д. Пожарскому дает возможность проведения исторической параллели – освобождение Москвы от польской интервенции в 1612 г. и от большевиков в 1919 г.

Таким образом, с помощью выпуска этих банкнот руководство Добровольческой армии пыталось позиционировать себя как освободителей России от «красной чумы».

Далее логично рассмотрим банкноты, выпущенные ГКВСЮР (Главное Командование Вооруженными Силами Юга России):

¹⁵ Монетник.ру. Подлинная нумизматика (2015–2025), «Банкноты Гражданской войны». URL: <https://www.monetnik.ru/> (дата обращения: 20.05.2025).

- 200 рублей 1919 г. Основная композиция банкноты – памятник М. Скобелеву в Москве, который был демонтирован в апреле 1918 г.; на заднем плане – панорамный вид Кремля (Спаская башня, Большой Кремлёвский дворец, Колокольня Ивана Великого и т.д.). Банкнота была изготовлена в двух сериях двумя филиалами ЭЗГБ: Серии А – Новороссийское отделение; Серии Я – Феодосийское отделение¹⁶. Примечателен и тот факт, что именно летом 1919 г. началось наступление А. Деникина на Москву, а к концу сентября был достигнут его наибольший успех. Данная банкнота была выпущена именно осенью, вероятно, подчеркивая преимущество Деникина боевым подвигам генерала Михаила Скобелева (рис. 13).

- банкнота номиналом 10.000 рублей, введённая осенью 1919 г. На оборотной стороне: девушки в латах и с оружием в руках. За спиной одной из них виды Москвы (Спаская башня и т.д.); за спиной другой – вид Санкт-Петербурга (Здание Адмиралтейства со шпилем). Присутствует и лозунг, выражающий позицию А. Деникина: «Единая Неделимая Россия». Скорее всего, купюра «намекает» на взятие в будущем не только Москвы, но чуть позднее и Санкт-Петербурга (рис. 13).

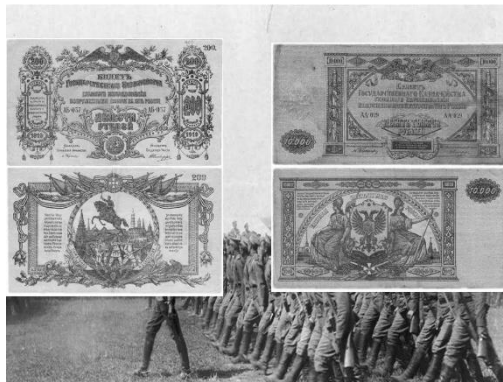

Рис. 13. Двести и десять тысяч рублей 1919 г.¹⁷

¹⁶ Бумажные денежные знаки России и всего мира (2019), «Вооруженные силы на юге России. ВСЮР». URL: http://fox-notes.ru/img_rus/VSUR-1919-200-Rubel-D260819.htm (дата обращения: 04.06.2025).

¹⁷ Деньги России от истоков до современности (2009–2024), «Банкноты ГКВСЮР». URL: <https://www.monetnik.ru/> (дата обращения: 20.05.2025).

Заслуживает внимания трансформация «городского» образа и на банкнотах ВПДВ (Временное правительство Дальнего Востока). Первоначально часть номиналов (50 копеек, 25 и 100 рублей) были подготовлены фирмой «American Bank Note Co» для Временного правительства, но выполнение проекта затягивалось. Банкноты прибыли во Владивосток лишь в 1919 г. и сразу оказались в распоряжении местных властей. Официальным заказчиком банкнот было признано правительство Колчака, но в Омск попала лишь часть тиража 50 копеек. Остальная часть, а также банкноты 25 и 100 рублей обращались во Владивостоке¹⁸. Банкнота номиналом 50 копеек на лицевой стороне имеет простое оформление, на оборотной стороне крупно изображён двуглавый орёл, под ним – уменьшенное изображение Таврического дворца (рис. 12),

- 25-ти рублёвая банкнота: на лицевой стороне – девушка в лавровом венке (скорее всего, олицетворяющая образ России), позади неё Исаакиевский собор и городской пейзаж. На оборотной стороне уменьшенное изображение Таврического дворца (рис. 14);

- Банкнота 100 рублей на лицевой стороне в качестве композиционной составляющей содержит девушку, которая олицетворяет образ России, но уже без городского пейзажа. Однако на оборотной стороне можно наблюдать Таврический дворец (рис. 14);

- 1 рубль 1920 г. На банкноте была представлена панорама города, предположительно, Владивостока (там располагалось правительство) и изображение дальневосточных сопок. Возможно, таким образом планировалось обозначить и подчеркнуть наличие столицы, а вместе с этим и «полноценность» данного политического образования (рис. 14).

¹⁸ Деньги России от истоков до современности (2009–2024), «Банкноты Временного правительства». URL: <https://www.russian-money.ru/banknotes/denjgi-vremennogo-pravitelstva/50-kopek---2991> (дата обращения: 10.06.2025).

Рис. 14. 50 копеек ВПДВ¹⁹Рис. 15. Один, двадцать пять и сто рублей ВПДВ²⁰

Все банкноты сохраняли платёжеспособность до 1920 г.²¹

Таким образом, работа над развитием «городской серии» на банкнотах началась в Российской империи еще в 1860-х гг. К сожалению, разработанные эскизы в обращение не попали, т.к. отсутствовало оборудование для их изготовления. В период распада Российской империи и становления Советского государства, несмотря на экономическую нестабильность и политическую анархию, на банкнотах Временного правительства появились городские сюжеты. Это было частью стратегии легитимизации власти и укрепления восприятия преемственности с предыдущими административными структурами в общественном сознании. В условиях денежного хаоса, вызванного Гражданской войной, различные местные и политические структуры использовали эмиссию денежных знаков для пропаганды, экономического регулирования и формирования собственной

¹⁹ Деньги России от истоков и до современности (2009–2024), «Банкноты Временного правительства Дальнего Востока». URL: <https://www.russian-money.ru/banknotes/bony-grazhdanskoj-vojni/dalnij-vostok/> (дата обращения: 20.05.2025).

²⁰ Там же.

²¹ Деньги России от истоков и до современности (2009–2024), «Банкноты Временного правительства Дальнего Востока». URL: <https://www.russian-money.ru/banknotes/bony-grazhdanskoj-vojni/dalnij-vostok/> (дата обращения: 20.05.2025).

политической идентичности. Так, на банкнотах Одессы помещались объекты, связанные с финансово-политической жизнью города (здание Новой биржи, здание городского совета). «Городские» сюжеты, помещенные на купюрах, выпускавшиеся ГКВСЮР, принадлежали к тем городам, которые не контролировались их войсками, что даёт возможность считать эти банкноты элементом визуальной пропаганды предполагаемых будущих военных успехов. Образ города на банкнотах Добровольческой армии также во многом предопределял будущие военные успехи: взятие Москвы. Банкноты Временного правительства Дальневосточной Республики (ВПДР) служили инструментом формирования визуального образа правительства и обеспечения его легитимности в контексте преемственности от Временного правительства. Это подтверждается использованием на банкнотах изображений Таврического дворца и архитектурных элементов Санкт-Петербурга.

Подводя итог, можно утверждать, что появление изображения города на банкнотах в рассматриваемый хронологический период было напрямую связано с политическими изменениями в стране. Анализ выпускаемых в этот период денежных знаков и их эскизов показывает, что формирование «нового городского образа» имело целью закрепить в общественном сознании символическое представление города как визуальной репрезентации политических сил, находящихся у власти.

ЛИТЕРАТУРА

- Богданов 2019 – *Богданов А.А.* Деньги, которых не было. К 250-летию российских бумажных денег. Буклет к выставке «Деньги, которых не было: К 250-летию российских бумажных денег» [Электронный ресурс]. URL: <https://sovmint.ru/download/Buklet-Dengi-kotorih-ne-bilo.pdf> (дата обращения 04.06.2025).
- Власова 2010 – *Власова Я.М.* Визуальный образ в современной культуре: к постановке проблемы // Вестник Волгоградского государственного университета. 2010. № 8. С. 127–129.

- Денисов 2003 – Денисов А.Е. Бумажные денежные знаки России 1769–1917 годов. Часть 2. «Государственные бумажные денежные знаки 1840–1896 годов». М.: Издательский дом «Финансы и кредит», 2003. 284 с.
- Линч 1982 – Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
- Пирожков 2018 – Пирожков Б.П. Бумажные деньги России 1898–1934 годов. М.: Русский печатный двор. 2018. 250 с.
- Ходяков 2014 – Ходяков М.В. «Керенки» и их изготовление в Петрограде в 1917 г. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2014. № 19. С. 116–127.

REFERENCES

- Bogdanov, A.A. (2019), “Money That Never Existed. On the 250th Anniversary of Russian Paper Money. Booklet for the Exhibition ‘Money That Never Existed: On the 250th Anniversary of Russian Paper Money’”. URL: <https://sovmint.ru/download/Buklet-Dengi-kotorih-nebilo.pdf> (Accessed June 4 2025).
- Denisov, A.E. (2003), “Paper banknotes of Russia in 1769–1917. P. 2. ‘State paper banknotes of 1840–1896’”, *Finance and Credit Publ.*”, Moscow, Russia.
- Khodiakov, M.V. (2014), “‘Kerenki’ and their manufacture in Petrograd in 1917”, *Proceedings of the Historical Faculty of St. Petersburg University*, no. 19, pp. 116–127.
- Lynch, K. (1982), *Образ города* [The image of the city], Stroyizdat, Moscow, Russia.
- Pirozhkov, B.P. (2018), *Бумажные деньги России 1898–1934 годов* [Paper money of Russia 1898–1934], Printing Yard, Moscow, Russia.
- Vlasova, Ya.M. (2010), “The visual image in modern culture: towards a problem statement”, *Bulletin of the Volgograd State University*, no. 8, pp. 127–129.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никита К. Ополченев, студент бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; nikits34578@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikita K. Opolchenov, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; nikits34578@gmail.com

УДК 94(47)

Увеселительные сады как способ формирования
городской культуры во второй половине XIX века

Софья А. Сороколетова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, s14000@yandex.ru*

Аннотация. В результате проведения «Великих реформ» при Александре II в Российской империи во второй половине XIX в. стала формироваться широкая прослойка городских потребителей, вышедших из крепостных крестьян, у которой появился запрос на более разнообразное проведение досуга после рабочего дня. Господствующее положение высокой культуры, порожденное в большей степени дворянством и интеллигенцией, смещается растущей демократизацией досуга, связанной с общим ростом городского населения и изменениями социально-экономических условий. Сформированный запрос на развитие народных гуляний в более цивилизованную форму повлек за собой появления коммерческих увеселительных садов.

В данной статье на примере Петровского парка показана смена ориентации с привилегированного зрителя, предпочитавшего дорогостоящие развлечения, такие как концерты с известными артистами, балы и т.д., на мещанина-рабочего, довольствующегося более массовыми формами досуга – каскадные номера, шансонетки и др. Однако конкурирующие между собой увеселительные сады стремились балансировать между упором на респектабельность предлагаемых развлечений и работой на массового зрителя. Автор приходит к выводу, что в ходе общей демократизацией культуры «низкий» вкус получает право на существование, а коммерческая выгода для антрепренёров становится приоритетнее, чем сохранение элитарных стандартов досуга.

© Сороколетова С.А., 2025

Ключевые слова: увеселительные сады, Петровский парк, демократизация культуры, антрепренёр

Для цитирования: Сороколетова С.А. Увеселительные сады как способ формирования городской культуры во второй половине XIX века // Молодой историк. 2025. № 3. С. 46-59

Pleasure gardens as a way of fostering urban culture
in the second half of the 19th century

Sofya A. Sorokoletova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, s14000@yandex.ru*

Abstract. As a result of the “Great Reforms” under Alexander II in the Russian Empire in the second half of the 19th century, a wide stratum of urban consumers emerged from the serfs, who had a request for a more diverse leisure after work. The dominant position of high culture, generated mostly by nobility and the intelligentsia, was being displaced by the growing democratization of leisure associated with the general growth of the urban population and changes in socio-economic conditions. The formed request for folk festivals in a more civilized form led to the appearance of commercial pleasure gardens.

Utilizing of Petrovsky Park as an example, the author shows a change in orientation from a privileged spectator who preferred expensive entertainment, such as concerts with famous artists, balls, etc., to a petty-bourgeois worker who was content with more mass forms of leisure – cascading performances, chansonnettes, etc. However, competing pleasure gardens sought to balance between an emphasis on the respectability of the entertainment offered and work for the mass audience. The author concludes that in the course of the general democratization of culture, “low” taste gets the right to exist, and commercial benefits for entrepreneurs become a priority over the preservation of elite standards of leisure.

Keywords: pleasure gardens, Petrovsky Park, democratization of culture, entrepreneur

For citation: Sorokoletova, S.A. (2025), “Pleasure gardens as a way of fostering urban culture in the second half of the 19th century”, *Young Historian*, no. 3, pp. 46-59.

Отдых – это неотъемлемая часть человеческой жизни. Человек всегда искал способы отвлечься от трудовых будней и домашних забот во все периоды своего разумного существования. В социологии есть концепция «третьего места» Рея Ольденбурга, т. е. нечто среднего между домом и работой, пространство, главной функцией которого является создание некоего сообщества [Ольденбург 2014, с. 20]. В городах при высоком уровне урбанизации такие места начинают формироваться сами собой повсеместно.

В конце XIX – начале XX вв. Российская империя не отстает от европейских держав в культурном плане. В отечественных городах создаются различные способы проведения досуга, что неразрывно связано с интенсивным появлением технических новшеств и формированием более широкой прослойки «потребителей». Ранее из простых развлечений у рабочих были «шьянки», кулачные бои, обозрение пожаров и чтение газеты «Московский листок», необременённой новостями политики и науки, а скорее представляющей собой подборку сплетен и разнообразных курьезных ситуаций [Ловелл 2005, с. 139].

В связи с повсеместным сокращением рабочего дня и формированием платежеспособной прослойки населения начинают развиваться различные коммерческие формы усредненного для разных представителей горожан рекреационного времяпрепровождения. Такое «уравнивание» средств досуга, создающих общественную среду для большого количества необразованных или малообразованных личностей, стало следствием смещения диктата «высокой» культуры, установленного дворянством и интеллигенцией. Как писал по этому поводу публицист Г.П. Федотов: «Дворянство социально разлагается – оно не в силах пережить “эмансипации” (отмены крепостного права) и теряет культурную гегемонию»¹. «Низкокачественный» вкус

¹ Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991. С. 87.

получил свое право на существование. Демократизация культуры стало неотъемлемой частью развития рыночной экономики в Российской империи [Лебедева 2007, с. 318]. Для реализации возникших потребностей в доступном удовлетворении тяги к досугу создавались различные формы развлечений, отвечающие широким запросам различной публики.

Можно предположить, что значительные изменения в пользу демократизации культуры, в особенности в городе, произошли после поражения в Крымской войне и прихода к царствованию Александра II, правление которого ознаменовало эпоху «Великих реформ». В частности, можно вспомнить смягчение цензуры для частных столичных газет при уплате указанного денежного залога по указу от 6 апреля 1865 г.² Разумеется, эту реформу государство использовало и в своих целях – снижение цензурного надзора привело к ужесточению риторики прогосударственных газет против либералов. Например, «Московские ведомости» под редакторством М.Н. Каткова резко критикуют земские и судебные свободы и демократические настроения в целом. Едкие комментарии и критические статьи приводят к опалам и отставкам некоторых министров. Власти довольно формально занимаются цензурованием газеты Каткова, ссылаясь на вышеуказанную реформу [Эйдельман 2021, с. 175]. Даже несмотря на то, что смягчение цензуры «развязывает язык» консервативным рупорам эпохи, одновременно с этим положительно влияет на расширение свободы печати в государстве в целом. Газеты становятся площадками для рекламы пристойных (и не особо) мест досуга, использующих часто для продвижения «черный пиар».

Народные гуляния – явление не только описываемого столетия. Каждый церковный праздник справлялся с большим размахом, будь то масленица или Пасха. Даже несмотря на некую сакральность и благопристойность религиозных событий, на народных гуляниях приветствовались драки, петушьи бои, перегонки на санях и др. Такое чередование благопристойного поведения, воздержания в период постов и бурного празднования

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е (далее – ПСЗРИ-II). Т. 40. СПб., 1865. № 41990.

их окончания представляло собой характерную черту в том числе столичной жизни.

Обширные народные гуляния вызывали большое количество внимания как со стороны горожан, так и представителей власти, в особенности после отмены крепостного права. Известный публицист и краевед В.О. Михневич писал о публике Таврического сада: «Преобладает так называемый “стрицкий” – странная особь городской зоологии, наполовину человек культурный, познавший уже вкус коньяка и дреймадеры, научившийся обращаться с носовым платком (если он имеется в кармане), а на другую – откровенный папуас, в минуты подпития грубый, дикий, бесстыдный», а также были перечислены другие представители городской «фауны»: золотая избалованная молодежь, «кутящие купчихи» и девушки низкой социальной ответственности с Невского проспекта³. Другой видный промонархический историк и публицист М.П. Погодин настаивал в заметках известной московской газеты на опеке над народными гуляниями, исходя из своих тридцатилетних наблюдений гуляния на Девичьем поле: «Какому ведомству принадлежит народные гуляния? Входило ли в голову кому-нибудь из наших государственных людей, что им очень полезно побывать на том или ином гулянии, присмотреться прислушаться и вывести свои заключения для той или иной важной государственной меры?». Также он отмечает, что основную аудиторию там представляют самые дурные и избалованные горожане (и не только)⁴. Главная мысль М.П. Погодина заключалась в необходимости реформирования содержания современного репертуара празднеств на просветительский лад с цензурными ограничениями.

Предположительно Министерство внутренних дел само уже обратило внимание на «беспредел», творящийся на постоянной основе на народных гуляниях. С приходом к власти Александра III государственный контроль усилился, что распространилось и на отечественную антрепризу. В январе 1888 г. после некоего

³ Михневич В.О. Исторические этюды русской жизни: Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения. СПб., 1886. С. 17.

⁴ Московские ведомости. 1863. № 174. С. 3.

количества предшествующих ограничений цензуры выходит указ о том, что в театрах, посещаемых преимущественно простолюдинами (также без назначенных мест), постановки должны ставиться в рамках разрешенной драматической цензуры и быть предварительно одобрены Главным управлением по делам печати⁵.

Ограничить отечественный дивертисмент правительство стремилось и другими способами. Например, народные гуляния с Новинского бульвара планомерно вытесняли из центра города: сперва на Болотную площадь, оттуда на Девичье поле, а к началу 1890-х гг. и вовсе за Пресненскую заставу⁶. Однако, несмотря на все ограничения, и правительственные народные гуляния не собирались заканчиваться. Как более облагороженная форма народных гуляний появились увеселительные сады.

Увеселительные сады или иначе «вокзалы» появились в Лондоне в поместье «Fox-hall», где с 1661 г. проводились разнообразные увеселения. Изначально плата за вход не взималась, но посетители (надо уточнить, что это была аристократия) в любом случае тратились внутри, будь то на разнообразные лакомства или кружку эля. Музыка не имела такого большого значения, как это стало впоследствии⁷. Такие увеселительные сады или воксхоллы стали появляться по всей Европе. Интересно, что позже слово «вокзал» стало относиться к железнодорожным станциям.

Стоит упомянуть, что в тот же период при Алексее Михайловиче также разводились сады в Измайлове и Преображенском, имевшие не только практический характер, но и увеселительный⁸. Москва изначально была богата на лесистые местности, будь то парки сады или бульвары. М.Н. Загоскин писал, что в 1840-х гг. в старой столице можно было увидеть «судов публичных шесть, ботанический один, частных 1024 и 15

⁵ ПСЗРИ-III. Т. 8. СПб., 1888. № 4957.

⁶ Кузнецов Е.М. Из прошлого русской эстрады: Ист. очерки. М., 1958. С. 203.

⁷ Wroth W. The London Pleasure Gardens of the 18th Century. London: Macmillan, 1896. P. 2.

⁸ Забелин И.Е. Московские сады в XVII столетии. М., 1856. С. 9.

бульваров»⁹. Часто для народных гуляний такие места и использовались. Например, известным местом такого рода были Пречистенские пруды. Его посещала только рафинированная публика, для которой устраивались разнообразные развлечения, в числе которых были цыганские хоры, чревовещатели, силачи, акробаты и т. п. Сами пруды часто декорировали китайскими фонариками и техническими новшествами [Сариева 2013, с. 218].

В Москве со второй половины XIX в. существовало около 40 увеселительных садов (стоит отметить, что некоторые из них могли и не доработать сезона) [Рябова 2016, с. 50]. В основном это были частные коммерческие проекты, создаваемые предприимчивыми бизнесменами для извлечения наибольшей выгоды. Оказывалось, однако, что это дело было довольно неблагодарным, и чаще всего антрепренёры разорялись. Как писал А.П. Чехов: «Кто летние сады хоть раз держал, тому никакая смерть не должна быть страшна»¹⁰. В то же время существовали и государственные сады, направленные на образовательные цели для простой публики.

Историк Джонатан Коллинз выделяет 3 этапа (периода) в развитии увеселительных садов, анализируя английские воксалы:

1. 1660–1730-е гг. Приоритетно увеселительные сады располагались на территориях частных владений и были ориентированы на аристократию. Часто публика уже приезжала организованными компаниями и устраивала на пару часов свои пикники самостоятельно. Увеселительный сад был относительно природным: обилие зелени, цветов и кустарников свойственных лондонскому климату, меж которых пролегалы тенистые песчаные аллеи.
2. 1730–1820-е гг. Обилие растительности сменяется широкой сетью дорожек и аллей, усыпанных гравием, большая площадь отдается музыкальному аккомпанементу – оркестру или позднее театру. Зелень остается хоть и в меньшем объеме, но становится более экзотической. Сад

⁹ Загоскин М.Н. Москва и москвичи: записки Богдана Ильича Бельскаго, издаваемые М.Н. Загоскиным. М., 1851. С. 105.

¹⁰ Чехов А.П. Полн. собр. соч. в 30-ти т. М., 1982. Т. 18. С. 58.

приобретает более коммерциализированный характер – появляются кафе и рестораны.

3. С 1820-х гг. и до заката этого явления. Увеселительные сады перестают быть похожими на парки с деревьями: растения, если и есть, то, как правило, в горшках или вовсе в пластиковом своем воплощении. Освобожденное место отдавалось под широкие роскошно украшенные сцены и площадки для оформления веранд ресторанов и кафе [Conlin 2012, pp. 18–22].

Представленная периодизация развития увеселительных садов с некими оговорками также применима к Российской империи.

Первым полноценным увеселительным садом считается московский сад на Рогожской заставе, на месте современного квартала между Большим Факельным (Воксальным) и Большим Рогожским переулками. Сад осуществлял свою работу в 1790-е гг. под руководством англичанина М.Г. Медокса по прозвищу «кардинал» из-за привычки постоянно носить красный плащ. По свидетельствам современницы, туда ездили люди «средней руки» – молодежь и неблагопристойные люди, для которых хозяин устраивал разнообразные гуляния с фейерверками и полеты на воздушном шаре¹¹. В Петровском театре, за который антрепренёр должен был ежегодно платить опекуному совету 3100 рублей¹², у него играли только комические оперы или просто комедии в одно или два действия. После чего, как правило, следовали бал или маскарад, завершающиеся широко накрытым столом. Стоимость такого увеселения была 5 рублей. В планах было создать театр для простого населения, в котором бы ставились представления народного или же патриотического характера. Но в скором времени дела у антрепренёра пошли плохо, и театр закончил свою деятельность к Отечественной войне 1812 г.

Для более детального взгляда на тенденцию демократизации культуры можно рассмотреть Петровский парк,

¹¹ Благово Д.Д. Рассказы бабушки: из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово. СПб., 1885. С. 204.

¹² Пыляев М.И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. СПб., 1891. С. 123.

который за период своего существования успел превратиться из места отдыха благовоспитанной публики в известнейшее место простонародного гуляния.

Этот парк обязан своему возникновению Петровскому дворцу. Изначально это была небольшая роща, трансформировавшаяся в один из крупнейших центров культурной жизни Москвы (на тот момент ближайшее Подмосковье). Своему «перерождению» парк обязан немцу Ф.В. Финтельману, которого нанял московский градоначальник князь Д.В. Голицын в 1834 г. [Сариева 2013, с. 261]. К этому моменту парк был значительно облагорожен. М.Н. Загоскин писал о том, что за десять лет до открытия этого «роскошного» места никто и не мог подумать о том, что чистое поле без единого деревца и домика станет совсем скоро развлекательным центром для аристократии. «Высшему слою» настолько нравился Петровский парк, что в скором времени первая часть названия отвалилась и его стали именовать просто «Парк». Интересно, что на лето 1864 г. была не занята лишь одна дача, среди которых находился парк. Помимо очевидной развлекательной стороны, Петровский парк привлекал горожан близостью к Москве, чистым воздухом, высотой деревьев и сносным количеством пыли¹³.

«Парк» в первую очередь был местом сосредоточения двух высших слоев общества в XIX в. – купечества и дворянства. «Простому люду» там было не по себе. Все в Парке было искусственно, ограждено и слишком облагорожено – «Простому мужичку странно как-то усесться на лавочку»¹⁴. Для привычного крестьянского гуляния необходимы были другие вещи – простор и большое количество еды и выпивки, а в Парке такого не было. На территории располагались только дорогие и уважаемые рестораны, вход в который для непривилегированного гостя был, разумеется, закрыт.

В 1861 г. уже известный по работе в саду «Эрмитаж» дирижёр Максимилиан Сакс открывает увеселительный сад в Парке. На выкупленном участке госпожи Мельгуновой новый владелец выстроил две крытые галереи для артистов и «перламутровый» грот

¹³ Нечто кое-об-чем // Развлечение. 1864. № 26. С. 10.

¹⁴ Ушаков А. С. Очерки Москвы Скаронского. М., 1862. С. 276–277.

для оркестра. Так отзывался об этом месте в своей книге М. Н. Загоскин: «Крытые широкие террасы, прекрасные галереи, чистые красивые комнаты и огромная зала в два света истинно изящной архитектуры; совершенная свобода: все мужчины в стуртуках, все дамы в шляпках; хороший ужин, музыка для желающих танцевать, отличный хор цыган для тех, которые любят цыганские песни, – а этих любителей в Москве очень много; полковая музыка и фейерверк для всех. Одним словом, воксал Петровского парка мог бы стать наряду с лучшими европейскими заведениями в этом роде»¹⁵.

Помимо уже упомянутых фейерверков и цыганских хоров, необычайный фурор вызывал господин Жан-Мартини, профессор древней и новейшей модной магии, который показывал фокусы для искушенной публики, например, «выращивание» нужных зрителям цветов в цилиндре¹⁶.

Однако первый увеселительный сад в Петровском парке просуществовал недолго – в 1866 г. Сакс попал в долговую тюрьму и там же скончался. Как показала практика, увеселительные сады не были прибыльными предприятиями и часто работали себе в убыток.

Следующим в Петровском парке обосновался сад Циммермана, который пользовался значительно меньшим успехом, нежели его предшественник. Для привлечения публики, помимо дополнительного облагораживания, Циммерман пригласил труппу Франца Раппо, сын Карла Раппо – владельца первого московского увеселительного сада «Тироли», удивлявшую всех подбрасыванием 30-футового пушечного ядра. Особой популярностью пользовались шансонетки¹⁷. Выступлениями в Петровском парке труппа прославилась на всю Москву, но в 1869 г. Циммерман отстранился от аренды сада.

С 1869 по 1871 гг. сад переходил из рук в руки разных антрепренёров, обреченный на постепенное загнивание, пока его не арендует немецкий иллюзионист Рудольф Беккер. Именно при нем Петровский парк перестает ассоциироваться

¹⁵ Загоскин М.Н. Указ. соч. С. 134.

¹⁶ Нечто кое-об-чем // Развлечение. 1864. № 23. С. 366.

¹⁷ Московский наблюдатель // Развлечение. 1868. № 16. С. 252–253.

с «благовоспитанностью» и переквалифицируется на «каскадный» лад, обретая новое название «Chateau des fleurs» («Замок цветов») [Сариева 2013, с. 268].

За 1 рубль за вход сад обещал яркую разнообразную программу, включавшую в себя ежедневные представления с романсами, каскадными песнями, практиками спиритизма и всевозможными техническими новшествами. Большую роль играли шансонетки, которые исполняли свои песни на французском, но, так как сформировавшаяся новая публика не обладала нужным уровнем владения языком для понимания, артистки сопровождали все выразительными движениями. Вычурная каскадность выступлений значительно понижала статус заведения среди высших слоев, но повышала известность, а, соответственно, и доходность данного заведения. Но все же Р. Беккер не позволял спуститься «Шато де Флёр» в ранг вторичных заведений и стремился приглашать мировых знаменитостей, например комика Дерам, обладавшего навыком пародирования известных личностей.

В 1874 г. напротив «Шато де Флёр» открывается сад-конкурент «Альгамбра» под руководством купца г. Мельгунова. Как писала Театральная газета: «Сад Альгамбра отделан превосходно, со вкусом, роскошно. Маленькие молочные газовые фонари изящными гирляндами тянутся во множестве по аллеям сада. Зала театра очень красива. Ресторан – самое здание и кухня – превосходные»¹⁸. Репертуар у только открывшегося сада был серьезнее и продуманнее, например, в опереттах пели известные французы: Луиззо Филиппо, Ванда, Жиль Ривуар и др. [Андреевский 2009, с. 109], за что требовалось заплатить за последнее место порядка 1,5 рублей, что отталкивало публику.

Так, конкуренция привела к постепенному угасанию обоих садов. На месте «Альгамбры» открывается увеселительный сад «Фантазия», входящий в собственность В. А. Николаева-Соколовского. В отличие от своих предшественников сад имел «вполне приличный, семейный характер»¹⁹, хотя, вероятно, статья в газете «Нива», в которой изложена такое мнение, имела рекламно-

¹⁸ Театральная газета. 1876. № 1. С. 3.

¹⁹ Новый увеселительный уголок Москвы – театр и сад «Фантазия» // Нива. 1892. № 25. С. 559.

заказную цель. К концу XIX в. сад выгорел, как и двойник «Альгамбры»²⁰.

После этого несколько антрепренёров предпринимали попытки возрождения именитых садов в Петровском парке, но извлечь значительную выгоду и закрепиться больше чем на несколько сезонов никому не удалось.

В заключении следует отметить, что Петровский парк изначально формировался как место притяжения высших слоев общества и предлагал спокойные и приличные развлечения для «дачников», стремившихся показать себя и своих жен. Однако в силу развития и распространения разнообразных видов досуга сады, расположенные на территории Парка, были вынуждены прибегать к эпатажным средствам привлечения публики, что, как видно, понижало уровень культурного репертуара. Формирование свободного класса платежеспособного населения после отмены крепостного права позволило коммерческой развлекательной сфере понизить допускную способность к своему репертуару, что связано с демократизацией культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреевский 2009 – *Андреевский Г.В.* Повседневная жизнь Москвы на рубеже XIX–XX веков. М.: Молодая гвардия, 2009. 641 с.
- Бокова 2010 – *Бокова В.М.* Повседневная жизнь Москвы в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2010. 538 с.
- Лебедева 2007 – *Лебедева В.Г.* Судьбы массовой культуры в России: вторая половина XIX – первая треть XX. СПб: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 354 с.
- Ловелл 2005 – *Ловелл С.* Отдых в России: «свободное» время и его использование // Антропологический форум. 2005. № 2. С. 136–173.
- Ольденбург 2014 – *Ольденбург Р.* Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 454 с.

²⁰ Пожар в московском саду «Альгамбра» // Театр и искусство. 1901. № 29. С. 526.

- Рябова 2016 – *Рябова С.А.* Увеселительные сады в социокультурном пространстве городов России в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 304 с.
- Сариева 2013 – *Сариева Е.А.* Развлечения в старой Москве. Очерки истории. 60–80 годы XIX века. М.: Государственный институт искусствознания, 2013. 377 с.
- Эйдельман 2021 – *Эйдельман Н.Я.* «Сказать всё...» избранные статьи по русской истории, культуре и литературе XVIII–XX веков. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 589 с.
- Conlin 2012 – *Conlin J.* The Pleasure Garden, from Vauxhall to Coney Island. Pennsylvania: University of Pennsylvania Press. 2012. 328 p.

REFERENCES

- Andreevsky, G.V. (2009), *Povsednevnyaya zhizn' Moskvy na rubezhe XIX–XX vekov* [The daily life of Moscow at the turn of the XIX–XX centuries], Molodaya Gvardiya, Moscow, Russia.
- Bokova, V. M. (2010), *Povsednevnyaya zhizn' Moskvy v XIX veke* [Everyday life of Moscow in the 19th century], Molodaya Gvardiya, Moscow, Russia.
- Kuznetsov, E.M. (1958), *Iz proshlogo russkoj estrady* [From the past of Russian pop music: Historical essays], Iskusstvo, Moscow, Russia.
- Lebedeva, V.G. (2007), *Sud'by massovoj kul'tury v Rossii : vtoraya polovina XIX – pervaya tret' XX* [The fate of mass culture in Russia: the second half of the XIX – the first third of the XX] St. Petersburg University Press, Saint Petersburg, Russia.
- Lovell, S. (2005), “Leisure in russia: free time and its uses”, *Anthropological Forum*, no. 2, pp. 136–173.
- Oldenburg, R. (2014), *Tret'e mesto: kafe, kofeini, knizhnye magaziny, bary, salony krasoty i drugie mesta “tusovok” kak fundament soobschestva* [The Great Good Place: Cafes, Coffee Shops, Bookstores, Bars, Hair Salons, and Other Hangouts at the Heart of a Community], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.
- Ryabova, S.A. (2016), *Uveselitel'nye sady v sotsiokul'turnom prostranstve gorodov Rossii v kontse XIX – nachale XX veka* [Pleasure gardens in the

socio-cultural space of Russian cities in the late 19th – early 20th century], Abstract of Ph.D dissertation (History), Moscow, Russia.

Sarieva, E.A. (2013), *Razvlecheniya v staroj Moskve. Oчерki istorii. 60–80 gody XIX veka*, [Entertainment in old Moscow. Essays on history. 60–80 years of the XIX century], Gosudarstvennyj institut iskusstvoznaniya, Moscow, Russia.

Eidelman, N.Ya. (2021), *“Skażat' vşyo...” izbrannye stat'i po russkoj istorii, kul'ture i literature XVIII–XX vekov* [“Tell everything...” selected articles on Russian history, culture and literature of the XVIII–XX centuries], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Софья А. Сороколетова, студент бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия 125993, Россия, Москва, Мнусская пл., 6; c14000@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sofya A. Sorokoletova, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russia, Moscow, Miuskaya pl., 6; c14000@yandex.ru

Советская дача во второй половине XX века:
от садово-огородного кооператива
к современным дачным поселкам

Евгения А. Левицкая

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, e.levitskaya14@gmail.com*

Аннотация. Первые дачи появились в Российской империи при Петре I, однако максимального распространения по территории нашей страны они достигли во второй половине XX в. В это время дача представляла собой важную составляющую жизни среднестатистического советского человека. Более того, дача стала настоящим социокультурным феноменом, так как аналогов данному типу загородного жилья и дачному образу жизни в целом не было нигде в мире. В данной статье рассматривается то, каким образом советская власть инициировала развитие садовых участков в 1950–1991 гг., являвшихся прообразами современных дач, и каким образом на протяжении нескольких десятилетий менялась жизнь советских садоводов – будущих дачников.

Ключевые слова: дача, советская дача, садоводство и огородничество, дачный отдых, «дачный бум», дачники

Для цитирования: Левицкая Е.А. Советская дача во второй половине XX века: от садово-огородного кооператива к современным дачным поселкам // Молодой историк. 2025. № 3. С. 60-69.

Soviet dacha in the second half of the 20th century:
from gardening cooperatives to modern dachas

Evgeniya A. Levitskaya
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia e.levitskaya14@gmail.com

Abstract. The first dachas appeared in the Russian Empire under Peter the Great and reached their maximum distribution in the Soviet Union in the second half of the 20th century. At that time, dacha played an important role in an average Soviet person's life, as it became a real socio-cultural phenomenon. There were no analogues of this type of suburban housing and country lifestyle in general anywhere else in the world. The article considers both, the way the Soviet government initiated the development of garden plots as the prototypes of modern dachas in 1950-1991 and the way the lives of Soviet gardeners - future dacha's owners - changed over several decades.

Keywords: dacha, Soviet dacha, gardening, dacha holidays, “dacha boom”, dacha owners

For citation: Levitskaya, E.A. (2025), “Soviet dacha in the second half of the 20th century: from gardening cooperatives to modern dachas”, *Young Historian*, no. 3, pp. 60-69.

Впервые дачи появились на территории нашей страны в эпоху петровских преобразований, а с каждым десятилетием становились все более востребованными среди городских жителей. Этому способствовало и развитие во второй половине XIX в. железнодорожного сообщения, и неблагоприятная экологическая ситуация во многих крупных городах, и невозможность арендовать квартиру в доходных домах на постоянной основе и многие другие факторы. Однако наибольшего распространения дачи получили во второй половине XX в. и стали неотъемлемым компонентом и зеркалом советского образа жизни, а также настоящим социокультурным феноменом.

В 1952–1991 гг. советской властью было принято множество нормативно-правовых актов, направленных на регулирование

садово-огороднической деятельности и загородного, садово-дачного времяпрепровождения [Чикильдина 2009, с. 122]. Так, в 1952 г. было утверждено Постановление Совета Министров СССР № 2991 «О возведении построек в коллективных садах предприятий, учреждений и организаций г. Москвы и Московской области»¹. Впервые садоводам и членам их семей разрешалось возводить небольшие летние одноэтажные постройки для перерывов на обед и отдых во время работы, а также для хранения инвентаря. Однако данное правило относилось к садовым участкам, расположенным не менее чем за десять километров в радиусе от Москвы. Мосгорисполком и Мособлсполком, в свою очередь, обязали обеспечить разработку типовых проектов летних построек, а также их санитарный и противопожарный надзор.

Примечательно, что Постановление 1952 г. стало первым документом, регламентирующим возведение каких-либо строений на садовых, будущих дачных участках. Как ни парадоксально, но именно наличие жилого строения на советском садовом участке впоследствии сделает его дачным, так как у рабочих и служащих появится возможность оставаться там на выходные и праздники.

Учитывая тот факт, что садово-огородническая деятельность – одно из основных направлений советской политики, 16 декабря 1955 г. Совет Министров РСФСР принимает Постановление «О дальнейшем развитии садоводства и виноградарства рабочих и служащих»². В данном документе, во-первых, оговаривается возможность выдачи участка увеличенной площади: в зависимости от размера семьи можно было

¹ Постановление Совета Министров СССР от 3 июля 1952 г. № 2991 «О возведении построек в коллективных садах предприятий, учреждений и организаций г. Москвы и Московской области» // Справочная правовая система «Консультант плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=19601#utfOBPU1passBs4> (дата обращения: 03.11.2025).

² Постановление Совета Министров РСФСР от 16 декабря 1955 г. № 1522 «О дальнейшем развитии садоводства и виноградарства рабочих и служащих» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/372346-o-dalneyshem-razviti-i-sadovodstva-i-vinogradarstva-rabochih-i-sluzhaschih-postanovlenie-soveta-ministrov-rsfsr-16-dekabrya-1955-g-locale-nil-1522> (дата обращения: 03.11.2025).

рассчитывать от шести до двенадцати соток земли. Во-вторых, на исполнительные комитеты местных Советов возлагался уже не только санитарный и противопожарный надзор, но и контроль над архитектурным оформлением находящихся на участках сооружений. Более того, в дальнейшем архитектурной составляющей будет уделяться все более пристальное внимание, особенно в 1960-е гг. И, в-третьих, впервые популяризируется идея выращивания на участках не только овощных и плодово-ягодных культур, но и винограда, цветочно-декоративных растений и даже цитрусовых, в первую очередь, лимонов.

С целью повышения урожайности фруктов, овощей и ягод, а также интенсификации развития садоводства и огородничества в целом среди рабочих и служащих на территории всего Советского Союза, 30 июня 1956 г. было утверждено Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 893 «Об увеличении производства и заготовок плодов, ягод и винограда»³. С этого момента садоводство и огородничество стало распространено не только в регионах с благоприятным для этого климатом, но и на Урале, в Западной и Восточной Сибири, на Дальнем Востоке, а также в некоторых районах Центральной Азии. Постановление предписывало «организовать в этих местностях питомники для снабжения новоселов посадочным материалом плодовых деревьев и ягодных кустарников зимостойких и урожайных сортов, а также декоративных растений»⁴. Именно таким образом коллективные сады и огороды – будущие дачи – появились в местностях, на первый взгляд, с неплодородными почвами и чрезвычайно суровыми климатическими условиями.

Несмотря на активную популяризацию советской властью огородничества, садоводства и виноградарства, Совет Министров РСФСР запретил повсеместный отвод гражданам земельных участков под индивидуальное дачное строительство принятием 30 декабря 1960 г. Постановления Совета Министров СССР № 1346

³ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 июня 1956 г. № 893 «Об увеличении производства и заготовок плодов, ягод и винограда» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/246077> (дата обращения: 03.11.2025).

⁴ Там же.

«Об индивидуальном строительстве дач»⁵. Более того, запрещалось возведение строений с последующей целью сдачи их в аренду, продажа земельных участков и использование наемного труда для их благоустройства. Тем не менее, Постановление неоднократно нарушалось, и, если говорить об аренде дач, то это было распространенным явлением, получившим отражение во множестве сатирических журналов, например, в «Крокодиле». С целью борьбы с незаконными арендаторами и арендодателями Постановление предписывало изымать у последних их участки, однако, менее распространенной данная практика так и не стала.

Утвердив 12 апреля 1965 г. Постановление № 453 «О коллективном огородничестве рабочих и служащих», Совет Министров РСФСР и ВЦСПС снова сочли необходимым форсировать коллективное огородничество рабочих и служащих⁶. В документе в очередной раз подчеркивалась важность выращивания картофеля и овощей, про плодово-ягодные культуры и декоративные растения, впрочем, ничего не говорилось.

Знаменательным событием для советских садоводов – будущих дачников стало утверждение Постановления Совета Министров РСФСР и ВЦСПС от 18 марта 1966 г. № 261 «О коллективном садоводстве рабочих и служащих в РСФСР»⁷.

⁵ Постановление Министров СССР от 30 декабря 1960 г. № 1346 «Об индивидуальном строительстве дач» // Справочная правовая система «Консультант плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=790#7tiMKPUOjMIrTSVF> (дата обращения: 03.11.2025).

⁶ Постановление Совета Министров РСФСР и ВЦСПС от 12 апреля 1965 г. №453 «О коллективном огородничестве рабочих и служащих» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/405933-postanovlenie-soveta-ministrov-rsfsr-i-vsesoyuznogo-tsentralnogo-soveta-professionalnyh-soyuzov-o-kollektivnom-ogorodnichestve-rabochih-i-sluzhaschih-12-aprelya-1965-g-locale-nil-453> (дата обращения: 03.11.2025).

⁷ Постановление Совета Министров РСФСР и ВЦСПС от 18 марта 1966 г. № 261 «О коллективном огородничестве рабочих и служащих в РСФСР» // Справочная правовая система «Консультант плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=10160&ysclid=lrnq03o44k256959064#8za312U6Dq9mqjRl> (дата обращения: 03.11.2025).

Советские садоводы получили долгожданную возможность строительства летних садовых домиков полезной площадью от двенадцати до двадцати пяти квадратных метров с террасами площадью до десяти квадратных метров на семью. Примечательно, что была организована их продажа, в т. ч. в кредит. В результате ставшие теперь дачниками садоводы перестали по вечерам уезжать в свои городские квартиры, оставаясь на дачах на ночь, выходные, праздничные и отпускные дни.

Увеличению общего времени пребывания дачников на своих участках также способствовало Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 7 марта 1967 г. «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями»⁸. Это положило начало многолетней советской, а затем и российской традиции, заключающейся в том, что каждый вечер пятницы после работы сотни тысяч дачников выезжают на свои участки, а вечером каждого воскресенья – возвращаются обратно в город. Такой образ жизни поддерживается миллионами соотечественников и в наши дни.

Спустя десять лет, 14 сентября 1977 г., было утверждено Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 843 «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве»⁹. В основном в документе содержались рекомендации по развитию сельского хозяйства и по расширению производства плодово-ягодных культур. Тем не менее подчеркивалась и необходимость

⁸ Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС от 7 марта 1967 г. «О переводе рабочих и служащих предприятий, учреждений и организаций на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355496#mode/flipbook/page/3/zoom/4> (дата обращения: 03.11.2025).

⁹ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 14 сентября 1977 г. № 843 «О личных подсобных хозяйствах колхозников, рабочих, служащих и других граждан и коллективном садоводстве и огородничестве» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/356151#mode/flipbook/page/5/zoom/5> (дата обращения: 03.11.2025).

«улучшения условий отдыха населения», что свидетельствует о планомерном возвращении даче рекреационной функции, которой она была наделена до революции. Более того, оговаривалась сумма кредита на строительство летних садовых домиков и обустройство участков, о возможности приобретения которого впервые говорилось в Постановлении 1966 г. Так, члены садовых кооперативов с 1978 г. могли получить до одной тысячи рублей с погашением в течение пяти лет. В результате в Советском Союзе количество дачных участков стремительно увеличивалось год от года. Данная тенденция получила неофициальное название «дачного бума», который случался в России несколько раз.

Накануне провозглашения курса на «ускоренное развитие народного хозяйства» в 1985 г. Совет Министров СССР утвердил Постановление «Об упорядочении организации коллективного садоводства и огородничества»¹⁰. В документе отмечалось, что при строительстве летних садовых домиков допускались серьезные нарушения. Так, например, садоводы нередко пользовались услугами неспециализированных строительных организаций и незаконно приобретали строительные материалы. Более того, под видом летних садовых домиков массово строились «особнячки дачного типа с гаражами и банями», что в конечном итоге «ведет к серьезным отступлениям от моральных и нравственных норм советского образа жизни, извращению сущности коллективного садоводства и огородничества»¹¹. Однако было уже понятно, что этот процесс носил необратимый характер, и с каждым годом на территории еще существующего СССР летних садовых домиков, построенных с нарушением требований Постановления 1966 г., становилось все больше.

Тем не менее Совет Министров СССР предпринимал попытки спасения морального облика советского садовода —

¹⁰ Постановление Совета Министров СССР от 29 декабря 1984 г. № 1286 «Об упорядочении организации коллективного садоводства и огородничества» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/347755-postanovlenie-soveta-ministrov-sssr-29-dekabrya-1984-g-ob-uporyadochenii-organizatsii-kollektivnogo-sadovodstva-i-ogorodnichestva#mode/flipbook/page/1/zoom/5> (дата обращения: 03.11.2025).

¹¹ Там же.

дачника: к разрешенным Постановлением 1966 г. двадцати пяти квадратных метров жилой площади садового домика и террасы в десять квадратов разрешалось пристраивать неотапливаемую мансарду площадью до пятнадцати квадратных метров, погреб – площадью до восьми квадратных метров, хозяйственные строения, включая душ и туалет, – площадью до пятнадцати квадратных метров, а также теплицу – также площадью до пятнадцати квадратных метров. Также оговаривалась высота строений, и устанавливался запрет на круглогодичное проживание в летних садовых домиках, что лишнее раз свидетельствовало в пользу сезонного характера дачного отдыха. Очевидно, что выполнять предписанные Постановлением нормы советскому человеку осталось недолго. Спустя семь лет он посмотрит на свои садовые-дачные участки как на предмет частной собственности, где будет устанавливать уже свои законы и порядки.

В эпоху Перестройки было принято очередное Постановление «О мерах по дальнейшему развитию коллективного садоводства и огородничества»¹². Любопытно, что согласно Постановлению, в 1986–1990 гг. планировалось продать населению не менее пятисот тридцати тысяч летних садовых домиков, а в приложении к Постановлению приводилась статистика по росту садовых-дачных участков с 1986 г. по 1990 г. по территории всего СССР в целом и по каждой союзной республике в частности. Так, в Советском Союзе численность садовых-дачных участков с одного миллиона в 1986 г. возросла до одного миллиона ста семидесяти пяти тысяч в 1990 г. В дальнейшем эта цифра будет постоянно возрастать, все больше превращая Россию в страну дач¹³.

Одним из важнейших документов для большинства дачников, в настоящее время проживающих в Российской

¹² Постановление Совета Министров СССР от 15 мая 1986 г. № 562 «О мерах по дальнейшему развитию коллективного садоводства и огородничества» // Электронная библиотека исторических документов. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/347853-postanovlenie-soveta-ministrov-sssr-15-maya-1986-g-o-merah-po-dalneyshemu-razvitiyu-kollektivnogo-sadovodstva-i-ogorodnichestva> (дата обращения: 03.11.2025).

¹³ Каганский В.А. Дачный бум // Лесной бюллетень. 2004. № 26.

Федерации, является Постановление Совета Министров РСФСР от 22 февраля 1991 г. № 110 «О предоставлении гражданам земельных участков для ведения садоводства, огородничества и животноводства»¹⁴. В соответствии с Постановлением, гражданам РСФСР на безвозмездной основе мог быть выделен участок размером до пятнадцати соток для ведения садово-огороднической деятельности и животноводства. Важно, что земельные участки выделялись на территориях, расположенных вблизи городов и других населенных пунктов (рабочих поселков, деревень, станций и т.д.), что минимизировало трудности с транспортной доступностью и с приобретением дачниками продуктов питания и товаров промышленного производства. Уже в наше время специалисты придут к выводу о сложившихся взаимовыгодных отношениях между дачниками и сельскими жителями – между городом и деревней, а данное постановление охарактеризуют как судьбоносное для многих граждан бывшего СССР.

Благодаря этому Постановлению вокруг всех крупных российских городов появились «дачные пояса», а миллионы соотечественников стали дачниками, где уже более тридцати лет проводят досуг, отдыхают и растят детей [Горлов 2019, с. 111]. Меньше, чем через год после принятия Постановления Советский Союз перестанет существовать, оставив в наследие миллионы дачных участков, дислоцирующихся в каждом субъекте Российской Федерации.

Таким образом, в нормативно-правовой документации второй половины XX в. понятие «дачники» не фигурировало, взамен употреблялось понятие «садоводов». Дача, один из трех элементов потребительского идеала Советского Союза, в свою очередь, эволюционировала от дореволюционного «дачного поселка» к «садово-огородному кооперативу», а после распада СССР – к садовым и дачным некоммерческим товариществам и

¹⁴ Постановление Совета Министров РСФСР от 22 февраля 1991 г. №110 «О предоставлении гражданам земельных участков для ведения садоводства, огородничества и животноводства» // Справочная правовая система «Консультант плюс». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=6393#tyE_FMQU8aI256j2a1 (дата обращения: 03.11.2025).

стала одним из самых массовых социокультурных явлений современной России.

ЛИТЕРАТУРА

Горлов 2019 – Горлов В.Н. Загородная дача как зеркало советского образа жизни // Вестник московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 1. С. 107–111.

Чикильдина 2009 – Чикильдина А.Ю. Историко-правовые аспекты становления садоводства, огородничества, дачного строительства в России // Журнал российского права. 2009. № 4. С. 115–122.

REFERENCES

Gorlov, V.N. (2019), “Dacha as a mirror of the Soviet way of life”, *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: History and Political Sciences*, no. 1, pp. 107–111.

Chikildina, A.Yu. (2009), “Historical and legal aspects of the formation of gardening, horticulture, and dacha construction in Russia”, *Journal of Russian Law*, no. 4, pp. 115–122.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгения А. Левицкая, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6; e.levitskaya14@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Levitskaya, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; e.levitskaya14@gmail.com

УДК 94(470)''1956/1964''

Досуг и увлечения советского человека в период оттепели

Алексей И. Федотов

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, aleksei.if.du@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена исследованию досуга и увлечений советских граждан в период 1953–1964 гг. В статье рассматриваются как ключевые виды увлечений советских граждан, включая фотографию и кинематограф, техническое творчество, коллекционирование, туризм и художественную самодеятельность, так и новые формы – посещение джазовых кафе и прослушивание авторских песен. Отдельное место в статье отводится анализу проблем, с которыми сталкивался советский человек при организации своего отдыха: нехватка инвентаря, дефицит материалов для творчества, бюрократические помехи. Таким образом, исследование демонстрирует, что досуг в период оттепели был не только отражением государственной политики, но и сферой, где проявлялись как коллективные, так и индивидуальные стремления советских граждан к творчеству, самореализации и увеличению разнообразия доступных форм отдыха.

Ключевые слова: досуг, оттепель, советская периодическая печать, молодежная культура, культурная политика, советская молодежь

Для цитирования: Федотов А.И. Досуг и увлечения советского человека в период оттепели // Молодой историк. 2025. № 3. С. 70-82.

Leisure and hobbies in the Soviet Union during the “thaw” period

Alexey I. Fedotov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, aleksei.if.du@gmail.com*

Abstract. The purpose of this article is to study leisure and hobbies of Soviet citizens in the period of 1953–1964. The paper examines the key hobbies of Soviet citizens, including photography and cinematography, technical creativity, collecting, tourism and amateur artistic activities. Also, due to social changes and technological progress, attention is being paid to the emergence and development of new forms of leisure: informal youth meetings, jazz cafes and listening to bard songs. A separate place in the article is dedicated to the analysis of the problems that Soviet people faced when organizing their holidays: lack of inventory, lack of materials for creativity, bureaucratic obstacles. Despite the expansion of opportunities, traditional forms of leisure remained, such as collective hiking, various sports events and participation in folk theater activities. Thus, the study demonstrates that leisure during the “thaw” period was not only a reflection of state policy, but also an area where both collective and individual aspirations of Soviet citizens for creativity, self-realization, physical education and the increase of all available recreation forms.

Keywords: leisure, thaw, Soviet periodicals, youth culture, cultural policy, Soviet youth

For citation: Fedotov, A.I. (2025), “Leisure and hobbies in the Soviet Union during the ‘thaw’ period”, *Young Historian*, no. 3, pp. 70-82.

В недавнее время изучение истории досуга стало все больше набирать популярность среди исследователей. Наблюдается повышение интереса специалистов к следующим направлениям исторической науки: история повседневности, историческая психология, новая культурная история, микроистория и др. Ранее большинство научных трудов сосредотачивалось вокруг проблем политической или экономической истории. В последние же десятилетия отечественные и зарубежные исследователи все чаще

уделяют внимание в своих работах быту, обычаям, культурному времяпрепровождению людей, живших в ту или иную эпоху.

Особенно важным для изучения досуга остается периодическая печать, которая была одним из главных источников информации и культурного влияния в советскую эпоху. Газеты и журналы того времени, такие как «Советская культура», «Работница», «Советский экран» «Крокодил», «Физкультура и спорт», «Советский спорт» и др., не только отражали официальную идеологию, но и формировали представления о том, как советский человек должен проводить свое свободное время. Анализ этих изданий позволяет выявить, как государство пыталось регулировать досуг граждан, рекомендуя им определенные формы свободного времяпрепровождения, а также то, как советские люди адаптировали эти рекомендации к своим реальным потребностям и интересам.

Одним из центральных периодов в исследовании досуга является хрущевская оттепель. В данную эпоху произошли значительные изменения в культурной жизни СССР. В послевоенное время Советское государство уделяет меньше внимания досугу, восстанавливаясь после потрясений, а также все еще находясь под более жестким контролем сталинского руководства, в сфере культуры в том числе. Однако с приходом оттепели ситуация стала кардинально меняться. Контроль над культурным времяпрепровождением снижался и менялся: появлялись клубы по интересам, фестивали молодежной культуры, новые жанры искусства, расширялись театральные репертуары, с новой силой модернизировалось киноискусство. Публика, заинтересованная в развивающемся культурном досуге, также расширялась.

Прежде всего в периоде оттепели важно отметить колоссальный интерес к техническому творчеству, отраженный в материалах периодической печати того времени. Журнал «Юный техник» часто публиковал большое количество схем различных устройств: от простейших радиоприемников до сложнейших приборов. Особой популярностью пользовались публикации в рубрике «Для умелых рук», где давались рекомендации и пошаговые инструкции по сборке технических устройств.

В 1959 г. увеличивается количество центров радио и телевидения, строятся новые телевизионные центры, повышается количество и качество телевизионных передач. Радиолобительство приобретает массовый характер. По данным из публикаций «Советской культуры» в Советском государстве насчитывалось только около пятисот тысяч зарегистрированных кружков, не считая индивидуальных радиолобителей. В одном из выпусков «Советской культуры» увлечение, связанное с техническим взаимодействием радио, было названо «Радиоспортом», и было отмечено, что данный радиоспорт становится важной частью технического прогресса страны¹.

В 1960 г. вводятся понятия «вечера» и «вечеринки». Распространяется организация выступлений коллективов художественной самодеятельности в клубах в вечернее время. Изменяется формат работы радио: теперь музыка на радио могла звучать по заявкам от советских граждан. И в целом работа печати и радио все больше базируется на общественных началах. Кроме того, в этом же году организовывается первый клуб книголюбов в Москве.

Дворцы пионеров и станции юных техников предлагали большое разнообразие кружков – от технического творчества, связанного с мелкими техническими устройствами и их содержанием, до авиамоделирования и ракетомоделирования. Как отмечалось в отчете Московского городского Дворца пионеров, представленном в «Советской культуре», только в 1961 г. технические кружки посещали более 15 тысяч школьников². При этом результаты занятий в таких кружках часто выходили за рамки простого хобби – многие разработки юных техников демонстрировались на выставках народного хозяйства. Например, разработки молодых людей, увлеченных техническим творчеством, выставлялись на ВДНХ, где они показывали лучшие модели своих кружков, соревновались в совершенстве своих творений.

Помимо этого, в период оттепели начинается расцвет интереса советских граждан к любительской фотографии и любительскому кинематографу. Такой процесс во многом был

¹ Советская культура. 1959. № 47. С. 2.

² Советская культура. 1961. № 83. С. 3.

связан с технологическим процессом – аппарата, предназначенная для увлечений фотографированием и съемками, упрощалась и становилась дешевле. По данным «Советской культуры», в 1960 г. в системе дворцов культуры и клубов работало более пяти тысяч фотокружков, в которых занимались около 150 тысяч человек³.

Особое внимание к любительской фотографии проявляла молодежь. «Юный техник» регулярно публиковал материалы по основам фотографирования, начиная от устройства фотоаппарата и заканчивая техникой печати снимков. В 1958 г. «Юный техник» организовал Всесоюзный конкурс юных фотолюбителей, на который поступило более трех тысяч работ⁴. Наиболее популярными темами снимков были трудовые будни советских граждан, спортивные мероприятия и изображения пейзажей.

Кинолюбительство развивалось другим путем. Если фотография была более доступным хобби, то кинокамеры оставались дорогостоящей техникой. Однако, как отмечалось в «Советском экране», к 1963 г. в стране насчитывалось около пятисот киноклубов, где энтузиасты могли не только снимать, но также обсуждать и совместно совершенствовать свои произведения. Особой популярностью пользовались семейные хроники и документальные съемки. Техническая база для любителей таких увлечений совершенствовалась. В 1957 г. началось производство фотоаппарата «Зенит». С 1960 г. на Красногорском механическом заводе выпускались кинокамеры «Кварц» для 8-мм пленки.

Однако из писем читателей в «Юном технике» видно, что многие сталкивались с серьезными трудностями. В 1962 г. в редакцию поступило коллективное письмо от фотолюбителей Свердловска с жалобой на вопиющий дефицит фотобумаги и реактивов⁵. Аналогичные проблемы испытывали и кинолюбители. По данным «Советского экрана», в 1963 г. только треть желающих имела возможность приобрести киноленту в свободной продаже⁶.

³ Советская культура. 1960. № 47. С. 3.

⁴ Юный техник. 1958. № 11. С. 15.

⁵ Юный техник. 1962. № 4. С. 31.

⁶ Советский экран. 1963. № 8. С. 21.

В связи с ростом технологического прогресса, помимо традиционных увлечений любительским фотографированием и кинематографом, особую популярность приобретало и телевидение. К 1960 г. по информации, опубликованной в «Советской культуре», в стране насчитывалось около пяти миллионов телевизоров, а телевидение охватывало все крупные города страны⁷. Журнал «Советский экран» регулярно публиковал телепрограммы и статьи о новых телевизионных технологиях, способствуя популяризации данного вида досуга.

Особый интерес для советского человека вызывало развитие стереофотографии и стереокино – советского варианта развития 3D технологий. В 1954 г. начался массовый выпуск стереофотоаппаратов «Спутник». Журнал «Юный техник», начиная уже с 1957 г., публиковал статьи по технике стереосъемки⁸. Московский завод «ЛОМО» в 1961 г. освоил производство стереокинокамер, о чем сообщала в одном из своих выпусков «Советская культура»: «Советские ученые сделали доступным объемное кино для массового зрителя»⁹. Техническая инфраструктура также развивалась и пользовалась спросом. Вызывали интерес специализированные кружки стереофотографии при дворцах культуры, передвижные выставки достижений любительского кино и пользовались спросом телеателье по ремонту аппаратуры.

Однако развитие увлечения стереофотографией и стереосъемками представлялось с аналогичными проблемами, что и обычная любительская фото и киносъемка. Письма читателей «Юного техника» свидетельствуют о дефиците фотопленки и стереоочков. Телевизоры же оставались дорогостоящей покупкой: средняя заработная плата была сопоставима со стоимостью простейшего телевизора «Рекорд»¹⁰.

Кроме того, в период 1953–1964 гг. значительно развивалось туристическое движение в СССР. В журнале «Физкультура и спорт» в 1956 г. отмечалось: «Туризм перестает

⁷ Советская культура. 1960. № 12. С. 3.

⁸ Юный техник. 1959. № 6. С. 22.

⁹ Советская культура. 1961. № 34. С. 3.

¹⁰ Советская культура. 1960. № 15. С. 2.

быть привилегией отдельных энтузиастов, становясь массовой формой культурного отдыха»¹¹.

«Советская культура» регулярно публиковала отчеты о работе туристических баз. В 1959 г. в газете отмечалось, что сеть туристических маршрутов расширилась более чем на треть по сравнению с началом пятидесятых годов XX в.¹² В «Советском спорте», в подкрепление вышесказанному, утверждалось, что особой популярностью пользовались походы по местам боевой славы, а «Советская культура» в 1958 г. информировала о создании Всесоюзного общества охраны памятников. Журнал «Юный техник» с 1957 г. ввел рубрику «Туристская техника», в которой давались советы по изготовлению и техническому использованию походного снаряжения. В то же время в 1960 г. в журнале было опубликовано несколько статей в рамках рубрики «Как построить байдарку своими руками». С 1959 г. издание освещало еще и материалы по усовершенствованию туристического снаряжения. Публиковались чертежи складных печек для походов, схемы самодельных каркасных палаток и рекомендации по созданию походных фильтров для воды.

Но и здесь были свои нюансы. «Физкультура и спорт» к 1963 г. сообщала о нехватке квалифицированных инструкторов: на 100 групп могло приходиться лишь около 25 подготовленных руководителей. Помимо этого, в издании говорилось о дефиците палаток и специализированного инвентаря, а также сложностях транспортной доступности туристических маршрутов.

Кроме того, важно отдельно обратить внимание на детский туризм. «Советская культура» отмечала семикратное увеличение числа школьных походов к 1963 г. по сравнению с началом 1950-х гг.¹³ «Советский спорт» подробно описывал организацию таких походов, включая составление походного меню, методики ориентирования на местности и правила ведения походных дневников. Публиковались отчеты о школьных экспедициях с описанием собранных материалов и впечатлениями юных туристов.

¹¹ Физкультура и спорт. 1956. № 7. С. 12.

¹² Советская культура. 1959. № 48. С. 3.

¹³ Советская культура. 1963. № 77. С. 2.

В журнале «Работница» в 1961 г. отмечались гендерные особенности туризма. Приводилась статистика, в которая сообщалось, что если в 1955 г. женщины составляли 15% от походных коллективов, то к 1961 г. их доля возрастала до 35% (на основании каких данных формировалась данная статистика не уточняется)¹⁴. При этом издание подчеркивало, что женские туристические группы чаще выбирали маршруты с культурно-исторической направленностью.

«Советская культура» сообщала о развитии международного туристического сотрудничества. В 1958 г. было создано Бюро международного молодежного туризма «Спутник» при ЦК ВЛКСМ, а в начале 1960-х гг. организовывались туристические маршруты в дружественных социалистических государствах¹⁵.

Туристическое движение в Советском Союзе становилось важной частью досуговой культуры, но не менее популярными были и другие формы досуга – особую популярность приобретало коллекционирование. На страницах «Советской культуры» в 1957 г. отмечалось: «Коллекционирование марок и значков из частного увлечения превращается в массовое движение»¹⁶. При этом в издании подчеркивалась необходимость придания «организованного характера» этому увлечению.

Авторская песня, исполняемая под гитару такими бардами, как Булат Окуджава, Александр Галич, Юрий Визбор, представляла собой альтернативу официальной массовой культуре. Песни наполнялись скрытыми смыслами, личными переживаниями, создавая атмосферу доверительного общения между исполнителем и публикой. Благодаря магнитофонам и магнитиздату авторские песни распространялись по всему Советскому Союзу, формируя новую часть культуры. Барды выступали не только в роли музыкантов, но и как поэты. Их тексты затрагивали темы как повседневной жизни, так и человеческих ценностей [Цзя-цин 2010, с. 58].

Журнал «Работница» же видел решение проблемы в развитии культурных форм домашнего досуга публикуя рубрики

¹⁴ Работница. 1961. № 8. С. 23.

¹⁵ Советская культура. 1964. № 92. С. 4.

¹⁶ Советская культура. 1957. № 36. С. 2.

«Как организовать вечер отдыха» с безобидными сценариями семейных праздников.

С возникновением новых форм развлечений в советской периодической печати разворачивалась борьба по дискредитации чуждых, западных влияний на сферу досуга. «Советская культура» с начала 1960-х гг. особенно активно публиковала статьи, направленные против «буржуазных пережитков», к которым относились джаз, коллекционирование западных пластинок¹⁷. Особенно жесткой критике подвергались стилиаги: «Крокодил» регулярно на своих страницах размещал карикатуры, где изображались молодые люди с узкими брюками и широкими галстуками», которые противопоставлялись «здоровой» советской молодежи.

Но в противовес «чуждым» явлениям в советской периодике пропагандировались альтернативные формы досуга. «Советский спорт» активно освещал создаваемые туристические клубы, подчеркивая их воспитательную, а главное – патриотическую роль. «Физкультура и спорт» в целом призывала молодежь к массовым спортивным мероприятиям, крупным лыжным забегам, велоэстафетам.

Кроме того, газета «Советская культура» в начале 1960-х гг. с тревогой отмечала, что отдельные граждане, увлекаясь западными образцами отдыха, забывают о традиционных формах культурного досуга. При этом анализ писем читателей в «Юном технике» показывает, что многие любители технического творчества, прибегая к официально одобряемым формам досуга, посвящали свое времяпровождение реализации собственных нестандартных инициатив.

Стоит отметить, что восприятие музыкальных увлечений советских граждан на страницах периодической печати носило непостоянный и переменчивый характер. Если ранее в «Советской культуре» увлечение джазом подвергалось критике, то в 1964 г. в газете признавалось, что отдельные элементы джазовой музыки могут быть творчески переработаны¹⁸. В «Крокодиле» продолжали критиковать стилиаг, но одновременно в карикатурах высмеивалось

¹⁷ Советская культура. 1961. № 24. С. 2.

¹⁸ Советская культура. 1964. № 71. С. 4.

и чрезмерное бюрократическое регулирование, на фоне которого чиновники запрещали даже народные танцы. Тем самым, можно сказать, что формировался образ советской версии многих западных увлечений. Вместо западных джаз-клубов – кафе с живой музыкой, вместо западных модных показов – демонстрации моделей в домах моды. Так, в газете «Физкультура и спорт» демонстрировались обычные, традиционные спортивные виды увлечений, но к середине 1960-х гг. постепенно признавался рост популярности новых танцевальных направлений.

Проведенный анализ хобби и повседневных увлечений советского человека в период 1953–1964 гг. позволяет сделать несколько значимых выводов. Во-первых, досуговые практики исследуемого периода показали свое значительное разнообразие, отражая не только традиционные, но и новые формы времяпрепровождения. Советское государство активно участвовало в формировании и поддержании образа «правильного» досуга. Оно пропагандировало занятия, которые сочетали как развлекательные, так и образовательные и воспитательные функции. Но все же часто реальные интересы советских граждан выходили за рамки официально одобренных моделей. Можно сказать, что это создавало напряжение между государственными идеологическими установками и повседневными досуговыми практиками.

Техническое творчество, наиболее популярными направлениями, которого были радиолобительство, авиамоделирование и увлечение фотографией, играло особенную роль в выборе досуга для молодежи. Издания «Юный техник» и «Крокодил» показывали не только уровень интереса граждан к таким видам увлечений, но и трудности, связанные с ними: нехватка оборудования или недостаток исправной аппаратуры, устаревающих образовательных программ в технических кружках.

Помимо этого, рост популярности можно проследить и у туристического направления отдыха, организовавших самодеятельных театров, литературных кружков и кружков живописи. Отдельно можно выделить рост интереса к коллекционированию.

В первой половине 1960-х гг. досуг советского человека претерпел значительные изменения. Сначала, когда постепенно

формировались альтернативные способы отдыха, Советское государство старалось противостоять «чуждым», западным видам досуга. Тем не менее противоречие между официальными установками и реальными практиками во многих случаях сводилось к компромиссам. К середине 1960-х гг. появлялось все больше альтернативных предложений досуга со стороны государства, которые привлекали любителей «чуждых» увлечений. Реальные практики показывали, что граждане Советского Союза все чаще стремились к самостоятельному выбору проведения свободного времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Косинова 2015 – *Косинова М.И., Аракелян А.М.* Советский кинопрокат и кинопоказ в эпоху «Оттепели». Возрождение киноотрасли // Сервис+. 2015. № 4. С. 17–26.
- Литвинова 2019 – *Литвинова А.Г.* Хрущевская «оттепель» и новые тенденции в жизни студентов Московского государственного университета // Проблемы развития повседневной культуры и организации досуга детей и молодежи в СССР в 1945–1964 гг.: общесоюзный и региональный срез. Сборник научных трудов Всероссийского научно-практического семинара. Волгоград: «Сфера», 2019. С. 58–64.
- Миркин 2013 – *Миркин В.В.* К истории советской радиосвязи и радиовещания в 1945–1965 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1. С. 200–207.
- Нарский 2021 – *Нарский И.В.* Советская танцплощадка 1950-1970-х гг., или молодежь голосует ногами // 2021. № 4. С. 54–69.
- Пыжиков 1998 – *Пыжиков А.В.* Опыт модернизации советского общества в 1953–1964 годах: общественно-политический аспект. М.: Гамма, 1998. 299 с.
- Цзя-цин 2010 – *Цзя-цин У.* «Бардовский текст» и его контекст: культура повседневности периода «Оттепели» // Вестник

РГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2010. № 15. С. 64–70.

REFERENCES

- Kosinova, M.I., Arakelyan, A.M. (2015), “Soviet Film Distribution and Screening during the ‘Thaw’ Period: The Revival of the Film Industry”, *Servis Plus*, no. 4, pp. 17–26.
- Litvinova, L.G. (2019), “Khrushchev’s ‘Thaw’ and New Trends in the Life of Students at Moscow State University”, In *Problems of the Development of Everyday Culture and Leisure Organization for Children and Youth in the USSR in 1945–1964: All-Union and Regional Perspectives: Proceedings of the All-Russian Scientific-Practical Seminar*, “Sphere”, Volgograd, Russia, pp. 58–64.
- Mirkin, V.V. (2013), “On the History of Soviet Radio Communication and Broadcasting in 1945–1965”, *Bulletin of Tomsk State University. History*, no. 1, pp. 200–207.
- Narsky, I.V. (2021), “The Soviet Dance Floor of the 1950s–1970s, or Youth ‘Voting with Their Feet’”, *NP/NP*, no. 4, pp. 54–69.
- Pyzhikov, A.V. (1998), *Opyt modernizatsii sovetskogo obshchestva v 1953-1964 godakh: obshchestvenno-politicheskii aspekt* [The Experience of Modernizing Soviet Society in 1953–1964: Socio-Political Aspect], Gamma, Moscow, Russia.
- Jia-qing Wu, (2010), “The ‘Bardic Text’ and Its Context: The Everyday Culture of the ‘Thaw’ Period”, *RSUH Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 15, pp. 64–70.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей И. Федотов, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; aleksei.if.du@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey I. Fedotov, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; aleksei.if.du@gmail.com

Похоронная культура СССР в 1950–1970-е гг.
на примере г. Москвы

Екатерина С. Галицына

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zirginiqn@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуется похоронная культура СССР в 1950–1970-е гг. Автор приходит к выводу, что главной особенностью похоронной инфраструктуры являлась децентрализация, сохранившаяся ещё с 1920-х гг.: родственники были вынуждены решать организационные вопросы своими силами. Это было одной из причин, мешавших эффективной интеграции новых социалистических практик в повседневность граждан. Лишь в конце исследуемого периода, в 1979 г., предпринимаются попытки централизовать сложившуюся систему. Новые гражданские похоронные практики не решили главной проблемы, появившейся еще в 1920-х гг. – «непонимания, как быть со смертью». Марксистская идеология рассматривала смерть с сугубо научной и материалистической точки зрения, что привело к десемантизации смерти. Похороны перестали эффективно функционировать как ритуал перехода. Новая обрядность не смогла заполнить возникший смысловой вакуум.

Ключевые слова: похоронная культура, похоронные практики, похоронная инфраструктура, ритуалы перехода, СССР в 1950-1970-е гг.

Для цитирования: Галицына Е.С. Похоронная культура СССР в 1950–1970-е гг. на примере г. Москвы // Молодой историк. 2025. № 3. С. 83-103.

Funeral culture of the USSR in the 1950s – 1970s:
the example of Moscow

Ekaterina S. Galitsyna
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, zuruvnuqu@gmail.com*

Abstract. This article examines the funeral culture of the USSR in the 1950s – 1970s. The author concludes that the main feature of the funeral infrastructure was decentralization, having remained since the 1920s: relatives were forced to resolve organizational issues on their own. This was one of the reasons that prevented the effective integration of new socialist practices into citizens' life. It wasn't until 1979 (this is, at the end of the period under study) that attempts were made to centralize the existing system. New civil funeral practices, however, did not solve the main problem that emerged in the 1920s – “lack of understanding of what to do with death”. Marxist ideology viewed death from a purely scientific and materialistic point of view, which led to the desemantization of death. Funerals ceased to function effectively as a rite of passage. The new rituals could not fill the emerging semantic vacuum.

Keywords: funeral culture, funeral practices, funeral infrastructure, rites of passage, USSR in the 1950s – 1970s.

For citation: Galitsyna, E.S. (2025), “Funeral culture of the USSR in the 1950s – 1970s: the example of Moscow”, *Young Historian*, no. 3, pp. 83-103.

В последние десятилетия наблюдается рост интереса российских историков к новому для отечественной науки направлению «death studies» (с англ. науки о смерти, исследования смерти). Данные исследования носят междисциплинарный характер, фокусируясь на различных аспектах, связанных со смертью, умиранием, старением и т.д. Впервые термин появляется в 1970-х гг. Ещё в 1970 г. стал издаваться специализированный научный журнал «OMEGA. Journal of Death and Dying».

В том же 1977 г. выпускается журнал, в названии фигурирует данный термин – «Death Studies Journal» [Мохов, Миленина 2021, с. 214–215].

В данный момент направление «death studies» включает в себя огромное количество самых разнообразных тем и проблем. В частности, историческая наука в контексте «death studies» рассматривает особенности похоронных обрядов, а также их изменения и взаимосвязь с другими сферами жизни человека в прошлом.

В 1977 г. выходит книга Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти» [Арьес 1992], которая поднимает интерес к теме смерти среди исследователей. Арьес анализирует отношение западноевропейского общества к смерти. Он выделяет пять этапов изменений: «прирученная смерть», «смерть своя», «смерть далекая и близкая», «смерть твоя», «перевернутая смерть». Первые четыре стадии концепции Арьеса активно критиковались.

Пятый этап – «перевернутая смерть» – описывает современные Арьесу процессы. Он наблюдает вытеснение самой идеи смерти и отмечает, что люди начинают вести себя так, будто человек может вообще не умирать или жить неопределенно долго. Эту же тенденцию отмечают современные антропологи, как зарубежные, так и российские.

Под термином «похоронная обрядность» в настоящем исследовании понимается совокупность практик, обычаев, традиций и ритуалов, которые проводят живые для прощания с умершим членом коллектива. Термин «похоронная культура» включает в себя не только обрядность, но и состояние похоронной инфраструктуры.

Ритуалы перехода – это совокупность определенных ритуальных процедур, которые закрепляют важнейшие изменения социального статуса человека (рождение, брак, инициация, смерть) [Глебкин 1998, с. 121]. Такие ритуалы присущи почти всем обществам, часто их смысловое наполнение связано с магическими и религиозными воззрениями. В России до 1917 г. все обряды

перехода функционировали в рамках Русской православной церкви¹.

С приходом к власти большевиков церковь практически сразу отделили от всех государственных структур². С одной стороны, это привело к кризису тех структур, которыми до этого заведовала церковь: так, в 1918–1919 гг. в Москве произошел похоронный кризис, когда людей просто не успевали хоронить [Соколова 2022]. С другой, возникла дискуссия о том, нужны ли советскому человеку новые обряды. Полемика шла в 1920–1930-е гг. и закончилась осуждением любых ритуалов как религиозных пережитков, которые «не нужны сознательным коммунистам» [Глебкин 1998, с. 130].

После смерти И.В. Сталина в 1953 г., а затем и доклада Н.С. Хрущёва «О культе личности и его последствиях» на XX съезде КПСС происходит пересмотр опыта предыдущих лет. Идея создания «социалистической обрядности»³ снова стала подниматься в конце 1950-х гг., к середине 1960-х гг. ее активно разрабатывали и внедряли в повседневность советских граждан. В.В. Глебкин так охарактеризовал этот период: «Раньше советский человек существовал в парадигме “вечного настоящего” и был лишён возможности взглянуть на происходящее вокруг него со стороны, не обладал способностью рефлексии... Теперь возникает осознание того, что большой этап жизни советского общества завершён, перед советскими людьми открываются новые дали. По отношению к прошлому появляется ощущение дистанции, а значит, возникает и тема памяти, возникает необходимость особого почитания отдельных моментов этого прошлого» [Глебкин 1998, с. 131].

Таким образом, ко второй половине 1950-х гг. оформляется необходимость отрефлексировать прошлое для лучшего

¹ Для представителей других вероисповеданий – в рамках их конфессии.

² Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах от 20 января (2 февраля) 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. I. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957. С. 371–374.

³ В настоящем исследовании термины «социалистическая обрядность», «новая обрядность», «гражданская обрядность» и «безрелигиозная обрядность» являются синонимичными.

понимания настоящего: страна представлялась как одна громадная стройка, которая, однако, затянулась. Ритуалы перехода как способы сакрализации статусных изменений стали одним из способов этого рефлексирования. Кроме того, к середине 1950-х гг. выросло поколение людей, родившихся после 1917 г. Для них связь между ритуалами, обрядами и религией не была настолько сильной. Схожесть формы была не так важна по сравнению с содержанием.

Идеи, которые легли в основу решения руководства о разработке новой советской обрядности, можно найти в докладе А.Н. Шлепина, первого секретаря ЦК ВЛКСМ⁴. Шлепин поднимает вопрос о создании «своих хороших» обрядов. Он обосновывает это необходимостью увековечения как общего (революция 1917 г., Великая Отечественная война и др.), так и частного (рождение, вручение паспорта, смерть и др.) прошлого в памяти молодежи.

В это же время наблюдается усиление антирелигиозных настроений. Исследователь М.В. Шкаровский выделяет 1958 г. как год «начала атаки на религию» [Шкаровский 1999, с. 363]. Он также пишет: «Своеобразный аспект антирелигиозной кампании обнаружился в феврале 1962 г. на Всесоюзной конференции по научно-атеистической пропаганде. На ней господствовало мнение, что религиозные обычаи и традиции следует вытеснять новыми праздниками и ритуалами для удовлетворения эстетических и эмоциональных потребностей верующих» [Шкаровский 1999, с. 384].

С середины 1960-х гг. государство снова стало активно заниматься вопросами атеистического воспитания. Вместе с этим проблема разработки социалистической обрядности начинает активно обсуждаться на пленумах, съездах партии – они должны были вытеснить религиозные практики из повседневности граждан [Смолкин-Ротрок 2012, с. 434–436].

⁴ Шлепин А. Н. Отчетный доклад Центрального Комитета Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи XIII съезду комсомола. М., 1958. 76 с.

На Пленумах ЦК КПСС 1963 г. ставится задача – убрать религиозные пережитки из быта советских граждан⁵, а в первой половине 1964 г. принимается Постановление Совета министров РСФСР «О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов» (18 февраля 1964), создается комиссия по внедрению новой социалистической обрядности при Министерстве юстиции СССР и издается приказ министра культуры РСФСР № 194 от 13 марта 1964 г. «О внедрении в быт советских людей гражданских обрядов и безрелигиозных праздников» [Смолкин-Ротрок 2012, с. 449].

В.В. Глебкин характеризует новые гражданские ритуалы следующим образом:

1. Отдельный человек рассматривается как член коллектива, а не как индивидуальная личность. Это утверждается как через активное использование советской символики, так и прямо, через тексты официальных речей и клятв.

2. Структура ритуального действия усложняется и претерпевает существенную трансформацию. Так, например, если в обрядах крещения и «октябрин» 1920-х гг. ведущую роль отдается фигуре крестников (чьи функции на себя взяли представители светских организаций: партии, профсоюзы), то в «звездинах» 1960–1970-х гг. такие почетные «родители» являются в большей степени декорацией, чем активными участниками процесса.

3. Эти трансформации стали возможны благодаря практикам, сложившимся в предыдущие десятилетия. Новые ритуалы становятся по своей сути митингами в форме партийного собрания (съезда): обязательное наличие президиума, утверждающего иерархию среди собравшихся, и произносимых там речей; портрет Ленина и символ коллектива, к которому принадлежит виновник торжества (например, знамя завода). Важную роль занимают представители Совета народных депутатов, профсоюза, комсомола [Глебкин 1998, с. 136–140].

⁵ Пленум ЦК КПСС. Москва, 18–21 июня 1963 г. Постановление Пленума. Об очередных задачах идеологической работы партии // Печатается по тексту книги: Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. 18-21 июня 1963 года. Стенографический отчет. М., 1964. С. 359.

Таким образом, отсутствие социалистической обрядности стало осознаваться как проблема с конца 1950-х гг. в рамках усиления антирелигиозной политики государства. Предполагалось заменить религиозные практики новыми гражданскими. Кроме того, общество нуждалось в рефлексировании прошлого, в том числе через ритуалы перехода, которые бы сакрализировали статусные изменения.

Новая обрядность была создана на накопленном опыте предыдущих лет, а именно – традиции митингов, партийных съездов. Религиозная символика заменяется советской. Ритуальные тексты имеют форму партийного доклада, а идентичность человека неразрывно связывается с его статусом гражданина СССР.

В таком контексте происходили изменения похоронной культуры 1950–1970-х гг. В Постановлении от 18 февраля 1964 г. подчеркивается неудовлетворительное состояние как похоронной инфраструктуры, так и обрядов: «Особенно мало проявляется заботы о внедрении ритуалов гражданских похорон. Большинство кладбищ не имеет для этого необходимых условий»⁶. Кроме того, внедрение безрелигиозной похоронной обрядности сталкивалось с моральной дилеммой: как найти компромисс между советской идеологией и желанием близких родственников провести «похороны с попом»? Даже те, кто занимался непосредственно пропагандой атеизма, не могли прийти к единому мнению [Смолкин-Ротрок 2012, с. 438–439].

Этнограф А. ван Геннеп и социолог Р. Герц характеризуют похоронные ритуалы как ритуалы перехода и адаптации к травме, которые нужны для пересборки коллектива после утраты одного из членов; он закрепляет изменения статусов не только умерших, но и живых [Геннеп 2002; Герц 2019]. Православный погребальный обряд эффективно справлялся с этими функциями. От предсмертной исповеди до поминок – все было регламентировано и наполнено смыслами, которые помогали людям пережить потерю близких.

⁶ Постановление Совета Министров РСФСР. О внедрении в быт советских людей новых гражданских обрядов. 18 февраля 1964 г. № 203 // Собрание постановлений правительства РСФСР за 1964 г. № 1-23. М., 1965. С. 42.

В рамках марксистского мировоззрения человек рассматривался с точки зрения естественно-научного знания. Смерть – всего лишь разложение органического тела. Единственное, что может оставить человек после себя – это некий жизненный принцип, наследие, которое переживет последующие поколения⁷. При таком подходе обряд похорон утрачивает смысл. С этой точки зрения неудивительно, почему при всей антирелигиозной пропаганде многие люди выбирали традиционное православное погребение как ритуал перехода, эффективно справляющийся с функциями адаптации к травме утраты.

Вопрос похоронного администрирования регулировался следующими документами: Декретом СНК «О кладбищах и похоронах» (1918), а также «Санитарными правилами по устройству и содержанию кладбищ» 1948 г., 1960 г. и 1977 г. Применительно к Москве 1920–1930-х гг. из-за Декрета 1918 г., который отменил церковное регулирование данной системы и не создал четкого алгоритма работы взамен, и возникшего похоронного кризиса решение возникающих проблем ложилось на разные органы, создавались новые подотделы, а затем расформировывались [Соколова 2019]. После войны относительно регулярно издавали новые санитарные правила, однако они решали только проблемы, связанные с организацией кладбища. Новые правила дополняли и уточняли предыдущие, кардинальных изменений в них почти не было. С.В. Мохов считает, что это связано с необходимостью чиновникам «снова и снова повторять элементарные санитарные правила организации мест захоронений, которые в европейских странах были приняты более сотни лет назад» [Мохов 2018, с. 242].

Практически сразу после Октябрьской революции появились первые планы реконструкции Москвы. В них уже тогда уделялось внимание сохранению зеленой зоны для отдыха и досуга горожан. В 1920-е гг. популяризируется кремация. Ее, в том числе, рассматривают как перспективный способ решения земельной нехватки: больше не придется выделять территории под новые кладбища, а уже существующие можно будет превратить в

⁷ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 30 т. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 610–611.

рекреационные зеленые пространства [Соколова 2019, с. 612]. Эта идея получила отражение в правилах 1948 г.

В санитарных правилах 1948 г. впервые появляется формулировка, которая сохранится в тексте в последующие годы: «Местоположение кладбищенского участка и его размеры предусматриваются планировкой городов и рабочих поселков с учетом возможности использования территории кладбища после его закрытия под парк или сад общественного пользования» (1948 г. – п. 2, 1960 г. – п. 2, 1977 г. – п. 1.4).

Все санитарные правила требовали разработки детального проекта кладбища, который в обязательном порядке должен был включать специальные здания и сооружения: сторожку, водопровод, специальное здание для предпохоронного сохранения трупов, цветочный магазин, общественную уборную, ограждение, стоянку для транспорта; благоустроенные пешеходные дорожки, зеленые насаждения (не менее 20% всей площади).

Кладбищ, открывшихся в Москве в исследуемый период, относительно немного. Их планы соответствуют перечисленным выше требованиям. В условиях земельной нехватки, о которой писалось ранее, территории, отводимые под кладбища, четко фиксировались; появление стихийного кладбища, характерного для небольших городов и сельской местности [Мохов 2020, с. 88–89], было невозможно. Из этого факта администрирование, а вслед за ним и провинциальная обрядность, будут иметь свои специфические особенности.

Вопросы кто, где, когда и как может и должен проводить похороны до 1979 г. не регулировались централизованно. В 1979 г. Министерство ЖКХ РСФСР утверждает инструкцию «О порядке похорон и содержании кладбищ в РСФСР»⁸. В ней подробно фиксируется, как должны проходить похороны в зависимости от места нахождения тела и заказчика; в том числе приводятся примеры речей.

Согласно инструкции 1979 г., вопросами организации похорон занимается салон-магазин специализированного коммунального обслуживания. Магазин оформляет свидетельства о

⁸ Инструкция о порядке похорон и содержании кладбищ в РСФСР. М., 1980. 65 с.

смерти, документы на отвод участка для захоронения (или на нишу в колумбарии), а также осуществляет продажу похоронных принадлежностей, предоставляет автокатафалк и пассажирский транспорт, обеспечивает проведение самой траурной церемонии и др. Таким образом, вопросы, связанные с похоронами, решаются в одном месте.

Важными сотрудниками салона-магазина являются агент похоронной службы и организатор похорон, иногда один и тот же человек может выступать в обеих ролях. Агент обеспечивает подготовку ко дню похорон. Именно он собирает необходимые документы для оформления свидетельства о смерти, выясняет пожелания умершего (при наличии завещания) или его близких, согласовывает договор об оказании услуг. Организатор работает непосредственно в день похорон и следит за тем, чтобы все прошло согласно утвержденному ранее договору.

Еще с 1920-х гг. одной из главных проблем похоронной системы была ее децентрализованность: родственникам приходилось самим разбираться с документами, организацией похорон, поиском катафалка, гроба и др. [Соколова 2019, с. 616]. Данная тенденция сохранялась и в исследуемый период. Это можно проследить в воспоминаниях современников:

«Есть только чувство усталости хлопотами и озабоченность последующими хлопотами, связанными с похоронами. А они сейчас очень сложны. Достать гроб – это целой тяжелое предприятие»⁹.

«Забрав гроб и венки мы, на заказанной еще вчера автомашине, поехали в больницу на Соколиной горе. Приехали – наших там нет. Они подъехали позже. Оказалось, что они заблудились и поехали в обратную сторону»¹⁰.

«Никто не хочет давать справку о смерти – ни районная поликлиника, ни больница, где лежал Петрович. Пришлось вызывать участкового представителя милиции, который составил протокол осмотра трупа и направил тело в морг. Только к трем

⁹ Борис Воронский. 12 марта 1963 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/292333> (дата обращения: 10.06.2025)

¹⁰ Борис Воронский. 14 октября 1964 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/292892> (дата обращения: 10.06.2025)

часам дня приехали рабочие из морга, которые не хотели брать тело без справки, но, наконец, согласились. Вероятно, не мало будет хлопот и с кладбищем. Тата хочет похоронить его на Даниловском кладбище, где покоится ее мать, но это, вероятно, будет не легко, т.к. прошло только 19 лет со дня смерти матери Таты, а требуется 20-летний срок»¹¹.

В Инструкции была предпринята попытка решения этой проблемы за счет строгой регламентации работы ритуальных бюро (они же салоны-магазины) и введения новой должности – «агента похоронной службы». Однако исследования А.Д. Соколовой [Соколова 2013] и В. Смолкин-Ротрок [Смолкин-Ротрок 2012] показывают, что и до, и после этого в разных регионах страны родственникам приходилось брать на себя решение вопросов, которым должны были заниматься похоронный агент и организатор. Оба автора отметили, что проблема была характерна не только для сельской местности, но и городов.

В исследуемый период в Москве одновременно работал только один крематорий. Донской крематорий был открыт в 1927 г., но с появлением Николо-Архангельского (в Балашихе) с 1973 г., когда он был введен в эксплуатацию (также известный как Второй московский крематорий, Никольский крематорий), Донской стал использоваться для кремации тел членов высшего партийного руководства, а Никольский крематорий был ориентирован на простых советских граждан:

«Московский крематорий закрыт, и кремация производится теперь в новом крематории в с. Никольском около Салтыковки. Новый крематорий представляет собой солидное здание с тремя отсеками. Отсутствие труб говорит о том, что кремация проводится электричеством»¹².

На уровне СССР или РСФСР работа крематориев не регулировалась. В документах, изученных в ходе исследования, лишь косвенно освещены некоторые аспекты работы крематориев. Так, упомянутые ранее санитарные правила регулировали

¹¹ Борис Воронский. 10 апреля 1966 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/565920> (дата обращения: 10.06.2025)

¹² Борис Воронский. 1 августа 1973 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/293542> (дата обращения: 10.06.2025)

устройство кладбища, в том числе и при крематории. В 1964 г. утверждаются подробные правила по устройству и эксплуатации помещений патологоанатомических отделений и моргов¹³, которые в том числе применимы к местам временного хранения тел умерших при кладбищах, зданиях траурных гражданских обрядов, крематориях. В инструкции 1979 г. подробно описывается порядок проведения похоронной церемонии и захоронения урны с прахом, но не собственно деятельность крематория.

Проблема кремации в 1920–1930-х гг. пользуется интересом в научном сообществе и исследована довольно подробно. Для понимания функционирования крематория в то время привлекаются дневники людей, агитационные материалы, публикации в газетах; ссылок на нормативные документы, регулирующих его работу, не обнаруживается. Возможно, из-за небольшого количества крематориев (к моменту распада СССР действовало всего 5) их деятельность контролировалась на локальном уровне и государство не видело потребности в создании общесоюзных санитарных правил [Мохов 2018, с. 230].

Цена кремации вместе с похоронными принадлежностями и оркестром варьировалась в диапазоне 30–45 руб., в то время как классические похороны обходились гораздо дороже: от 60–100 руб. (гроб, могила, транспорт, поминки и т.п.) без учета памятника, чья стоимость в зависимости от региона и материала не была меньше 100 руб.¹⁴ Часто из-за необходимости сократить расходы или дефицита памятник делали из подручных материалов¹⁵.

Тем не менее кремация так и не стала популярной, несмотря на попытку популяризировать ее снова в 1970-х гг. С.В. Мохов связывает это с Великой Отечественной войной: у государства не было денег на строительство крематориев, а сама кремация стала

¹³ Минздрав СССР: Правила № 468-64 от 20.03.1964

¹⁴ Борис Воронский. 15 октября 1964 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/292893> (дата обращения: 10.06.2025); Борис Воронский. 6 февраля 1968 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/569201> (дата обращения: 10.06.2025); Борис Воронский. 27 мая 1969 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/293242> (дата обращения: 10.06.2025)

¹⁵ Мохов С.В. Рождение... С. 229.

плотно ассоциироваться с печами концентрационных лагерей [Мохов 2018, с. 229–230]¹⁶.

Таким образом, похоронная инфраструктура в столице функционировала недостаточно эффективно. Родственникам приходилось самостоятельно заниматься организацией похорон: от получения всех необходимых документов до самостоятельного изготовления похоронных атрибутов. Санитарные правила, которые издавались в этот период, регулировали только вопросы эксплуатации кладбища. Лишь в 1979 г. Министерством жилищно-коммунального хозяйства РСФСР издается инструкция, в которой предпринимаются попытки централизации похоронной инфраструктуры.

Децентрализованное состояние похоронной индустрии привело к тому, что у государства не было эффективных путей внедрения новой обрядности, кроме как обсуждения данных тем в рамках кампании по атеистическому воспитанию. В том числе поэтому в инструкции 1979 г. появляются новые должности, которые должны были не только брать на себя все организационные вопросы, но и пропагандировать гражданские похороны и кремацию. Инструкция ориентирует работников коммунального хозяйства заниматься пропагандой кремации, а для агентов похоронной службы, организаторов похорон и сотрудников салонов-магазинов это является обязанностью (пункты 1.5, 1.7 подпункт «г», 1.9, 1.15).

В самой инструкции религиозные обряды не упоминаются, но на возможность их проведения указывают пункты 1.7 (подпункт «к»), 1.19 (подпункты «ж»). Во всех этих случаях говорится об обязанности предоставления автокатафалка для перевозки гроба с телом в перечень разных мест, в который входят и «культовые здания». На возможность проведения религиозного похоронного обряда косвенно намекают формулировки, в которых предполагается принятие во внимание пожеланий близких умершего (1.14) и особенностей национальных обычаев (1.4). Кроме того, санитарные правила 1977 г. предусматривают

¹⁶ Мохов С.В. Там же. С. 229–230.

возможность захоронения умершего в сидячем положении – в частности, такая практика характерна для мусульман.

Предполагается, что агент похоронной службы должен уметь помочь близким умершего не только в оформлении документации, но и в консультировании по вопросам траурного убранства: например, как лучше поставить гроб и его крышку, во что нарядить покойника, в какой одежде быть на похоронах. Интересно, что в активном пропагандировании безрелигиозной обрядности, в пункте 1.16 есть интересное замечание об обязанностях похоронного агента: он должен, при необходимости, уметь посоветовать, какими тканями закрыть зеркала и картины.

Похороны также могут проходить из морга. В таком случае родственники и близкие сначала заходят в зал прощания при морге, который, однако, частью обряда не является: помещение соответствующе не украшается, траурный митинг не проводится. Фактически, родственники просто наблюдают за тем, как гроб с телом выносят и помещают в автокатафалк.

Важной частью гражданских похорон являются ордена и медали покойного, которые следует выносить на специальной подушечке. Также процесс должен сопровождаться траурной музыкой, которую либо играет оркестр, либо воспроизводят через магнитофон.

Инструкция 1979 г. предполагает два варианта похоронного обряда: на кладбище и в здании траурных гражданских обрядов или крематории. На кладбище проводится траурное шествие, которое возглавляет организатор похорон, а за ним – люди, несущие венки, портрет, награды и сам гроб. Замыкают процессию близкие умершего, а при наличии оркестра замыкает он.

Организатор похорон открывает траурный митинг и предоставляет слово тем, кто хочет выступить. Если желающих нет, организатор должен произнести речь на основе «Кратких сведений об умершем (умершей)» – документ, который заранее составляет похоронный агент. Завершает митинг следующими словами: «Гражданин Союза Советских Социалистических Республик (называет фамилию, имя и отчество покойного) закончил свой жизненный путь. Пусть добрая, светлая память о нем сохранится в

наших сердцах на долгие годы». Сохраняется традиция бросать в могилу горсть земли.

Похороны в здании траурных гражданских обрядов (ЗТГО) и крематории, сохраняя основные атрибуты обряда (венки, награды, портрет, музыка, гроб с умершим и др.), в большей степени принимает форму митинга или съезда. Людей провожают в зал и рассаживаются по местам, выставляют почетный караул у гроба. Процессом руководит не организатор похорон¹⁷, а руководитель ритуала – сотрудник ЗТГО, крематория. Церемония прощания проходит без особых изменений: вступительное слово, речь желающих выступить (или руководителя ритуала на основе «Кратких сведений об умершем (умершей)»), заключительное слово. Но в отличие от траурного митинга на кладбище приводится конкретный пример вступительной речи. После завершения церемонии прощания гроб с телом умершего либо везут на кладбище, где уже не происходит траурный митинг, только «минута молчания», либо оставляют для кремации.

С пункта 2.42 по пункт 2.54 включительно описывается процесс захоронения или установление в колумбарии урны с прахом, который не сопровождается обрядом. Не упоминается и то, что процесс следует проводить по аналогии с захоронением гроба с телом. Можно предположить, что церемонию прощания до кремации видели основной частью похоронного ритуала, поэтому непосредственно сам процесс захоронения (установления в колумбарий) урны не предполагал создания государством дополнительного обряда.

После похорон традиционно проводили поминки. Изначально религиозный обряд удачно интегрировался в атеистическую обрядность. Из воспоминаний современников:

«После похорон были устроены традиционные поминки. Собралось свыше 30 человек. Поминки были устроены на квартире у знакомых»¹⁸.

¹⁷ Организатор похорон осуществляет перемещение от дома/морга до ЗТГО/крематория и от ЗТГО до кладбища.

¹⁸ Борис Воронский. 15 октября 1964 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/292893> (дата обращения: 10.06.2025)

«А затем мы отправились к нему на квартиру, где были организованы скромные поминки, которые отвлекли присутствующих от мрачных мыслей и настроили их на более мажорный лад»¹⁹.

«Были скромные поминки, на которых разговор вертелся вокруг собственных дел, и о покойнице почти не вспоминали»²⁰.

Государство четко фиксирует обряд гражданских похорон. В теории такая регламентированность должна была помочь родственникам и близким умершего избежать состояния «растерянности» со смертью: когда и индивид, и коллектив не знают, как адаптироваться к травме. Однако, кроме регламентированности, ритуал перехода также должен нести в себе смыслы, которые помогли бы людям пережить утрату близких.

Справился ли с этим новый обряд?

Гражданские похороны строились вокруг идентичности человека как гражданина СССР и, соответственно, как трудящегося. Но что делать в случаях, когда личность человека не вписывается в стандартизированный формат «Кратких сведений об умершем (умершей)»? Когда идентичность человека не была связана с его работой или общественной деятельностью? Если у него мало или нет наград, которых можно было бы вынести на специальной подушечке? Инструкция 1979 г. не предполагала сценариев для таких случаев.

Воспоминания современников свидетельствуют о смысловой пустоте, которую не может заполнить гражданский похоронный обряд:

«Речи на гражданской панихиде говорили долгие, большинство их было просто холодными, или искусственно, но неискусно подогретыми»²¹.

«2-го марта были похороны. Сегодня неделя её смерти и я пишу об этом, как об одном из событий жизни. И теперь пойдут

¹⁹ Борис Воронский. 3 января 1964 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/292968> (дата обращения: 10.06.2025)

²⁰ Борис Воронский. 27 мая 1969 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/293243> (дата обращения: 10.06.2025)

²¹ Сергей Дмитриев. 10 марта 1950 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/40094> (дата обращения: 11.06.2025).

дни без Ольги. Они пойдут быстро, быстро, дела закрутят людей, и они будут вспоминать об Ольге всё реже и реже. Таков жестокий закон жизни. Таков удел живых»²².

«Началась тягостная церемония гражданской панихиды. <...> Сердечнее других, менее шаблонно и мягче сказали Огрызко, заплакавшая при последних словах своей умной и ясной прощальной речи, и студент Рознотовский»²³. «На похоронах присутствовали Дубовик, Столяр, Чайковский, а также много неизвестного мне народа. Были цветы, венки и прочая погребальная бутафория. Говорились речи, вообще, все было в соответствии с намечающимся узаконенным шаблонным трафаретом, которому не хватает той торжественности и стройности, которая присуща церковному погребению. <...> Прощай, друг, в сердцах знающих тебя, ты будешь жить, а дальше... дальше вряд ли»²⁴.

«Венка мы решили не брать – слишком шаблонны эти металлические венки, которые, к тому-же, сразу выбрасывают во время кремации. Решили купить живые цветы, которые уйдут в небытие вместе с Петром»²⁵.

Шаблон похорон не был наполнен смыслом, помогающим адаптироваться к потере близкого. Он приводил к ощущению неискренности и качественно не решал проблему посмертия. С точки зрения марксизма после смерти человеческое тело будет лишь разлагаться, и только особенные, выдающиеся люди смогут оставить после себя жизненный принцип, который продолжит существовать сквозь поколения.

Но простые люди не могут этого достигнуть. Раньше православная традиция давала обычному человеку понимание, что происходит с его близким (теологическое представление о посмертии), таким образом давая умершему конкретное место в

²² Нина Покровская. 5 марта 1951 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/320692> (дата обращения: 11.06.2025).

²³ Сергей Дмитриев. 1 марта 1960 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/802375> (дата обращения: 11.06.2025).

²⁴ Борис Воронский. 15 октября 1964 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/292893> (дата обращения: 10.06.2025)

²⁵ Борис Воронский. 6 февраля 1968 // Прожито. URL: <https://corpus.prozhito.org/note/569201> (дата обращения: 10.06.2025)

мировосприятия коллектива, и регулирует процесс проживания горя (поминки). Теперь, столкнувшись со смертью, люди отчетливо ощущают, как быстро память об их близком исчезает; и это же случится с ними. Механизм адаптации работает неэффективно: умерший человек не получает новый статус, становясь частью системы, а забывается, вычеркивается из нее.

Можно предположить, что одной из причин непопулярности кремации, появившейся в стране относительно недавно, было отсутствие смыслов, которые могли бы эффективно осуществлять функции ритуала перехода.

Таким образом, состояние «непонимания, как быть со смертью» перед смертью, возникшее в 1920-х гг., сохранялось и на протяжении 1950–1970-х гг. Попытка советской власти разработать и внедрить гражданские похороны не принесла успеха. В дневниках людей, разделявших государственную идеологию или просто не верящих в бога, встречается та самая «растерянность» перед смертью; они не могут заполнить возникающий смысловой вакуум.

ЛИТЕРАТУРА

- Арвес 1992 – *Арвес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс-Академия, 1992. 528 с.
- Геннеп 2002 – *Геннеп А.* Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 2002. 198 с.
- Герц 2019 – *Герц Р.* Смерть и правая рука. М.: ARS Press, 2019. 264 с.
- Глебкин 1998 – *Глебкин В.В.* Ритуал в советской культуре. М.: Янус-К, 1998. 168 с.
- Мохов 2018 – *Мохов С.В.* Рождение и смерть похоронной индустрии: от средневековых погостов до цифрового бессмертия. М.: Common place, 2018. 359 с.
- Мохов 2021 – *Мохов С.В.* Археология русской смерти. Этнография похоронного дела в современной России. М.: Common place, 2021. 192 с.
- Мохов, Миленина 2021 – *Мохов С.В., Миленина Д.А.* Death Studies: особенности формирования дисциплинарного поля // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24. № 2. С. 212–253.

- Смолкин-Ротрок 2012 – *Смолкин-Ротрок В.* Проблема «обыкновенной» советской смерти: материальное и духовное в атеистической космологии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. №3–4. С. 430–463.
- Соколова 2013 – *Соколова А.Д.* Трансформации похоронной обрядности у русских в XX–XXI веке (на материалах Владимирской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 48 с.
- Соколова 2019 – *Соколова А.Д.* В борьбе за равное погребение: похоронное администрирование в раннем СССР // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37. № 1–2. С. 594–621.
- Соколова 2022 – *Соколова А.Д.* Частные похороны в СССР: от инфраструктуры к низовому регулированию и практикам самообеспечения // Вестник антропологии. 2022. № 3. С. 77–88.
- Шкаровский 1999 – *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве: государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг. М.: Крутицкое подворье, 1999. 400 с.

REFERENCES

- Ariès, P. (1992), *Chelovek pered licom smerti* [The Hour of Our Death], Progress-Akademiya, Moscow, Russia.
- Genep, A. (2002), *Obriady pereboda. Sistematischeskoe izuchenie obriadov* [The Rites of Passage. A systematic study of rites], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Gertz, R. (2019), *Smert' i pravaja ruka* [Death and the Right Hand], ARS Press, Moscow, Russia.
- Glebkin, V.V. (1998), *Ritual v sovetskoj kul'ture* [Ritual in Soviet culture], Janus-K, Moscow, Russia.
- Mokhov, S.V. (2018), *Rozhdenie i smert' poboronnoj industrii: ot srednevekovykh pogostov do cifrovogo bessmertija* [Birth and death of the funeral industry: from medieval graveyards to digital immortality], Common place, Moscow, Russia.

- Mokhov, S.V. (2021), *Arheologija russkoj smerti. Jetnografija poboronnogo dela v sovremennoj Rossii* [Archeology of Russian death. Ethnography of funeral business in modern Russia], Common place, Moscow, Russia.
- Mokhov, S.V., Milenina, D.A. (2021), “Death Studies: Features of the Formation of a Disciplinary Field”, *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, vol. 24, no. 2, pp. 212–235.
- Smolkin-Rotrok, V. (2012), “The Problem of ‘Ordinary’ Soviet Death: The Material and the Spiritual in Atheistic Cosmology”, *Gosudarstvo, religija, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*, no. 3–4, pp. 430–463.
- Sokolova, A.D. (2019), *Transformatsii pokhoronnoi obryadnosti u russkikh v XX–XXI veke (na materialakh Vladimirskei oblasti)* [Transformations of Funeral Rituals among Russians in the 20th-21st Centuries (based on materials from the Vladimir Region)], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Moscow, Russia.
- Sokolova, A.D. (2019), “In the Struggle for Equal Burial: Funeral Administration in the Early USSR”, *Gosudarstvo, religija, Cerkov' v Rossii i za rubezhom*, vol. 37, no. 1–2, pp. 594–621.
- Sokolova, A.D. (2022), “Private funerals in the USSR: from infrastructure to grassroots regulation and self-sufficiency practices”, *Vestnik antropologii*, no. 3, pp. 77–88.
- Shkarovsky, M.V. (1999), *Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' pri Staline i Hrushcheve: gosudarstvenno-cerkovnye otnoshenija v SSSR v 1939-1964 gg.* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev: state-church relations in the USSR in 1939–1964], Krutitsy courtyard, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина С. Галицына, студент бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; zuruvuqu@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Galitsyna, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; zuruvuqu@gmail.com

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

УДК 94”1558/84”

Русско-шведские переговоры
об обеспечении безопасной морской торговли
в Балтийском море (1558–1562 гг.)

Савва Г. Васильев

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, sv@mailstop.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотрения внешней политики Ивана IV Васильевича относительно обеспечения безопасности российской морской торговли с иностранными державами. Несмотря на первостепенную для царя сухопутную войну с Ливонией и Речью Посполитой (1558–1584) и необходимость решения судьбы ливонских земель, немалое внимание уделялось в те годы и балтийскому вопросу. В данной статье, как на примере подобной политики, автор сосредотачивается на усилиях Ивана IV Васильевича по обеспечению безопасной и стабильной морской торговли со Швецией в Балтике. Рассматривается дипломатическая переписка Ивана Грозного с королями Швеции Густавом Вазой и Эриком XIV по вопросу обеспечения безопасности морских коммуникаций в Балтийском море. Поводом для двухстороннего разбирательства стало очередное нападение ревельских пиратов на русских купцов в шведских водах, а также проявленное шведским наместником порта Выборг неуважение к потерпевшим. В результате этого инцидента принятое государем решение о переносе российской международной балтийской торговли в Нарву из шведского порта Выборга стало серьезной мотивацией для шведских королей как для вступления в переговоры, так и для применения впоследствии радикальных мер против новой «нарвской навигации» в Балтийском море.

© Васильев С.Г., 2025

Данный диалог со шведской стороной следует считать продолжением начатой еще при Иване III внешней политики по обеспечению и закреплению гарантий прав русских торговцев в странах, имеющих выход к Балтийскому морю. Сами переговоры и их результаты представляются интересным для исследования внешнеполитическим опытом Российского государства в осознании и укреплении своей роли в Балтийском море.

Ключевые слова: Ливонская война 1558–1583 гг., Балтийское море, русское торговое мореплавание, русско-шведские отношения

Для цитирования: Васильев С.Г. Русско-шведские переговоры об обеспечении безопасной морской торговли в Балтийском море (1558–1562 гг.) // Молодой Историк. 2025. № 3. С. 104-118.

Russian-Swedish negotiations on security safe maritime trade
in the Baltic Sea (1558 – 1562)

Savva G. Vasiliev

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, sv@mailstop.ru

Abstract. This article attempts to define the conscious Baltic maritime policy of Ivan IV Vasilyevich. Despite the land war with Livonia and Polish–Lithuanian Commonwealth (1558–1584), which was of higher priority for Ivan IV Vasilyevich, and the need to decide the fate of the Livonian lands, considerable attention was paid to the Baltic issue in those years. As an example, the author cites the efforts of Tsar Ivan IV Vasilyevich to ensure safe and stable maritime trade with Sweden in the Baltic. The article examines the diplomatic correspondence between Ivan the Terrible and the kings of Sweden Gustav Vasa and Eric XIV about how to ensure the security of sea communications in the Baltic Sea. The reason for the international investigation was yet another attack undertaken by Reval pirates on Russian merchants in Swedish waters and the disrespect shown by the Swedish governor of the Vyborg port. As a result the decision of the Tsar to transfer Russian international Baltic trade from the Swedish port of Vyborg to Narva became a serious motivation for Swedish kings to enter negotiations and

to apply radical measures against the new “Narva navigation” in the Baltic Sea thereafter. This dialogue with Sweden should be considered a type of foreign policy initiated by Ivan III to ensure and consolidate guarantees of Russian merchants' rights in the Baltic Sea countries. The negotiations themselves and their results seem to be a challenging foreign policy experience undertaken by the Russian state and worth investigating to understand and strengthen its role in the Baltic Sea.

Keywords: Livonian War of 1558–1583, Baltic Sea, Russian merchant shipping, Russian-Swedish relations

For citation: Vasilev, S.G. (2025), Russian-Swedish negotiations on security safe maritime trade in the Baltic Sea (1558–1562), *Young Historian*, no. 3, pp. 104–118.

В последнее время в современной историографии исследователи часто дискутируют относительно наличия или отсутствия Ивана Грозного обрести выход к Балтийскому морю в результате войны с Ливонией. Анализируя существующие в отечественной историографии дискурсы о Ливонской войне (1558–1584), отечественный историк А.Ю. Филюшкин в своей монографии, разбирая «балтийский вопрос», допустил сомнение в самой необходимости Российскому государству добывать себе выход в Балтийское море, если он к 1558 г. уже у нее был. Исследователь при этом отмечает и слабое развитие русских городов на балтийском побережье как торговых центров, принижая их значение и степень заинтересованности царя и его верноподданных в развитии морской торговли [Филюшкин 2013, с. 605–607].

С данной позицией совершенно не согласен историк П.А. Кротов, рецензент вышеуказанной книги о Ливонской войне. Обвиняя автора в умышленной «мистификации балтийского вопроса» и предшествующей историографии эпохи царя Ивана IV, он указывает на упущение существующей на тот момент времени постоянной угрозы русской морской торговле со стороны прибалтийских государств XV–XVI вв. Строящиеся поселения на прибалтийском побережье постоянно подвергались разорению. Русские торговцы в иностранных портах не были равны в правах

ганзейским и ливонским коллегам и подвергались ущемлению. По мнению рецензента, «фактически существовал запрет на русское судоходство со стороны городов Ганзейского союза и Швеции» [Кротов 2017, с. 403].

Доводы обоих историков кажутся обоснованными. Действительно, справедливо замечание А.И. Филюшкина о том, что Ливонская война не была задумана с целью обретения выхода к морю. Изначально взятие Нарвы и ее порта, как и борьба за всю Ливонию, носили скорее «сакральный» характер, подразумевая разрешение многовековой борьбы между Ливонией и Русью. Само взятие города произошло стихийно. Нарва не была главной целью похода русских войск, но ее взятие виделось исторически необходимым [Филюшкин 2007, с. 160]. С точки зрения исследователя, данная война для Московского государства – захват новых территорий, после чего следовали поместные раздачи.

Помимо общей оценки историком состояния возможностей русского торгового судоходства, автор провел и лексический анализ русских документов тех лет. Так, он пришел к выводу о непонимании царем и его ближайших соратников самого концепта «морских владений», необходимости добиваться морского могущества и осваивать моря [Филюшкин 2013, с. 609]. А.И. Филюшкин последовательно настаивает на том, что сама угроза «утверждения москвиты на море» в те годы была заметным преувеличением и фобией европейцев, Речи Посполитой в первую очередь. Ее «летучие листки и списки», распространяемые в Священной Римской империи – самый наглядный источник подобных страхов [Филюшкин 2007, с. 169–170].

Тем не менее, справедливо и замечание П. А. Кротова, что Швеция и Ганзейский союз своими регулярными нападениями на российские крепости на побережье и притеснениями российских купцов в своих городах в XIV – XV вв. создали экзистенциальную угрозу для российской морской торговли в Балтийском море [Кротов 2017, с. 403–404]. И, следовательно, проблемы верноподданных царя не могли остаться без его внимания, требуя его защиты и покровительства. Конечно, это не привело к развитию российского военного флота, но данные проблемы, попытки их решения нашли отражение в дипломатических

усилиях российских государей. Результатом стало внесение статьи в договор с Ганзой 1487 г. о гарантиях обеспечения безопасности русских торговцев-мореходов, в 1491 г. Иван III потребовал того же от Ливонии и добился внесения этого пункта в договор 1493 г. В 1494 г. удалось достичь соглашения с Данией о предоставлении свободы передвижения по морю торговцам обеих стран. При Василии III по договору 1517 г. удалось добиться открытия торгового двора для русских купцов в Копенгагене, для датских – в Ивангороде и Новгороде. Хотя, конечно, окончательно решить проблему с ущемлением прав мореходов это не помогло [Кротов 2017, с. 404–405].

В этом контексте, разумеется, интересна и дипломатия царя Ивана IV Васильевича, чему и посвящена настоящая статья. Нам кажется уместным сосредоточить внимание на дипломатической переписке царя с государями Швеции, в которой явно нашло свое отражение желание российского государя обезопасить русских торговцев на Балтийском море в пределах иностранных владений.

Стоит обратить внимание на предпосылки проблемы, ставшей одной из основных тем для дипломатической переписки 1559–1562 гг. Города Ганзейского союза же к середине XVI в. утрачивали свои позиции и крайне тревожно об этом отзывались. Значительное давление на них оказал царь Иван III, в марте 1494 г. лишив ганзейцев последних привилегий. Осенью того же года, за издевательства над русскими купцами в Ревеле, которых местные торговцы систематически отказывались признавать равными в правах себе, был закрыт Ганзейский двор в Новгороде. Строительство с 1492 г. крепости и морской пристани Ивангорода на балтийском побережье было расценено как угроза не только со стороны шведов, отправивших военную экспедицию к Ивангороду в 1497 г., но и со стороны Ганзы. Так историк П.А. Кротов приводит письмо от 1508 г. с жалобой городского совета Данцига городскому совету Любека и на «Новую Нарву», указывавшего на соседство «старой» Нарвы с Ивангородом, и на торговый порт в Копенгагене. Отмечалось, что учреждены эти города «для гибели многих городов и в особенности ливонских» [Кротов 2017, с. 404].

Однако впоследствии, уже после нормализации отношений Швеции и Дании с Москвой к 1514 г., Ганза не смогла отказаться от

восстановления торговли с русскими купцами, присоединяясь к развивающейся международной торговле в Ивангороде. Регулярные коммуникации были относительно восстановлены [Шумилов 2006, с. 205].

Ливонская война же внесла серьезные коррективы как для Ганзы, так и для остальных участников балтийской торговли в принципе. В 1558 г. войска Московского государства берут под контроль Нарву. Нельзя в очередной раз не согласиться с А.Ю. Филюшкиным, что сам город не был ключевой целью войны царя с Ливонией, однако нельзя не отметить быстро возросшее значение Нарвы как международного торгового центра. Невозможно проигнорировать и внимание, оказанное купечеству Нарвы Иваном IV, который предоставил право самоуправления, свободу вероисповедания и право на беспошлинную покупку товаров на основных рынках России.

Скоро в Нарву, несмотря на попытки Любека не афишировать свою торговлю в этом городе, стали прибывать английские, французские и иные купцы [Шумилов 2006, с. 205]. С этого момента начинается история многострадальной «нарвской навигации». Во многом ее начальный успех был обеспечен и сменой приоритета в выборе перевалочного пункта ганзейскими купцами. Ревель, в котором любчане торговали до 1558 г., оказался на передовой линии, под постоянной угрозой осады и взятия со стороны Москвы, в то время как Нарва уже была в тылу боевых действий, ей ничто не угрожало [Филюшкин 2007, с. 167].

Печальным в этом контексте оказалось положение другого ганзейского города, ливонского Ревеля. Ливонский хронист Бальтазар Рюссов в главе с характерным названием «Как погибала ревельская торговля» отмечал про своих соплеменников следующее: «...ревельские купцы и бюргеры стаивали в розовом саду, и на валах и печально смотрели, как неслись корабли мимо города Ревеля в Нарву <...> Ревель стал пустым и бедным городом <...> ревельские купцы на свой собственный счет и риск снарядили несколько кораблей с орудиями, чтобы нападать на любчан и мешать им ездить в Нарву...»¹. Строки этой хроники же

¹ Рюссов Б. Ливонская Хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том 2. Рига, 1879. С. 383–384.

подтверждаются опубликованными архивными актами Ревельского архива, пестрящими отписками царских воевод «колыванским ратманам», в которых содержатся жалобы русских купцов на учиненный «колыванскими немцами» разбой и просьбы оказать содействие в помощи пострадавшим и наказании виновников². Стоит отметить, что подобные отписки регулярно отправлялись и до 1558 г. Показательны часто встречающиеся сюжеты в документах 1540-х гг. о банде морских разбойников Мартина Безрукого³. Ревельские власти, конечно, до возникновения «нарвской навигации» пиратов еще не нанимали, но и своих земляков явно не торопились ловить. Таким образом, Ревель, желая после 1558 г. вернуть былую торговую конъюнктуру, прибегнув к найму пиратов, сам по себе сделался большой угрозой местному судоходству, угрожая как русским купцам, так и их торговым партнерам.

Проблема «колыванских разбойников» встала клином между интересами Московского государства и Швеции, только восстановивших торговые отношения после войны 1554–1557 гг. и установивших между собой мирное соглашение, скрепленное крестным целованием, обязавшее страны навести порядок на границе и «на водах». Так в 1559 г., помимо случая, когда ливонцы напали на корабль русских купцов «воинским обычаем» и «их до однаво человека в воду пометали», стало известно о намерениях ревельцев, собравшихся «в одно место с кораблями и яхтами» напасть как на прибрежные поселения от Орешка до Яма, так и «... пограбिति и убити хотели и всех тех торговых людей, которые хотели к Выборгу ... с товары ехать»⁴.

Интересно, что первыми по этому поводу к Ивану IV и его наместникам обратились шведский король Густав Ваза и его сын

² Русские акты Ревельского городского архива / под редакцией Александра Барсукова. Санкт-Петербург, 1894. Стлб. 124–126, 135–136, 141–144, 145–146.

³ Русские акты Ревельского... Стлб. 59–60, 107–108.

⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством // Сборник Российского Исторического Общества. Т. 129. СПб., 1910. С. 56–59.

Юхан III⁵ в 1559 г. В грамоте от шведского короля, которую согласно посольской книге вместе с грамотой его сына царь заслушал 10 сентября, помимо вышеуказанного, российского государя извещали и о попытке Ревеля склонить шведского короля к поддержке своих пиратов, прося их не задерживать. Но Густав, напомнив о своей верности недавно заключенному миру, в подобной просьбе отказал. Юхан III в своей же грамоте, адресованной боярину и воеводе Михаилу Васильевичу Глинскому, и вовсе попросил бояр и наместников на контролируемом Россией побережье Финского залива оказать содействие «служилым людям» шведского государя, которым прикажут «помешати ливонцам их зло»⁶.

Такие попечительство и тревога о русских купцах со стороны шведов объяснялись выгодами, которые Швеция получала как от торговли на российских рынках, так и особенно от посредничества в торговле России с иными купцами в контролируемом шведами Выборге. Исследуя состояние русско-шведской торговли в XVI в., историк Г.А. Новицкий при анализе шведской историографии обратил внимание на повышенный интерес короля Густава Вазы к расширению торговых связей с Россией и установлению исключительных прав в торговле с Россией⁷. Историк прямо полагает, что король «пытался перетащить русскую торговлю от Ревеля к Финляндии», в то время как русские купцы получили выгодную альтернативную возможность в обход Ливонии торговать с европейскими державами [Новицкий 1957, с. 39].

Историк обратил внимание и на положение Выборга как важного и перспективного «перевалочного пункта» для русских торговцев. По донесениям Густаву Вазе наместника короля в Выборге Клауса Кристерссона во втором полугодии 1558 г. в порт

⁵ В тот момент Юхан III «высородный князь... вотчинный князь, князь Финских земель».

⁶ Памятники дипломатических сношений... С. 59.

⁷ Со ссылкой на финского историка Э. Хорнборга и шведского А. Атмана. Привилегией шведских купцов в России было право беспрепятственной торговли с Ираном, Индией и Китаем. См. подробнее: [Новицкий 1957, с. 40].

в среднем приходило 25 русских лодок, в первом полугодии 1559 г. – 86 лодок. Швеция только выигрывала от растущего за счет роста объема торговли дохода от накладываемых таможенных пошлин [Новицкий 1957, с. 43].

В ответе же на шведские королевские грамоты 1559 г. Иван Грозный поблагодарил шведского короля за проявленную заботу и «исправление» и в то же время передал королю дошедшие до него жалобы новгородских купцов: «...их пограбили кольванские немцы на твоём Финском протоке и твои люди тех кольванских людей поймав привели к твоему выборскому наместнику Клаушу да и те животы к нему ж привезли, что кольванцы у наших купцов взяли». Вот только наместник отдал «животы неполна». Поэтому царь потребовал «безволокитно» вернуть новгородцам отбитое у пиратов имущество в полном объеме, «что бы наши купцы в убытке не были, и мир бы и дорога купцом за то не рушилася»⁸.

Последовало разбирательство на высшем государственном уровне, затянувшееся на долгие года. В январе 1560 г. к царю явился посланник с новой грамотой, где король, прислушавшись к «советованию» своих купцов, спрашивал о причинах «шереложения» торговли из Выборга в Ругодив⁹. Иван IV же в ответной грамоте, помимо дозволения торговать людям Выборга и Нарвы, указал на следующее: «...наши гости и купцы и всякие торговые люди били нам челом что им в Выборге от твоих людей и в морском проходе береженья нет...»¹⁰. Конкретной причиной «сведения» торговли в Нарву, «чтоб <...> ссоры не было <...> перемирные грамоты не рушились», могло стать и донесение «смолянина Федка Першина» о том, что упоминаемый ранее Клаус Кристерссон в Выборге «велел грабити и безчествовать»¹¹. Пришлось государю напомнить и о иных пострадавших от выборгского наместника, обвиняемого также в присвоении части отбитого у пиратов товара себе, т. к. Густав Ваза никакого ответа относительно удовлетворения жалоб русских купцов не дал.

⁸ Памятники дипломатических сношений... С. 61.

⁹ Устаревшее название г. Нарва.

¹⁰ Памятники дипломатических сношений... С. 72.

¹¹ Там же.

В июле 1560 г. посланник вернулся с королевским ответом. В грамоте король сообщил, что «однолично» ознакомил Выборгского наместника и иных подданных, на кого пришли жалобы от русских купцов. Они доложили, что в убытках неповинны. Также король донес до сведения царя, что «великие» убытки от «колыванцев» на море понесли и шведы, «несколько тысяч золотых и с корабли, и с товары учинилися». Кроме того, посол Индрик Лаврентьев¹², со слов своего короля, обвинил Федора Першина в умышленной клевете на Выборгского наместника, к тому же прибавив, что убытки остальным купцам будут возвращены, а ливонским разбойникам не будет никакой пощады: многие уже пойманы или будут пойманы. Король через посланника заявил, что ради сохранения мира он собирается своим военным флотом мешать «немецким и датским» людям помогать Ревелю¹³. Иван IV же ответом остался неудовлетворен, т. к. уведомил в своей новой грамоте короля о решении прислать «...тех купцов Федора Першина с товарищи и тех купцов которым учинились грабежи на твоём протоке...», чтобы они сами изложили королю свою версию произошедшего: «... ты бы тогда их дела сыскал в правду...»¹⁴.

Дело так и осталось незавершённым по окончанию правления Густава Вазы. Вопрос об отнятом имуществе Федора Першина, его брата и иных Новгородских и Смоленских купцов снова был поднят в июле 1561 г., когда в Россию прибыло посольство нового шведского короля Эрика XIV для заключения перемирия на 20 лет. Шведы желали продолжения мира между государствами «как было перемирие отцу его» и восстановления былой торговли¹⁵. Послам же напомнили про нападение пиратов из Ревеля и про то, как выборгский наместник обошелся с купцами. А так-как «Густав король в тех делех управы никакие не учинил, и государь наш ... в Свейские земли торговати ездити не велел, а велел им торговати в своем городе Ругодиве»¹⁶. Послы в ответ

¹² Редакторами в скобках оставлено примечание (Larsson)

¹³ Памятники дипломатических сношений... С. 77–78.

¹⁴ Там же. С. 81.

¹⁵ Там же. С. 96.

¹⁶ Памятники дипломатических сношений... С. 98.

сослались на то, что со времени последней отправленной царю грамоты король занемог и потому это дело разрешить не успели.

В связи с этим делом интересно продемонстрированное Иваном IV особое внимание к торговым делам. Когда ему стало известно о результатах переговоров, помимо решения о подготовке новых перемирных грамот, царь приказал своим купцам «ехать в Свейские с мелкими товары, а с воском и с салом и с льном и с посконью ездить не велел»¹⁷. В то же время перемирная грамота, составленная князем, боярином и новгородским наместником Федором Андреевичем Булгаковым, включала пункт и о восстановлении беспрепятственной торговли как для шведских, так и для российских (включая нарвских) купцов¹⁸.

Переговоры затянулись, и подписание мира было отложено. Новый шведский король желал официального признания Колявани, т. е. Ревеля, за Швецией, отказываясь скреплять перемирную грамоту печатью. Кроме того, помимо вопроса о возмещении убытков пострадавшим купцам, произошло несколько пограничных конфликтов, требующих взаимного решения. В июне 1562 г. к шведскому королевскому двору в Стокгольм послами были отправлены Андиакон Федорович Тушин и подьячий Третьяк Сиязев. Король все же подписал перемирие и на нем «целовал крест», королевские же советники, в свою очередь, попытались разобраться и с делом ограбленных купцов. Установили, что непосредственно сам Клаус Кристерссон не причастен, а виновников, которые ограбили и «бесчествовали» Федора Першина, готовы или казнить в Выборге, или выдать российской стороне. Посол Андиакон, однако, в первую очередь настаивал на необходимости удовлетворения финансовых убытков за счет королевской казны, в т. ч. и новгородских купцов, которых ограбили ревельские пираты. Однако из дипломатической летописи посольских книг не ясно, возместили ли русским купцам шведы ущерб или нет. Будто Андиакону впоследствии сообщили, что люди, которым король «приказал чинити управу», направлялись в Выборг, но воротились, узнав, что русские купцы покинули город. Андиакон вернулся с грамотой для новгородского

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

наместника князя Федора Булгакова, где шведский король призывал посылать русских «торговых людей» в Выборг, Стокгольм, Ревель, Пернов и иные места, а шведских – в русские прибрежные города¹⁹.

Эти переговоры, являющиеся примером русско-шведского взаимодействия по обеспечению безопасного судоходства, относительно восстановили русско-шведскую торговлю через Балтийское море. Однако именно в годы правления Эрика XIV сложилась в то же время совсем иная практика по отношению к «нарвской навигации». Историком Г.В. Форстенем в его фундаментальном исследовании по «балтийскому вопросу» вскрыта история последовательной блокады шведским королем Нарвы. С приобретением Ревеля под предлогом борьбы с его пиратами еще в 1561 г. шведы нисколько с местным пиратством не покончили. Наоборот, исходя из обнаруженных в шведских и немецких архивах документах, Эрик XIV договорился с городским советом Ревеля о поддержке военных кораблей Швеции; особой королевской инструкцией от 24 мая 1562 г. они были направлены в нарвский фарватер от «Нюланда до Лифляндии». Флотилии была поставлена задача прекратить хождение иностранных судов как в Нарву, так и из Нарвы. С того момента, как полагал Г.В. Форстен, ревельские пираты при поддержке шведского военного флота особо активно нападали на корабли, идущие в Нарву из Любека, Гамбурга, Ростока и Данцига. Захваченные корабли приводили в порт Ревеля и захваченные трофеи, согласно договору с королем, ревельцы и шведы делили пополам²⁰.

Скорее всего, ревельские пираты и шведский военный флот с этого момента в своих нападениях на море сосредоточились именно на «гостях» российского царя (претензии к шведскому королю не фиксируются, возможно, царь счел дальнейшие переговоры по этому поводу бесполезными). Однако известно о дежурных отписках царских воевод из Нарвы в Ревель, доводящие жалобы «ругодивских немцев», купцов, на «колыванских» немцев,

¹⁹ Там же. С. 120–122.

²⁰ Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648): в 2 т. Т. 1. СПб., 1893. С. 255–256.

пиратов, до сведения властей города в 1565 г.²¹ Со стороны Швеции подобные действия же видятся жестким методом решения своей дипломатической и экономической задачи: свести торговлю в Нарве на нет и вернуть торговлю с Россией в подконтрольные Выборг или Кольвань. При этом, действуя таким образом, шведская сторона пыталась не испортить отношения с российской, не угрожая именно русским подданным государя. Впрочем, это не привело к желаемому шведскими королями результату в 1560-х гг.

Таким образом, царь Иван IV Васильевич продемонстрировал ревностную заботу о своих подданных, добиваясь от Швеции гарантий безопасности для своих купцов в шведских водах, тем самым, продолжив усилия Московского государства в обеспечении защиты прав своих купцов в странах Балтийского моря, начатые еще при Иване III. Перенос русской торговли ввиду челобитных русских купцов в Нарву из Выборга вынудил шведское правительство как при короле Густаве Ваза, так и при Эрике XIV добиваться у царя возвращения статуса-кво, а после неудачи и вовсе прибегнуть к изощренным радикальным методам, не изменившим позицию русского царя вплоть до оставления Нарвы в 1581 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Кротов 2017 – *Кротов П.А.* Мистификация балтийского вопроса // Вестник Санкт-Петербургского Университета. История. Т. 62. Вып. 2. 2017. С. 400–410.
- Новицкий 1957 – *Новицкий Г.А.* Вопросы торговли в русско-шведских отношениях в XVI в. // Скандинавский Сборник. № 2. Таллин.: Эстонское Государственное Изд-во, 1957. С.38–46.
- Филлюшкин 2007 – *Филлюшкин А.И.* Дискурсы Нарвского взятия // Государство и общество в России XV – начала XX века: сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб.: Наука, 2007. С. 159–172.
- Филлюшкин 2013 – *Филлюшкин А.И.* Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в.

²¹ Русские акты Ревельского ... № 75. Стлб. 135–136.

глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 880 с.

Шумилов 2006 – Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития XI-XVIII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 472 с.

REFERENCES

- Filyushkin, A.I (2013), *Izobretaia pervuiu voynu Rossii i Evropy: Baitiiskie voiny vtoroi poloviny XV1 v. glazami sovremennikov i potomkov* [Inventing the first war between Russia and Europe: The Baltic Wars of the second half of the 16th century by eyes of contemporaries and descendants], Dmitry Bulanin Publ., Saint Petersburg, Russia.
- Filyushkin, A.I. (2007), “Discourses of the Narva Capture”, *In Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii XV – nachala XX veka: sbornik statej pamyati Nikolaya Evgenievicha Nosova* [State and Society in Russia in the XV – Early XX Centuries: A Collection of Articles in Memory of Nikolai Evgenievich Nosov], Nauka Publ., Saint Petersburg, Russia, pp. 159–172.
- Krotov, P.A. (2017), “Mystification of the baltic question”, *Bulletin of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, iss. 2, pp. 400–410.
- Novitskii, G.A. (1957), “Issues of trade in Russian-Swedish relations in the 16th century”, *In Skandinavskij sbornik* [Scandinavian collection], no. 2, Estonian State Publishing House, Estonia, USSR, pp. 38–46.
- Shumilov, M.M. (2006), *Torgovlya i tamozhennoe delo v Rossii: stanovlenie, osnovnye etapy razvitiya IX-XVII vv.* [Trade and customs affairs in Russia: formation, main stages of development (9th – 17th century)], Dmitry Bulanin Publ., Saint Petersburg, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савва Г. Васильев, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; sv@mailstop.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Savva G. Vasilev, master's student Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; sv@mailstop.ru

Восточный вопрос на страницах журнала «Вестник Европы»
в 1867–1872 гг.

Роман А. Петров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, romanpetrov1109@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается понятие «Восточный вопрос» в общественно-политическом дискурсе пореформенной Российской империи. Само понятие закрепилось в европейском общественно-политическом пространстве еще после Наполеоновских войн и продолжало использоваться вплоть до распада Османской империи после Первой мировой войны. Однако его четко сформулированного определения не было. В связи с этим важно то, что даже современниками Восточный вопрос мог пониматься по-разному. В качестве источников данного очерка были использованы статьи столичного журнала «Вестник Европы» за 1867–1872 гг. В течение это периода было опубликовано 18 статей, в которых было использовано словосочетание «Восточный вопрос». Само это словосочетание в них используется по-разному в зависимости от международных событий, общественного настроения и заявлений оппонентов авторов журнала. Так, журналисты писали о Восточном вопросе в связи с разными проблемами Венской системы международных отношений, слухами в российском и европейском обществах и заметными публикациями панславистов. Интересно, что даже внутри одного журнала с той же самой редакцией в течение 6 лет определения Восточного вопроса противоречили друг другу. Их объединяло разве что только общая направленность статей против панславистов.

Ключевые слова: Восточный вопрос, Вестник Европы, панславизм, Э.К. Ватсон

Для цитирования: Петров Р.А. Восточный вопрос на страницах журнала «Вестник Европы» в 1867–1872 гг. // Молодой историк. 2025. № 3. С. 119-131.

Eastern question on the pages of the “Vestnik Evropy” journal
in 1867–1872

Roman A. Petrov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, romanpetrov1109@gmail.com*

Abstract. This article examines the “Eastern Question” concept in the socio-political discourse of the post-reform Russian Empire. The term was entrenched and used in the European socio-political space after the Napoleonic Wars until the collapse of the Ottoman Empire after the First World War. However, they did not have its clearly formulated definition. Due to this even contemporaries interpreted the Eastern Question in different ways. The sources for this paper are articles from the “Vestnik Evropy” capital-based journal published from 1867 to 1872. Within this period, there were published 18 articles where “Eastern Question” word combination was used differently, depending on international events, public sentiment, and the journal's opponents' claims. Thus, journalists wrote about the Eastern Question in connection with various problems of the Vienna System international relations, rumors in Russian and European societies, and notable publications written by Pan-Slavists. Interestingly, even inside the same journal, with the same editorial board for six years, the definitions of the Eastern Question contradicted each other. The only thing that united them was the general orientation of the articles against the Pan-Slavists.

Keywords: Eastern question, Vestnik Evropy, Pan-Slavism, E.K. Vatson

For citation: Petrov, R.A. (2025), “Eastern question on the pages of the “Vestnik Evropy” journal in 1867–1872”, *Young Historian*, no. 3, pp. 119-131.

В историографии Восточным вопросом называют комплекс проблем международного масштаба, связанных с кризисом Османской империи во второй половине XVIII – начала XX вв. Однако само словосочетание «Восточный вопрос» тоже имеет свою историю. В европейском общественно-политическом дискурсе оно, вероятно, закрепилось после Веронского конгресса 1822 г. Священного Союза и продолжало использоваться вплоть до распада Османской империи в 1922–1923 гг. [Акопьянц 2015].

Несмотря на непрерывное использование в дипломатических документах и периодической печати, словосочетание «Восточный вопрос» не было формально определено. Следовательно, «Восточный вопрос» мог рассматриваться с отличающихся друг от друга позиций, наполняться разными смыслами и связываться со многими проблемами. Исходя из этого предположения, можно сформулировать вопрос о том, что могли иметь в виду под «Восточным вопросом» современники. Подходящими источниками представляются материалы периодической печати. В этой связи стоит обратиться к пореформенному периоду Российской империи, в течение которого в толстых журналах и газетах поднималось и обсуждалось множество вопросов из самых разных сфер жизни общества.

В статье рассматриваются материалы столичного журнала «Вестник Европы» за период 1867–1872 гг., в которых авторы использовали словосочетание «Восточный вопрос». Временные границы выбраны, конечно, не случайно. Именно в эти годы в журнале непрерывно выходили статьи, которые как-либо касались Восточного вопроса. В дальнейшем вплоть до начала Восточного кризиса в 1875 г. в журнале не публиковалось статей на данную тему.

В течение 1867 г. в «Вестнике Европы» друг за другом были опубликованы 3 статьи о Восточном вопросе за авторством Э.К. Ватсона. Восточный вопрос в них назывался «Греко-славянским» и определялся как проблема Европы¹. Автор считал

¹ См.: Восстание на острове Кандии // Вестник Европы. 1867. Т. 1, отд. V. С. 117–142; Первое пятидесятилетие восточного вопроса. Очерк первый // Вестник Европы. 1867. Т. 2, отд. V. С. 32–55; Первое пятидесятилетие

Восточный вопрос европейским, о чем можно заключить из проведенных им ограничений. Например, говоря о христианских подданных Порты, Э.К. Ватсон упоминает население и Юго-Восточной Европы, и Малой Азии, и Сирии. Однако в Восточный вопрос он, видимо, включал не всех христиан Османской империи, а только христиан ее европейской части: греков и славян. Это подтверждает и тот факт, что в дальнейшем, говоря о Восточном вопросе, он больше не упоминал христиан Малой Азии и Сирии, а под христианскими подданными подразумевал только греков и славян.

Европейским Восточный вопрос в статьях Э.К. Ватсона представлен еще и по причине того, что он не раз сравнивался с германским и итальянским вопросами, т.е. другими политическими проблемами Европы. Нужно объяснить, что о Восточном вопросе автор начал писать в связи с Критским восстанием греков против власти Порты. Дело в том, что оно разгорелось летом 1866 г., тогда же, когда успела начаться и закончиться австро-пруско-итальянская война. Э.К. Ватсон часто пояснял, что Восточный вопрос – это дело Европейской дипломатии и при этом отсылал как раз к улаженным ею германскому и итальянскому вопросам. Трудность автору виделась в том, что европейские международные отношения страдали от привычек «времен Меттерниха и Талейрана», т.е. европейские державы старались, по его мнению, поддерживать условия Венского конгресса в меняющемся мире, для которого эти условия становились отягчающими.

Кроме того, под улаживанием германского вопроса в статье подразумевался роспуск Германского союза – плода Венского конгресса, а также присоединение к Италии области Венеции, признанной до того на Венском конгрессе законной землей Австрии. Таким образом, Восточный вопрос виделся автору так: европейская дипломатия не могла признать, что слабеющей Османской империи не удержать греко-славянский Восток.

Историю Восточного вопроса Э.К. Ватсон начинал со времени завоевания турками-османами византийского греко-славянского мира и конкретно Константинополя. Однако

восточного вопроса. Очерк второй // Вестник Европы. 1867. Т. 3, отд. V. С. 31-71.

современное для него понимание Восточного вопроса как проблемы будущего греко-славянского мира в связи с владычеством Порты он выводил со времени Венского конгресса. Необычным кажется словосочетание «Греко-славянский вопрос», которым Э.К. Ватсон предлагал заменить понятие «Восточный вопрос». Хотя оно может напоминать некоторое интеллектуальное построение славянофилов с их представлениями о Западе и Востоке, автор, скорее, следовал своей логике. Он настаивал на другом названии Восточного вопроса для уточнения этого определения. Ведь все вопросы Европы, по его мнению, стояли остро и требовали понимания и решения. Вероятно, что из-за этого он и решил переименовать Восточный вопрос. Более того, это можно трактовать и как проявление борьбы на уровне языка с привычками (в том числе, со словесными) дипломатии «Меттерниха и Талейрана».

Восточный вопрос в статьях Э.К. Ватсона был представлен в контексте проблем Европы, европейской дипломатии. Особенно интересно само предложенное название и его обоснование. Оно может быть рассмотрено еще глубже, но мы ограничимся выводом, что оно отсылает к «героям» вопроса – грекам и славянам.

Через несколько месяцев в рамках «Ежемесячной хроники истории, политики, литературы» в феврале 1868 г. в журнале вышла еще одна статья, анонимная и никак не подписанная, о Восточном вопросе, в которой особое место заняло объяснение роли России². Как было обозначено выше, автор предполагал особую роль в решении Восточного вопроса для России. Особенно интересно обоснование, согласно которому Россия всю свою историю двигалась на юг, ради Черного моря, чтобы удостоиться места среди великих держав. Так, автор, размышляя о Восточном вопросе, поместил в центр внимания Россию и ее стремления.

Тем не менее христианских подданных Порты автор, конечно, не забыл упомянуть. Это были, по его словам, славяне и греки. Такой порядок слов после предыдущих статей Э.К. Ватсона с его «Греко-славянским вопросом» кажется не случайным. Возможно, автор февральской статьи так выдвигал вперед

² См.: Ежемесячная хроника истории, политики, литературы // Вестник Европы. 1868. Т. 1. Кн. 2. С. 850–873.

славянский элемент в Восточном вопросе. Хроникер предлагал России, двигаясь на юг, освободить славян и греков, предполагая в будущем союз страны и благодарных освобожденных народов. По проекту автора статьи, так и должно было проходить закрепление России у Черного моря. Таким образом, автор полагал Черное море – для России, а свободу – для славян и греков.

Несмотря на то, что в статье во многом описывался проект расширения сферы влияния России, автор настаивал на преждевременности конфликта и войны. Утверждая это, он упрекал неких «нетерпеливых», под которыми подразумевались панслависты. Это указывает на еще одну важную часть текста – его полемический характер. Если в 1867 г. Э.К. Ватсон спорил с Европейской дипломатией старого образца, то анонимный автор февральской статьи начал спор с панславистами и предложил свое, почти геополитическое, видение Восточного вопроса.

В апреле и мае все того же 1868 г. в «Вестнике Европы» вышли две похожие по ходу мыслей и выводам статьи, касающиеся Восточного вопроса, тоже анонимные и не подписаны³. Статьи были посвящены актуальному проявлению Восточного вопроса – все еще идущему Критскому восстанию. Автор (или, может, авторы) апрельского и майского материалов критиковал неспособность европейской дипломатии решить даже небольшую трудность в рамках Восточного вопроса. Негодуя, он обратил внимание на важнейшую часть Восточного вопроса – на самих христианских подданных Порты. В данных статьях решающая роль не предлагалась никаким другим силам, но и европейская дипломатия была представлена беспомощной и неспособной помочь страдавшим народам. Вероятно, ключевой мыслью статей и было напоминание о жертвах затягивания Восточного вопроса. Это совпадало с настроением статей Э.К. Ватсона об остроте вопросов Европы.

В «Ежемесячной хронике истории, политики, литературы» следующего месяца 1868 г. очередным анонимным автором была выделена конкретная проблема Европейской дипломатии, а также

³ См.: Ежемесячная хроника истории, политики, литературы // Вестник Европы. 1868. Т. 2. Кн. 4. С. 843–870; Т. 3. Кн. 5. С. 385–409.

сформулирована претензия панславистам⁴. Восточный вопрос в статье был снова сопоставлен с германским и итальянским. Автор при этом заметил, что загвоздкой Восточного вопроса было то, что европейская дипломатия не представляла себе Восток (греко-славянский мир, Юго-Восточную Европу) без власти Порты. Это как бы развило и мысли Э.К. Ватсона об общеевропейском решении Восточного вопроса и критику европейской дипломатии из предшествовавших статей.

Кроме того, был продолжен спор с панславистами. В рассматриваемой июньской статье автор не только осудил желание оппонентами войны, но и высказался в том смысле, что панславизм не мог определять политику России, потому что он, как идея, никому, кроме кружка интеллектуалов, не был нужен, и российское общество, по наблюдению анонимного хроникера, в целом было безразлично к проекту объединения славян.

В июньской статье были повторены почти все темы, поднятые раньше в «Вестнике Европы» в связи с Восточным вопросом. Автор июньской статьи развил мысли по каждой из них и продолжил полемику журнала с панславистами. В анонимной и неподписанной июльской части «Иностранного обозрения» 1868 г. был поддержан вопрос, заданный в мае, о Востоке без власти Порты⁵. Принимая решающую роль европейской дипломатии, автор высказал предложение обеспечить наследование европейской части Османской империи тремя христианскими государствами Юго-Восточной Европы – Грецией, Румынией и Сербией.

Таким образом, можно сказать, что в «Вестнике Европы» вопросы и темы о Восточном вопросе плавно сменялись и продолжались в нескольких статьях подряд, с апреля до июня 1868 г. Исходя из этого, можно предположить также их общее авторство.

⁴ См.: Ежемесячная хроника истории, политики, литературы // Вестник Европы. 1868. Т. 3. Кн. 6. С. 809–829.

⁵ См.: Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1868. Т. 4. Кн. 7. С. 399–422

В августе того же года и в той же рубрике Восточный вопрос был рассмотрен с необычной для журнала стороны⁶. В небольшом размышлении о Восточном вопросе анонимный автор впервые в «Вестнике Европы» связал его с вопросом об объединении южных славян, находившихся под властью как Порты, так и Габсбургов. Это было похоже на панславистские высказывания. Сама Австро-Венгерская империя в статье была представлена похожей на Османскую империю. Восточный вопрос автор считал угрозой существованию композитарной монархии Габсбургов.

В «Иностранном обозрении» за январь и февраль 1869 г. была высказана критика европейской дипломатии⁷. Анонимный и не подписавшийся автор статей указал не в первый раз, что Европейская дипломатия не справлялась с Восточным вопросом, пока христиане Юго-Восточной Европы страдали от власти Порты. Примечательно, что автор отделял Россию от западноевропейских держав (Франции, Великобритании и Австро-Венгрии). Именно России он доверял роль покровительницы турецких христиан. Таким путем автор (или авторы) январских и февральских материалов предложили другой взгляд на Восточный вопрос, согласно которому решающая роль в нем принадлежала отнюдь не европейской дипломатии. В то же время России предлагалось придерживаться своей традиционной роли покровительницы христиан Османской империи. Так, разочаровавшись в европейской дипломатии, в «Вестнике Европы» решили обратиться к старому подходу к Восточному вопросу.

В августе 1869 г. в «Вестнике Европы» вышла рецензия на работу генерала Р.А. Фадеева «О войне и войске»⁸. Автор с псевдонимом «Р.» писал о главной теме брошюры – военной. В связи с тем, что Р.А. Фадеев придерживался идеологии панславизма и вообще свои предложения связывал с будущей войной из-за Восточного вопроса, автор-рецензент выступил с критикой

⁶ См.: Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1868. Кн. 8. С. 841-862.

⁷ См.: Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1869. Т. 1. Кн. 1. С. 426-442; Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1869. Т. 1. Кн. 2. С. 913-930.

⁸ См.: Р. Война и войско // Вестник Европы. 1869. Т. 4. Кн. 8. С. 759-793.

панславизма. «Р.» критиковал идею принципиального конфликта Запада и Востока, указывая на то, что у европейских держав тоже были вопросы, по которым они оставались одни против остальной Европы. Из этого рецензент делал вывод о том, что России не стоило бы начинать войну с Европой, потому что она не была, на его взгляд, обусловлена природным противостоянием Запада и Востока. К тому же, автор добавил, что панславизм не соответствовал ожиданиям самих зарубежных славян и в пример привел чехов, которым нужна была, по его мнению, самостоятельность, а не место в сфере влияния России.

В «Вестнике Европы» стали отвечать на крупные работы панславистов, а не только на какие-то их известные в обществе мнения. К тому же, автор под псевдонимом «Р.» продолжил аргументацию предыдущих статей «Вестника Европы» с вопросами о том, кому нужен панславизм и неизбежна ли война России и Европы.

В апреле 1870 г. в рамках «Внутреннего обозрения» анонимный автор выступил с критикой еще одной работы Р.А. Фадеева «О смысле Восточного вопроса». Помещение статьи в другую рубрику необычно, ведь речь шла о международном значении Восточного вопроса. Статья была направлена, прежде всего, на спор с панславистами, а не на освещение Восточного вопроса⁹. Автор обвинил Р.А. Фадеева во вредной агитации зарубежных славян, разжигавшей вражду западноевропейских держав по отношению к России. Отметим, что работы Р.А. Фадеева были переведены на немецкий и несколько славянских языков и вправду волновали зарубежных славян и западную публику. Поэтому обвинения автора статьи «Внутреннего обозрения» не выглядели беспочвенными [Чуркина 2020, с. 190].

В этой же статье автор решил ответить на определение Восточного вопроса Р.А. Фадеевым. Обозреватель указал на то, что Восточный вопрос касался не объединения славян вокруг России, а решения проблемы в отношениях Порты и турецких христиан. Критикуя решающую роль России как объединительницы и

⁹ См.: Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. Т. 2. Кн. 4. С. 808–829.

освободительницы славян, автор указал на то, что Восточный вопрос – дело не одной России, а всей европейской дипломатии.

Апрельская статья 1870 г. была явно направлена против панславистского подхода к Восточному вопросу и предлагала взгляд, близкий к официальной позиции Российской империи в связи с парижскими договоренностями 1856 г. и позиции, выраженной в более ранних статьях «Вестника Европы», за авторством Э.К. Ватсона и анонимных журналистов.

В декабре 1870 г. в рамках «Иностранного обозрения» в «Вестнике Европы» была высказана поддержка об отмене Парижского трактата¹⁰. Это продолжало тенденцию, отмеченную ранее в апрельской статье, по поддержке официальной позиции России в Восточном вопросе. К тому же, автор материала даже не стал ни с чем спорить и ничего утверждать. Возможно, это связано как раз с тем, что его устраивало официальное понимание Восточного вопроса.

В декабре 1871 г. в «Иностранном обозрении», в связи с назначением нового министра иностранных дел Австро-Венгрии Д. Андраши и разными мнениями о последствиях этого решения, было дано объяснение¹¹. Автор материала не считал, что новый министр будет вести Австро-Венгрию к конфликту с Россией из-за Восточного вопроса. Обозреватель указал также на то, что в самой Австро-Венгрии это обсуждают славяне, по поводу которых в журнале уже было сказано, что их смущают приверженцы панславизма. Видимо, ожидания конфликта не прекратились, и статья с точно таким же посылом была опубликована в следующем месяце – январе 1872 г.¹²

Тема возможного конфликта Австро-Венгрии и России по поводу Восточного вопроса вернулась на страницы журнала через несколько месяцев – в сентябре 1872 г.¹³. Автор этого материала

¹⁰ См.: Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1870. Т. 6. Кн. 12. С. 911–927.

¹¹ См.: Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1871. Т. 6. Кн. 12. С. 855–868.

¹² См.: Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1872. Т. 1. Кн. 1. С. 354–374.

¹³ См.: Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1872. Т. 5. Кн. 9. С. 395–415.

признавал, что Восточный вопрос для России и Австро-Венгрии звучит по-разному, и для последней он связан с захватническими целями на Дунае, т.е. в Румынии.

Роль России в Восточном вопросе, судя по рассмотренным материалам «Вестника Европы», была одной из самых спорных. Тем не менее, автор, даже и продолжив полемику с панславистами, заявил, что главная задача России в Восточном вопросе – опекать славян Османской империи. Это звучало по-новому, потому что ранее, с опорой на официальное понимание Восточного вопроса, в «Вестнике Европы» писали об опеке христиан или хотя бы греков и славян Османской империи. Однако на этот раз в «Вестнике Европы», можно сказать, согласились на ключевую значимость славянского элемента в Восточном вопросе. С другой стороны, автор все же выступал против открытой конфронтации России и Европы и этим показывал отличие своей позиции от позиции более воинственных приверженцев панславизма.

Более похожей на предыдущие материалы была последняя за рассматриваемый период статья о Восточном вопросе¹⁴. Анонимный автор «Иностранного обозрения» дал свое определение Восточного вопроса, вернувшись к теме Востока (т.е. Юго-Восточной Европы) без власти Порты. В его понимании, Восточный вопрос касался раздела европейской части Османской империи. В связи с этим он описал схему, в которой Сербия была названа главной наследницей, а Россия – попечительницей. Свой выбор он обосновал тем, что славяне – самая многочисленная этническая группа европейской части Османской империи, а сербская экономика – самая стабильная среди всех христианских государств Юго-Восточной Европы.

Таким образом, в октябрьской статье на первый план была выдвинута славянская часть Восточного вопроса. Европейская дипломатия даже не была упомянута в качестве решающей силы. Автор называл Россию главной силой в решении Восточного вопроса, однако, полемизируя с приверженцами панславизма, ограничивал ее роль только попечительством над другими славянскими народами.

¹⁴ См.: Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1872. Т. 5. Кн. 10. С. 838–862.

Рассмотрев восемнадцать статей «Вестника Европы» о Восточном вопросе, опубликованных в течение 1867–1872 гг., можно сделать вывод о том, определялся ли Восточный вопрос одинаково на протяжении всего изученного периода. Исходя из вышеизложенного, это было не так.

Однако можно заметить, что, несмотря на разные определения, авторы писали о Восточном вопросе, откликаясь на официальные заявления и заявления панславистов. Свою позицию авторы во многом выстраивали именно в процессе непрекращающегося спора. Кроме этого, можно указать на некоторые темы, которые авторы часто затрагивали на протяжении рассмотренных нами нескольких лет. Это тема Юго-Восточной Европы без власти Порты, тема Восточного вопроса как одного из основных в европейской дипломатии, тема роли России в Восточном вопросе и тема конфликта Запада и Востока. Можно выделить и другие варианты, но и этот перечень, несмотря на условность, помогает структурировать мысли авторов «Вестника Европы» о Восточном вопросе.

Подводя итог, стоит отметить, что единого мнения редакция и авторы журнала «Вестник Европы» о Восточном вопросе в указанный хронологический период не выработали и даже представляли противоречащие друг другу суждения, при этом постоянно полемизируя со сторонниками панславизма.

ЛИТЕРАТУРА

-
- Акопьянц 2015 – *Акопьянц А.С.* Восточный вопрос в геополитике России // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2015. XI Междунар. науч. конгр., 13–25 апреля 2015 г., Новосибирск: Междунар. науч. конф. «Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность»: сб. материалов в 2 т. Т. 2. Новосибирск: СГУГиТ, 2015. С. 44–48.
- Чуркина 2020 – *Чуркина И.В.* Россия, славянофилы и зарубежные славяне. Очерки истории. М.: Индрик, 2020. 368 с.

REFERENCES

- Akopian, A.S. (2015), “The Eastern Question in the Geopolitics of Russia”, In *Global Processes in a Regional Dimension: The Experience of History and Modernity: Proceedings of Materials of the Int. Scientific Conference in 2 Volumes. Vol. 2, Novosibirsk, Russia, April 13–25, 2015* [Interehkspo GEO-Sibir'-2015. XI Mezhdunar. nauch. kongr., 13–25 aprelya 2015 g., Novosibirsk: Mezhdunar. nauch. konf. “Global'nye protsessy v regional'nom izmerenii: opyt istorii i sovremennost'”: sb. materialov v 2 t. T. 2.], SSUGT, Novosibirsk, Russia, pp. 44–48.
- Churkina, I.V. (2020), *Rossiya, slavyanofily i zarubezhnye slavyane. Ocherki istorii* [Russia, Slavophiles and the foreign Slavs. Essays on history], Indrik, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Роман А. Петров, студент бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; romanpetrov1109@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Roman A. Petrov, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; romanpetrov1109@gmail.com

УДК 355.123.1

Проблема массовых арестов и их влияние на психологию военных специалистов Красной Армии в годы Гражданской войны

Дарья Д. Гурская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dg304@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется политика органов ВЧК в отношении бывших царских офицеров, перешедших в 1918 г. на службу в Красную Армию, а также воздействие арестных практик на душевное состояние данной части командного состава РККА. «Перегибы» в местных органах ВЧК в отношении военспецов имели место в 1918–1919 гг., когда центральная власть была еще слаба и сама не имела четкого ответа на вопрос «доверять или нет» представителям старого офицерства. Тем самым военные специалисты, неся службу в рядах Красной Армии, сталкивались не просто с подозрительностью в свой адрес, а со страхом быть репрессированными за малейшую ошибку или даже просто за профессиональную и социальную принадлежность. Автор приходит к выводу, что атмосфера страха перед завтрашним днем, недоверия и презрительного отношения к себе способствовала ухудшению психологического состояния бывших царских офицеров. В первую очередь это влияло на эмоциональную составляющую, вызывая апатию, нервные срывы, но также и на физическую, что выражалось в снижении иммунитета и как следствие росте заболеваний среди военспецов.

© Гурская Д.Д., 2025

Ключевые слова: Гражданская война, РККА, военные специалисты, психология комбатанта, ВЧК, репрессии

Для цитирования: Гурская Д.Д. Проблема массовых арестов и их влияние на психологию военных специалистов Красной Армии в годы Гражданской войны // Молодой историк. 2025. № 3. С. 132-141.

Mass arrests and their impact on the psychology
of the Red Army military specialists during the Civil War

Daria D. Gurskaya
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, dg304@yandex.ru*

Abstract. This article examines the Cheka policy against former tsarist officers who joined the Red Army in 1918. The author investigates the impact of arrest practices on the mental state of this group of Red Army commanders. The "excesses" in the local Cheka's treatment of military specialists occurred in 1918-1919, when the central government was still weak and had not yet clearly defined its stance on trusting or mistrusting members of the old officer corps. As a result, military specialists serving in the Red Army faced not only suspicion, but also the fear of being repressed for the slightest mistake or even for their professional and social background. The author concludes that the atmosphere of fear for the future, mistrust, and contempt contributed to the deterioration of the psychological state of former tsarist officers. It affected both, their emotional state, causing apathy and nervous breakdowns, and their physical condition, which was expressed in a decrease in immunity and as a result, an increase in diseases among military specialists. The combination of these factors, in turn, affected their working capacity.

Keywords: Civil War, Red Army, military specialists, combatant psychology, Cheka, repressions

For citation: Gurskaya, D.D. (2025), “Mass arrests and their impact on the psychology of the Red Army military specialists during the Civil War”, *Young Historian*, no. 3, pp. 132-141.

Вопрос о бывших царских офицерах, поступивших на службу в РККА, занимал исследователей еще во время существования СССР. Так, в советской историографии фундаментальной работой стала монография А.Г. Кавтарадзе, в которой автор впервые отошел от принципов, которые диктовала в то время отечественная историческая наука, придававшая большое значение личности В.И. Ленина и его роли в становлении новой советской государственности. Исследователь занялся изучением непосредственно службы военных специалистов в Красной Армии в годы Гражданской войны [Кавтарадзе 1988].

В современной российской историографии первым, кто занялся изучением таких тем как повседневность офицерства, обычаи и традиции этой части командного состава Русской императорской армии стал С.В. Волков [Волков 1993]. В монографии, посвященной расколу внутри офицерского корпуса после событий 1917 г., историк обратился к проблеме его трансформации за годы Первой Мировой войны, к причинам выбора офицерами той или иной стороны конфликта в Гражданской войне, о формировании офицерских корпусов в лимитрофных государствах [Волков 2001]. На данный момент виднейшим исследователем бывших царских офицеров, перешедших на службу в Красную Армию, является А.В. Ганин. Историк в многочисленных работах анализирует как мотивы перехода офицеров Русской императорской армии в РККА, так и их фронтовую повседневность, обычаи в годы Гражданской войны [Ганин 2017, 2019]. Однако исследователь не уделяет должного внимания непосредственно «человеку», психологии бывшего царского офицера, который оказался, во-первых, перед тяжелым выбором, который мог определить его судьбу; а во-вторых, те, кто все-таки принял решение связать свою жизнь с Красной Армией, были в ситуации отчужденности: офицер оказался в ряду красноармейцев, по большей части бывших рабочих и крестьян. Впервые к психологии комбатанта обратилась в конце 1990-х гг.

Е.С. Сенявская. В ее фундаментальной работе, которая заложила основы военно-исторической антропологии, рассматривается внутренний мир отечественного военнослужащего с русско-японской по Афганскую войны. Однако события Гражданской войны опущены в монографии вовсе [Сенявская 1999]. Проблема репрессий в годы Гражданской войны в отношении военных специалистов РККА частично была раскрыта А.В. Ганиным, однако без акцента на влиянии данных практик на психологию старого офицерства [Ганин 2017, с. 461–490]. Следовательно, исследование позволит выявить особенности психологического состояния бывших царских офицеров, на которое влияли кроме фронтовой повседневности и преследования со стороны карательных органов РСФСР.

Вскоре после создания «новой социалистической армии» и начала крупномасштабных боевых действий Гражданской войны перед властями Советской России встал вопрос о необходимости привлечения старого офицерства Русской императорской армии к делу военного строительства и организации Вооруженных войск Советской России. Во второй половине 1918 г. начался призыв военных специалистов в ряды Красной Армии, который, однако, был воспринят неоднозначно: «военная оппозиция», выступившая с обвинениями в адрес бывших царских офицеров на IX съезде РКП(б) в 1919 г., осудила их как «классовых врагов» и призвала к ликвидации данного института внутри РККА¹. Данные настроения господствовали не только в «верхах» партии, но и в среде обычных рядовых служащих Красной Армии, а также работников местных Чрезвычайных комиссий, контролирующей деятельность военспецов.

Вследствие данного очевидно негативного настроения большей части служащих и представителей власти к бывшим царским офицерам, а также измен, которые стали иметь место в среде военспецов в 1918 г., их стали подозревать априори в антисоветской деятельности и желании развалить армию изнутри². Именно в 1918 г. был отмечен пик репрессий в отношении военных специалистов. Сетования на данную тенденцию (быть

¹ РГАСПИ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 6. Л. 5; РГАСПИ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1. Лл. 35, 45.

² РГАСПИ. Ф. 41. Оп. 2. Д. 1. Л. 63

арестованным зачастую за обыкновенную принадлежность к старому офицерству-прим.), а как следствие на ухудшение эмоционального и физического состояний нашли отражение в письмах, дневниках, телеграммах, направляемых военспецами представителям высшего военного командования. Старое офицерство, оказавшееся в столь тяжелой ситуации тотального недоверия и презрения, пыталось найти поддержку и защиту.

Так в письме генштабиста Л.К. Александрова, которое было направлено М.Д. Бонч-Бруевичу, бывшего в то время военным руководителем Высшего военного совета, отмечается, что большое число арестов, которые, со слов военспеца, необъяснимы и не имеют под собой никаких оснований, его «терроризировало» и лишило сил для продолжения службы³. «Я потерял под ногами всякую почву», – такой фразой заканчивает Александров свое послание Бонч-Бруевичу⁴.

Проблема репрессий, применяемых в отношении старого офицерства, находит подтверждение и в рассказе А.Х. Андерсона, инспектора пехота при Полевом штабе РВСР. В 1919 г. он был подвержен аресту на два дня и, главное, без какого-либо ордера. Со слов Андерсона, он приехал с места службы в Москву, чтобы отдать свое пальто в ателье, однако сразу по прибытии на Курский вокзал был арестован агентами Московской чрезвычайной комиссии⁵. Не получив объяснений ареста, офицер был посажен в машину и поставлен перед фактом, что его доставят в Чрезвычайную комиссию на Лубянку. Андерсон не понял, что происходит, и сослался на необходимость срочно вернуться на вокзал, однако получил отказ. Тогда инспектор пехоты поинтересовался, не арестовывают ли его, на что получил положительную реакцию от агентов⁶. В ответ на это военспец предложил показать документы, подтверждающие занимаемую им должность, дабы доказать свою невиновность, на что агент МЧК сказал «там, разберут»⁷. Эту ситуацию А.Х. Андерсон вспоминал еще ни раз в своих мемуарах,

³ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 53. Л. 142.

⁴ Там же. Л. 142об.

⁵ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 141.

⁶ Там же. Л. 141об.

⁷ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 141об.

что свидетельствует о том эмоциональном потрясении, которое он пережил в момент ареста.

В фонде Штаба высшего военного совета сохранилось письмо, по своей краткости напоминающее более записку, датированное также 1918 г. Военспец (возможно, Серимов – прим.) обращается к генштабисту Н.И. Раттэлю, занимающему в 1918 г. ряд высоких должностей в РККА, с просьбой сохранить былое доверие к нему, так как обвинения, которые ему были предъявлены, ложны, и он к ним непричастен⁸. Также автор жалуется на свое душевное состояние: несправедливый арест вызвал у него эмоциональное истощение⁹.

А.Д. Шеманский в 1918 г. обращается напрямую к заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянскому с просьбой об освобождении из-под заключения и снятие обвинений, предъявляемых ему. Причем, как отмечает автор, арест длится уже месяц, а поводов для репрессий в его адрес он не подавал¹⁰. В данном случае интересен тот факт, что Шеманский и Склянский, видимо, были лично знакомы – военспец ссылается сначала на комиссара Управления Генерального штаба, который готов за него поручиться, а потом подчеркивает, что сам Склянский направил его некоему Фемееву, во время службы у которого, как видно из текста письма, Шеманский и был арестован¹¹.

В этом же году в послании, направленном руководителю Полевого штаба РВСР С.И. Аралову и председателю РВСР А.Д. Троцкому об аресте В.В. Трофимова, также бывшего царского офицера, доказывается необоснованность вынесенного ему обвинительного приговора, так как прямые свидетельства его виновности отсутствуют¹². Буквально через пару недель после разбирательства Трофимова освободили. Также 1918 г. датирована телеграмма военного специалиста А.Н. Ковалевского. В письме он акцентирует внимание на своей верности Советской России и

⁸ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 156.

⁹ РГВА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 115. Л. 156.

¹⁰ РГВА. Ф. 1. Оп. 3. Д. 66. Л. 88об.

¹¹ Там же.

¹² РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 99.

ложности обвинений, которые ему приписываются. Преданность советской власти Ковалевский доказывает через поступки: во-первых, он участвовал в подавлении антибольшевистского мятежа казаков, а во-вторых, перевез свою семью из Украины на территорию РСФСР, тем самым как бы доверив ее большевикам. Таким образом, он «прочно связал свою судьбу с Советской России, которой изменить уже по одному этому не в состоянии»¹³. Совокупность этих фактов для бывшего царского офицера выступает показателем абсолютной верности новому социалистическому режиму. Это письмо, как видно из контекста и приведенной цитаты, отличается особой эмоциональностью, автор всеми силами старается доказать ложность обвинений. Однако А.Н. Ковалевского вскоре после отправки этого письма расстреляли.

Особого внимания в рассматриваемой теме заслуживает телеграмма, которая была направлена военному руководству от бывшего царского офицера, непосредственно находящегося в заключении. Это послание пропитано не просто апатией, а настоящей душевной болью, отчаянием, бессилием перед грозной силой режима. Таким предстает письмо военного специалиста С.М. Языкова. Будучи заключенным в Бутырскую тюрьму у Языкова умер брат Николай. В обращении к Я.Х. Петерсу, заместителю председателя ВЧК, военный специалист умоляет его отпустить на день, чтобы похоронить брата¹⁴. К тому же он отмечает, что место уже выделено на Волковском кладбище и похороны никто, кроме него, организовать не сможет, так как других родственников нет¹⁵. Однако на эту просьбу Языков получил отказ. В дальнейшем судьба бывшего царского офицера была связана уже не с РККА: в 1919 г. он смог бежать и перейти на службу к А.И. Деникину [Ганин 2017, с. 469]. Данная ситуация демонстрирует, что необоснованные репрессии среди военспецов не вели к сокращению измен, к которым апеллировали сторонники отстранения офицеров из Красной Армии, а наоборот,

¹³ РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 910. Л. 17.

¹⁴ РГВА. Ф. 6. Оп. 10. Д. 11. Л. 129.

¹⁵ Там же.

способствовали переходу военных специалистов в антибольшевистский лагерь.

Таким образом, на основании приведенных писем можно сделать вывод о том, что массовые аресты имели реальный характер. Они затрагивали бывших царских офицеров – как занимающих рядовые должности в армиях, так и военное руководство, например, представителей Полевого штаба РВСР. Об этом же говорит и статистика: только за сентябрь 1918 г. в Петрограде без обвинений было арестовано 12 военных специалистов¹⁶. Эти цифры только по одному городу за один месяц! Однако тут же встает вопрос: знала ли высшая власть о «перегибах» на местах?

Ответ на данный вопрос можно найти, обратившись к двум документам, находящимся на хранении в РГАСПИ и РГВА. Первый – доклад главнокомандующего всеми Вооружёнными Силами РСФСР И.И. Вацетиса лидеру партии большевиков и председателю СНК РСФСР В.И. Ленину. В этом документе сообщалось однако не сколько о проблеме репрессий по отношению к военспецам, столько о подозрительности к бывшим царским офицерам в целом: как в рядах красноармейцев, так и в целом партии¹⁷. Однако этот факт вызывал, по словам автора, рост заболеваемости среди старого офицерства, что сказывалось на работе в армии¹⁸. Второй же источник имеет к освещаемой проблеме прямое отношение. В приказе Президиума ВЧК всем Чрезвычайным комиссиям от 1919 г. за авторством лично главы ВЧК при СНК РСФСР Ф.Э. Дзержинского и председателя Всеукраинской ЧК М.И. Лациса был установлен факт арестов военных специалистов по причине того, что «он бывший дворянин», но эта практика составителями документа была признана пагубной и неблагоразумной¹⁹. В тексте документа местным ЧК было указано прибегать к репрессиям только в случае выявления намеренно антибольшевистской деятельности на занимаемых старыми офицерами постах. Тут же Дзержинским и

¹⁶ РГВА. Ф. 11. Оп. 5. Д. 998. Л. 33.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 109. Д. 41. Л. 6об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 267.

Лаписом подчеркивался тезис о том, что бывший царский офицер, исправно исполняющий свой долг, будет намного полезнее Советской России на полях Гражданской войны, нежели военспец, помещенный под заключение²⁰.

Подводя итоги, репрессии в отношении военных специалистов Красной Армии в годы Гражданской войны имели массовый характер в 1918–1919 гг., далее отмечен спад арестных практик. Советское руководство знало о существующей проблеме, но долгое время не могло повлиять на ситуацию. Можно сделать предположение, что приказ ВЧК всем Чрезвычайным комиссиям от 1919 г. смог все же пресечь эту тенденцию и вскоре свести необоснованные репрессии в отношении военспецов вовсе на «нет». Однако за эти два года, когда представителей старого офицерства считали «классовыми врагами» и подвергали арестам только из-за их профессиональной принадлежности, психологическое состояние военных специалистов было значительно подорвано. В первую очередь это отражалось на эмоциональной составляющей: неуверенность в завтрашнем дне, незащищенность от произвола местных органов ЧК способствовали развитию эмоциональных истощений, апатий, возникновению нервных срывов среди бывших царских офицеров. Страдало и физическое состояние: отмечен рост заболеваемости у рассматриваемой части командного состава РККА.

ЛИТЕРАТУРА

- Волков 1993 – *Волков С.В.* Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. 367 с.
- Волков 2001 – *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2001. 507 с.
- Ганин 2017 – *Ганин А.В.* Повседневная жизнь генштабистов при Ленине и Троцком. М.: Кучково поле, 2017. 680 с.
- Ганин 2019 – *Ганин А.В.* Русский офицерский корпус в годы Гражданской войны. Противостояние командных кадров. 1917–1922 гг. М: Центрполиграф, 2019. 318 с.

²⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. 2. Д. 89. Л. 267.

- Кавтарадзе 1988 – *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов, 1917-1920 гг. / Отв. ред. В.И. Петров; АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1988. 276 с.
- Сенявская 1999 – *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 382 с.

REFERENCES

- Ganin, A.V. (2017), *Povednevnyaya zhizn' genshtabistov pri Lenine i Trotskom* [The daily life of General Staff officers under Lenin and Trotsky], Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Ganin, A.V. (2019), *Russkii ofiterskii korpus v gody Grazhdanskoii voiny. Protivostoyanie komandnykh kadrov. 1917–1922 gg.* [The Russian officer corps during the Civil War. Confrontation between command cadres. 1917–1922], Tsentropoligraf, Moscow, Russia.
- Kavtaradze, A.G. (1988), *Voennye spetsialisty na sluzhbe Respubliki Sovetov, 1917–1920 gg.* [Military specialists in the service of the Republic of Soviets, 1917–1920], Nauka, Moscow, Russia.
- Senyavskaya, E.S. (1999), *Psikhologiya voiny v XX veke: istoricheskii opyt Rossii* [The Psychology of War in the Twentieth Century: Russia's Historical Experience], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Volkov, S.V. (1993), *Russkii ofiterskii korpus* [Russian officer corps], Voenizdat, Moscow, Russia.
- Volkov, S.V. (2001), *Tragediya russkogo ofitserstva* [The tragedy of the Russian officer corps], Tsentropoligraf, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья Д. Гурская, студентка бакалавриата, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., 6; dg304@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daria D. Gurskaya, bachelor student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; dg304@yandex.ru

Дискуссии о теоретических аспектах военной доктрины
РККА по материалам военного совещания
при XI съезде РКП (б)

Тимофей В. Картавых

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, tkartavykh1238@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена обсуждению военной доктрины Красной армии в первой половине 1920-х гг. После победы в Гражданской войне остро встал вопрос о дальнейшем пути развития вооруженных сил пролетарского государства. Идея мировой революции предполагала распространение коммунизма по всему миру. Однако наступление Красной армии было остановлено под Варшавой, а революционные силы Европы потерпели поражение. Молодая Страна Советов была вынуждена занять оборонительную позицию. Тем не менее среди военно-политического руководства оставалось немало сторонников наступления. Военное совещание при XI съезде РКП (б) стало площадкой для дискуссий между М.В. Фрунзе, сформулировавшим идею наступательной «единой военной доктрины» и Л.Д. Троцким, который придерживался позиции обороны. Были поставлены вопросы о применимости марксизма в военной науке и необходимости формирования доктрины как таковой. М.В. Фрунзе и Л.Д. Троцкий использовали принципиально разные подходы к формированию стратегических концепций. Это, в свою очередь определяло разногласия во взглядах на пути будущего развития Красной армии. Автор приходит к выводу о значительном влиянии способа построения военной доктрины, на формирование основных принципов военной науки в СССР.

Ключевые слова: Красная армия, РККА, военная стратегия, XI съезд РКП (б), М.В. Фрунзе, М.Н. Тухачевский, Л.Д. Троцкий

Для цитирования: Картавых Т.В. Дискуссии о теоретических аспектах военной доктрины РККА по материалам военного совещания при XI съезде РКП (б) // Молодой историк. 2025. № 3. С. 142-157.

Discussions on the theoretical aspects of the military doctrine
of the Red Army following the military meeting
at the 11th Congress of the Russian Communist Party (B)

Timofey V. Kartavykh
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, tkartavykh1238@mail.ru*

Abstract. This article is dedicated to the discussion of the military doctrine of the Red Army in the first half of the 1920s. After the victory in the Civil War, especially sharply there was a question of further developing the Soviet armed forces. The idea of the world revolution suggested spreading communism around the world. However, the Red Army's advance on Warsaw was stopped, and the revolutionary forces in Europe were defeated. The young Soviet country was forced to take a defensive position. Nevertheless, there were still many supporters of the offensive actions among the army and political leaders. The military meeting at the 11th Congress of the Russian Communist Party (B) became a platform for discussions between M.V. Frunze, who formulated the idea of an offensive "unified military doctrine" and L.D. Trotsky, who adhered to the position of strategic defense. Questions of the applicability of Marxism in military science were raised and doubts whether to develop the doctrine as such were expressed. M.V. Frunze and L.D. Trotsky used fundamentally different approaches how to formulate strategic concepts. This, in its turn, determined the differences in views on the future development of the Red Army. The author concludes that the method of constructing military doctrine had a significant impact on the formation of the basic principles of military science in the USSR.

Keywords: Red Army, military strategy, XI Congress of the Russian Communist Party (b), M.V. Frunze, M.N. Tukhachevsky, L.D. Trotsky

For citation: Kartavykh, T.V. (2025), “Discussions on the theoretical aspects of the military doctrine of the Red Army following the military meeting at the 11th Congress of the Russian Communist Party (B)”, *Young Historian*, no. 3, pp. 142-157.

Четкого видения облика будущей Красной армии в начале 1920-х гг. у военно-политического руководства СССР не было. Дискуссии о военном строительстве развернулись на всех уровнях военной теории – от стратегического до тактического. В рамках этих дискуссий сталкивались различные группы военных теоретиков, занимавших порой противоположные позиции по тем или иным вопросам.

Вопросы обороноспособности страны всегда имели и имеют особую важность. В связи с этим интерес к развитию РККА не угасает уже многие годы. В советский период исследователи сходились в высоких оценках отечественного военного искусства и достижений Красной армии. Тем не менее, в работах, написанных после XX съезда отмечалась слабость теоретической и практической подготовки в области обороны [Скоробогаткин 1968; Тюшкевич 1978]. Историки объясняли это особенностями кадровой политики И.В. Сталина. Во второй половине 1980-х – 1990-х гг. оценки изменились на более сдержанные. Все больше внимания уделялось ошибкам и упущенным возможностям [Кокошин 1995]. Причины неудач были теми же – репрессии в отношении наиболее талантливых военных и назначение на их места лояльных, но менее способных специалистов.

В современной историографии сохраняется сдержанно-положительная оценка общего развития РККА. Исследователи отмечают передовые наработки в области оперативного искусства и наступательных операций. Теория глубокого боя и глубокой операции считается одной из передовых в 1920–1930-е гг. Вместе с тем в вопросе обороны, особенно стратегической, советская военная теория имела ряд недоработок [Золотарев 2000]. Относительно «единой военной доктрины» исследователи

высказывают полярные мнения. Существуют как работы, в которых утверждается, что наступательная доктрина М.В. Фрунзе негативно повлияла на гибкость советской стратегии [Пасечник 2016], [Мошкин 2021], так и те, в которых подчёркивается её роль в создании массовой моторизированной и механизированной армии. [Олейников 2009], [Микляев 2018].

Место военной доктрины в развитии РККА было одним из важнейших. Вокруг этой проблемы разгорались споры. Первый импульс дискуссий о военной доктрине Красной Армии дал А.А. Свечин, представивший доклад «Военная доктрина», который был опубликован во втором номере журнала «Военное дело» за 1920 г. [Кокошин 1995, с. 35]. Автор отметил, что в области военной мысли царила интеллектуальная анархия. По мнению А.А. Свечина, военная мысль должна развернуться от чисто умозрительных спекуляций в сторону построения практико-ориентированной системы взглядов¹.

Полярные мнения относительно «единой военной доктрины» высказали М.В. Фрунзе² и Л.Д. Троцкий³. В общих чертах полемика сводится к вопросу о том, нужна ли Красной Армии «единая военная доктрина» и доктрина как таковая. М.В. Фрунзе утверждал, что в условиях современной войны любому государству жизненно необходима единая доктрина, т. е. четкий и определенный комплекс мер, который будет выполняться государственной машиной при подготовке и ведении войны. Он последовательно выступал за выработку пролетарской научной теории войны⁴. Л.Д. Троцкий, напротив, считал «мнимо-военное доктринёрство» пустым и бесполезным пережитком старого режима. Его позиция была ответом на «причитания о пользе доктрины». Оба оппонента критиковали старых военных

¹ Свечин А.А. Основы военной доктрины // Военное дело. 1920. № 2. С. 38–41.

² Фрунзе М.В. Единая военная доктрина и Красная армия // «Красная Новь». № 1. 1921. С. 94–106. Сайт «Милитера» («Военная литература»). URL: <http://militera.lib.ru/science/frunze1/01.html> (дата обращения: 27.05.2022.).

³ Троцкий Л.Д. Военная доктрина, или Мнимо-военное доктринёрство. Петроград, 1922. 52 с.

⁴ Десятый съезд РКП(б). 8 марта – 16 марта 1921 г. М., 1933. С. 681.

специалистов, но по разным пунктам. Л.Д. Троцкий – за доктринёрство, а М.В. Фрунзе – за его отсутствие.

На следующем XI съезде РКП(б) вопрос о «единой военной доктрине» был поднят вновь. Основным полем для дебатов по этому вопросу стало военное совещание при XI съезде РКП(б) весной 1922 г. На нем поочередно с изложением своих позиций выступили Троцкий и Фрунзе. Позицию Фрунзе поддержали М.Н. Тухачевский (с некоторыми оговорками), С.М. Буденный, К.Е. Ворошилов. И вновь нарком по военным делам обрушился с критикой на сторонников внедрения марксизма в армию. Несмотря на то, что К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли войне в исследованиях значительное внимание, их в большей степени интересовали социально-политические и экономические вопросы [Микляев 2018, с. 211]. Л.Д. Троцкий критиковал саму идею наличия военной доктрины. С его точки зрения, военная наука не является наукой в буквальном смысле слова – с законами и аксиомами, а является искусством – т. е. набором определённых навыков и умений, применяемых по необходимости. Л.Д. Троцкий считал, что армия должна действовать не исходя из некой догматичной идеи, а по ситуации, учитывая по возможности всевозможные факторы. Идеологическое обоснование военных приемов, по его мнению, является полной бессмыслицей, т.к. реальные условия никак не зависят от политических учений⁵. В целом разногласия между сторонами сводились к следующим пунктам:

1. Методологический вопрос. Он включал в себя положения о сущности военной науки и военной доктрины, о возможности и целесообразности внедрения марксизма в военную науку;
2. Военно-технический вопрос. Включал в себя варианты будущего развития РККА, концепции строительства вооружённых сил.

⁵ Основная военная задача момента. Дискуссия на тему о единой военной доктрине. Доклады т.т. Троцкого, Фрунзе и прения по ним. Стенографический отчет 2-го дня совещания военных делегатов XI-го Съезда Р. К. П. 1-го апреля 1922 г. М., 1922. URL: <http://www.rkka.ru/analys/doktrin/main.htm> (дата обращения: 18.01.2025).

Как для этой, так и для практически всех последующих дискуссий неотъемлемым оставался фактор коммунистической идеологии. Степень ее влияния на военную науку, а также необходимость ее применения различные военные теоретики оценивали по-разному.

Советская военная теория исходила из того, что знание о происхождении войн, их характере и типах, законах и закономерностях ходе и исходе военных конфликтов диктует марксистско-ленинское учение [Павлушенко 2024, с. 91]. Марксизм в военной науке по М.В. Фрунзе – скорее идеологический, чем научно-методологический фактор. Л.Д. Троцкий вполне справедливо указывал, что элементы, присущие «пролетарской военной доктрине», существовали и существуют и в феодальных, и в буржуазных армиях⁶.

По иронии Л.Д. Троцкому удалось более удачно обозначить и сформулировать пролетарский характер РККА. С его точки зрения, ключевым фактором является не тактика, применяемая войсками, а цель, которая ставится перед вооружёнными силами⁷. Л.Д. Троцкий был очень едок в отношении критики своих оппонентов, в особенности, если дело касалось «корявых» формулировок. Прошелся он даже по маршалу Фердинанду Фошу: «Какие банальности и бессодержательности понимаются под основными принципами военного искусства, видно из торжественно цитируемых слов Фоша о том, что сущность современной войны заключается в том, чтобы, “найдя неприятельские армии, – уничтожить их, приняв для этого направление и тактику, приводящие к цели возможно скорее и вернее”. Чрезвычайно содержательно! Необыкновенно расширяет наш горизонт! В дополнение к этому остается лишь сказать, что сущность современных методов питания состоит в том, чтобы найти дырку рта, внести туда пищу и, разжевав ее с возможно меньшей затратой энергии, проглотить»⁸.

Марксизм, в понимании Л.Д. Троцкого, был применим к военной науке в той степени, в какой война являлась продолжением

⁶ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 13–14.

⁷ Там же. С. 9–10.

⁸ Там же. С. 17.

политики. И если притягивать политическое учение к решению сугубо военных вопросов, по его мнению, было бессмысленно, то вопрос о природе военной доктрины и ее необходимости был не столь однозначен. С точки зрения Л.Д. Троцкого, наличие военной доктрины, ее устойчивость и относительная неизменность на протяжении десятилетий или даже веков обуславливается постоянством условий, в которых эта доктрина формируется⁹.

Например, Англия, по мнению Л.Д. Троцкого, обладала наиболее устойчивой стратегией в силу стабильного положения на мировой арене и политики «блестящей изоляции». Но тем не менее со вступлением в Антанту, а затем и участием в Первой мировой войне, британцы были вынуждены пересматривать свой подход к вооруженным силам. Таким образом, в начале XX в. из-за глобальных политических изменений и стремительного развития техники доктрина, как устойчивая программа действий, неизбежно становится пережитком прошлого.

Л.Д. Троцкий допускал возможность того, что при стабилизации политического климата национальные доктрины вновь могли появиться, но это означало бы конец революционной эпохи¹⁰. Такая позиция, по сути, не противоречит позиции М.В. Фрунзе. С его точки зрения, военная доктрина государства также определяется особенностями экономического, внутри- и внешнеполитического положения¹¹. Однако, в отличие от Л.Д. Троцкого, М.В. Фрунзе считал возможным и необходимым формирование и использование военной доктрины, даже несмотря на стремительно меняющуюся мировую обстановку¹².

При всем этом Л.Д. Троцкий – отнюдь не сторонник анархии и партизанщины в вооруженных силах. По его мнению, единство взглядов в выстраивании вооруженных сил необходимо. Это единство взглядов даже можно называть «военной

⁹ Там же. С. 18.

¹⁰ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 16.

¹¹ Фрунзе М.В. Указ. соч. С. 94–106. Сайт «Милитера» («Военная литература») URL: <http://militera.lib.ru/science/frunze1/01.html> (дата обращения: 27.05.2022.).

¹² Там же.

доктриной», в самом термине нет ничего критичного¹³. Проблему Л.Д. Троцкий видит в наполнении и применении данного термина. Главными ошибками сторонников «военной доктрины» стали утверждения, что общего понимания роли Красной армии у советского руководства нет, и что предлагаемая «пролетарская доктрина» принципиально новая и несёт в себе глубоко классовую марксистскую природу¹⁴. Л.Д. Троцкий утверждал, что цели и задачи будущей Красной армии были сформулированы ещё до начала Гражданской войны¹⁵.

Таким образом, относительно определения сущности военной доктрины стороны пришли к относительному консенсусу, обозначив, что доктрина – это комплекс устойчивых военно-политических идей и связанных с ней стратегических директив. Дискуссия развернулась вокруг формулировок и попыток внедрения марксизма непосредственно в военную науку, объяснения военных вопросов с идеологической стороны. М.В. Фрунзе и его сторонники, по мнению Л.Д. Троцкого, находились в плену у буржуазной идеологии. Они стремились дать новые ответы на вопросы «как воевать» и «зачем воевать». Однако эти вопросы уже были решены, т.к. коммунистическая идеология уже декларировала свои цели, а РККА уже была организована по единому образцу¹⁶. Сторонники «единой военной доктрины» признавали наличие «неточностей, неясностей, недоговорок» в их интеллектуальных построениях¹⁷. Концептуально новая «единая военная доктрина» М.В. Фрунзе была попыткой заново сформировать и обосновать то, что уже было сделано. Противники «единой военной доктрины» не призывали к отказу от единства взглядов. Л.Д. Троцкий лишь призывал не изобретать то, что уже изобретено и не подводить идеологическое обоснование туда, где оно по определению не нужно.

¹³ Троцкий Л.Д. Указ. соч. 1922. С. 19–20.

¹⁴ Фрунзе М.В. Указ. соч. С. 94–106. Сайт «Милитера» («Военная литература») URL: <http://militera.lib.ru/science/frunze1/01.html> (дата обращения: 27.05.2022.).

¹⁵ Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 23.

¹⁶ Основная военная задача... URL: <http://www.rkka.ru/analys/doktrin/main.htm> (дата обращения: 18.01.2025).

¹⁷ Там же.

Ещё одним из значимых вопросов на повестке дня был вопрос о формах реализации «единой военной доктрины». Ещё в 1921 г. М.В. Фрунзе утверждал, что особая «пролетарская доктрина» неразрывно связана с наступлением. Если по вопросу необходимости наличия общепринятой концепции у руководства вооружёнными силами разногласий не было, то относительно непосредственного содержания этой концепции разгорелись ожесточённые споры. Столкнулись в отношении наступательной и оборонительной стратегии. Сторонники первого подхода опирались на опыт Парижской коммуны и интерпретацию К. Маркса. Вслед за основоположником марксизма М.В. Фрунзе полагал, что поражение коммунаров было обусловлено тем, что у руководства Парижской коммуны не хватило политической и военной решительности на наступление. Город, даже укреплённый со всех сторон, не был способен держать долговременную оборону, т.к. неизбежно испытывал нехватку продовольствия и резервов¹⁸. Таким образом, любой очаг пролетарской революции должен активно расширяться, ставить своей целью исключительно наступление, захват ресурсов, средств производства и т.д.

Их оппоненты рассматривали Республику Советов как на осаждённую крепость. РККА, выполнявшая согласно такой позиции роль гарнизона, должна быть подготовлена как к обороне, так и к «вылазкам». Ключевым фактором в формировании подобной позиции являлась политическая обстановка на мировой арене. Европейские пролетарские революции потерпели крах. Страна находится в международной изоляции, а экономическая ситуация оставляет желать лучшего. В таких условиях у Красной армии нет ни физической ни технической возможности вести хоть сколько-нибудь масштабные наступательные действия. Несмотря на то, что Л.Д. Троцкий до конца своей жизни продолжал отстаивать идею «перманентной революции», в этот период он занял сторону позиционного оборончества [Пасечник 2016 с. 359].

Сторонниками наступательной стратегии на XI съезде РКП(б) не раз высказывалась мысль о невозможности ведения позиционной войны в условиях нестабильного тыла. По мнению

¹⁸ Там же.

К.Е. Ворошилова и М.В. Фрунзе, революционные брожения в тылу предполагаемого противника не позволят ему осуществлять долговременные позиционные бои. В такой позиции отчетливо прослеживается эхо конца Первой мировой войны и революционных восстаний в Германии, Венгрии, Финляндии. Расчет на поддержку зарубежного пролетариата впоследствии станет одним из главных аргументов в пользу наступления. Именно в этот период формируется идея о том, что наступление Красной армии будет неизбежно поддержано восставшими рабочими.

Л.Д. Троцкий был ярким противником «формализма» и «методизма» в действиях. В этом вопросе он никак не мог сойтись во взглядах с М.В. Фрунзе, который во многом опирался на опыт предыдущих войн. Л.Д. Троцкий в спорах выступает скорее как политик. По выражению Я.С. Ярова, Л.Д. Троцкий механически переносил формы политической полемики на военную почву. Политический термин заменялся военным, но код и приемы полемического упражнения оставались прежними [Яров 1998 с. 321–322]. М.В. Фрунзе был куда менее гибок и тем более заметно менее опытен в деле публичной полемики. Он был вынужден находиться в позиции обороняющегося, отказывался от неудачных формулировок, по сути, сводя на нет идеологическое обоснование своей доктрины. Тем не менее в главном, а именно в вопросе необходимости решительных наступательных действий М.В. Фрунзе оставался тверд.

Положительный опыт активных маневров и наступательных действий для М.В. Фрунзе и его сторонников был не только теоретическим, но и, как представляется, моральным фактором. Часто высказывались предположения, что будущие войны будут походять скорее на Гражданскую войну, чем на Первую мировую¹⁹. Успех действий красных командармов вселял, пусть и не всегда обоснованную, уверенность в правильности действий. Однако, помимо этого, Гражданская война действительно дала во многом уникальный для европейского театра боевых действий материал для анализа. В противоположность Л.Д. Троцкому, указывавшему на заведомую невозможность применения уроков Гражданской

¹⁹ Основная военная задача... URL: <http://www.rkka.ru/analys/doktrin/main.htm> (дата обращения: 18.01.2025).

войны в будущих европейских конфликтах, сторонники наступления призывали к активному изучению опыта подвижных боевых действий [Олейников 2009, с. 259]. Таким образом, М.В. Фрунзе отстаивает идею не наступления ради наступления, хотя попытки идеологически обосновать его позицию могут сбить с толку. Наступление в доктрине Фрунзе – это способ решить исход войны в свою пользу, не дожидаясь удобного момента, а активно перехватывая инициативу, используя преимущества в скоординированности действий.

В 1922 г. практически всем было очевидно, что у Страны Советов и Красной армии не хватит сил и ресурсов на ведение наступательной войны²⁰. После поражения революционных движений в европейских странах в интересах Советского государства было установление мирных отношений с капиталистическими странами, даже ценой некоторых уступок²¹. Для Л.Д. Троцкого основным фактором являлась текущая задача. На начало 1920-х гг. таковой являлась защита завоеваний революции. Таким образом, оборонительная стратегия, по его мнению, являлась единственной стратегией, отвечающей интересам советского народа и Советского государства²². В политическом и военном смысле было необходимо обеспечить сохранность бастиона коммунизма, с минимальными потерями и наиболее эффективно подготовиться к следующей революционной волне. Чутко следить за изменениями на политической арене и подстраиваться под них. Так, Л.Д. Троцкий вновь выступает скорее в роли политика, для которого гибкость и умение подстраиваться под ситуацию более важно. Для М.В. Фрунзе и его сторонников – командиров, прошедших Гражданскую войну и победивших в ней, реальный опыт был заметно более значим.

В сущности, различие позиций Л.Д. Троцкого и М.В. Фрунзе заключалось в разнице методов. Л.Д. Троцкий шёл от частных вопросов к общим. Декларируя ключевую значимость

²⁰ Основная военная задача... URL:

<http://www.rkka.ru/analys/doktrin/main.htm> (дата обращения: 18.01.2025).

²¹ Там же.

²² Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 23.

проблем быта и тактики, он предлагал формировать глобальную цель развития вооруженных сил как сумму малых, насущных задач. В то же время М.В. Фрунзе двигался от общего к частному. С его точки зрения, военно-политическое руководство должно формировать и формулировать цели, которые необходимо решить, а вооруженные силы необходимо развивать исходя из уже поставленных задач. Принцип «оборончества» заключается в выражении: «делаем то, что можем делать». Он предполагает, во-первых, решение насущных задач на низовом уровне. Во-вторых, пассивность стратегии, отказ от решительных действий. Наиболее предпочтительной считается тактика, позволяющая добиться выгодного соотношения потерь и затраченных ресурсов. Оппоненты «оборонцев», противников «единой военной доктрины» придерживались иного принципа – «делаем то, что нужно делать». Таким образом, с их точки зрения, необходимо для начала сформулировать цель, и исходя из этой цели ставить конкретные задачи.

Л.Д. Троцкий в некотором роде оказывается в русле европейского стратегического нигилизма. Он и его сторонники отрицают возможность глобального стратегического планирования. Пропоненты «оборончества» стремились к наиболее оптимальным действиям исходя из текущих условий²³. Такая стратегия требует гибкости. Неизбежная косность верховного командования не позволит своевременно и адекватно реагировать на быстро меняющуюся обстановку. При таком подходе «единая военная доктрина» не только вредна, но и слабо реализуема. Л.Д. Троцкий, стремясь максимально подстроиться к текущей ситуации, неизбежно встает в позицию обороняющегося. Оборонительная позиция удобна, потому что против более сильного противника это наиболее разумная стратегия: практически невозможно будет добиться достаточного для наступления превосходства в силах, а против более слабого противника она позволит пользоваться преимуществом и накапливать силы для удара, не опасаясь наступления. В то же время такая аккуратная стратегия неизбежно ведёт к потере инициативы.

²³ Основная военная задача... URL:

<http://www.rkka.ru/analys/doktrin/main.htm> (дата обращения: 18.01.2025).

Л.Д. Троцкий не раз указывал на необходимость выждать подходящий момент для активных действий²⁴.

Стоит отметить, что в данном случае ключевым фактором является именно подход к построению военной стратегии. «Единая военная доктрина» – это не самоцель, несмотря на упрёки Л.Д. Троцкого, а средство, которое для «партии обороны» было ненужным и даже вредным, а для партии наступления – полезным и даже необходимым. Более того, и оборона, и наступление не были самоцелью ни для одной из сторон. Л.Д. Троцкий и те, кто был так или иначе солидарен с его позицией, отнюдь не отрицали необходимость и возможность наступления. Однако они указывали на то, что проводить его нужно в наиболее выгодный момент. Тогда как Фрунзе и «военные марксисты» не отказывались от обороны как тактического приёма. Тем не менее глобальной целью они видели расширение границ пролетарской революции, чего можно было добиться только стратегическим наступлением.

Едва ли можно говорить об исключительно военной составляющей дискуссии о военной доктрине. Политизация всех сфер общественной жизни не могла не затронуть вооруженные силы. В дальнейшем, успех и карьерный рост командиров РККА зачастую определялся не практическими умениями или теоретической подкованностью, а лояльностью и приверженностью генеральной линии партии.

Л.Д. Троцкий, проиграв партийную борьбу, начал терять влияние, а вместе с ним и посты. 14 января 1924 г. ЦК РКП(б) образует специальную комиссию для оценки состояния Красной Армии. Председателем комиссии был назначен М.В. Фрунзе. Пленум ЦК, на котором М.В. Фрунзе доложил об итогах работы комиссии, признал нецелесообразным дальнейшее пребывание Л.Д. Троцкого в Революционном военном совете СССР, чем предопределил снятие его с постов наркомвоенмора и председателя РВС СССР постановлением Президиума ЦИК СССР от 26 января 1925 г. На оба освободившихся поста был назначен М.В. Фрунзе, а К.Е. Ворошилов – тоже сторонник «пролетарской военной доктрины» – его заместителем [Мошкин 2012, с. 93–95].

²⁴ Там же.

Одновременно в армии развернулось широкомасштабное обновление командных кадров. Л.Д. Троцкий, потерпев политическое поражение, лишился возможности существенно влиять на военный вопрос. За несколько месяцев Фрунзе сменил почти половину членов РВС СССР. При этом он не только не отказался от лозунга революционной наступательной войны, но и отстаивал его необходимость в военной пропаганде [Мошкин с. 93–95]. Вопрос о политической подготовке командиров был крайне важен в рамках сохранения партийного контроля над вооружёнными силами. Советскому руководству удалось обеспечить необходимый удельный вес коммунистической прослойки. К 1924 г. чуть менее трети командиров были коммунистами [Мухин 2022, с. 32–33].

Тем не менее дискуссии о военной стратегии не прекратились. Несмотря на то, что сторонники «единой военной доктрины» заметно увеличили свое влияние, в 1920-е гг. военная наука оставалась относительно открытой для обсуждений. И если вопрос о необходимости выработки военной стратегии можно было считать решенным, то консенсус относительно того, какой должна была быть стратегия, не был достигнут.

ЛИТЕРАТУРА

-
- Золотарев 2000 – История военной стратегии России / Под ред. В.А. Золотарева Москва: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. 592 с.
- Кокошин 1995 – Кокошин А.А. Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918–1991 годы. М.: Международные отношения, 1995. 285 с.
- Микляев 2018 – Микляев В.А. Вклад марксизма в мировую военно-философскую мысль // Марксизм и современность: альтернативы XXI века. Материалы международной научной конференции. Сер. «Социально-гуманитарные исследования учёных Донбасса». Донецк: Донецкий национальный технический университет, 2018. С. 207–211.
- Мошкин 2021 – Мошкин С.В. «Военные марксисты» против Троцкого // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2012. Том 8. № 4. С. 84–99.

- Мухин 2022 – Мухин М.Ю. Военная реформа 1924–1928 гг. В СССР // Вестник ТвГУ. Серия «История». 2022. № 1. С. 28–43.
- Олейников 2009 – Олейников И.В. М.В. Фрунзе и создание военной доктрины Красной армии // Вопросы гуманитарных наук. 2009. № 6. С. 257–261.
- Павлушенко 2024 – Павлушенко М.И. Взаимосвязь военной теории, военной науки и военной мысли в военном деле // Вестник НИЦ ВА РВСН. 2024. № 7. С. 88–95.
- Пасечник 2016 – Пасечник А.В. Концептуализация военной доктрины РККА в начале 1920-х гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16. № 3. С. 357–360.
- Скоробогаткин 1968 – Скоробогаткин К. 50 лет Вооруженных Сил СССР. М.: Воениздат, 1968. 584 с.
- Тюшкевич 1978 – Тюшкевич С.А., Зверев Б.И., Кораблев Ю.И. и др. Советские Вооруженные Силы: История строительства. М.: Воениздат, 1978. 516 с.
- Яров 1998 – Яров Я.С. Владимир Триандафиллов и его дело // Новый часовой: Русский военно-исторический журнал. 1998. № 6–7. С. 320–330.

REFERENCES

- Kokoshin, A.A. (1995), *Armiya i politika. Sovetskaya voenno-politicheskaya i voenno-strategicheskaya mysl', 1918–1991 gody* [Army and Politics. Soviet military-political and military-strategic thought, 1918-1991], International relationships, Moscow, Russia.
- Miklyayev, V.A. (2018), “The contribution of Marxism to world military philosophical thought”, In *Marxism and modernity: alternatives of the XXI century. Materials of the international scientific conference. Ser. “Social and humanitarian studies of Donbass scientists”*, Donetsk National Technical University, Donetsk, pp. 207–211.
- Moshkin, S.V. (2012), “Military Marxists against Trotsky”, *Political expertise: POLITEX*, vol. 4, no. 8, pp. 84–99.
- Mukhin, M.Y. (2022), “Military reform of 1924–1928. In the USSR”, *TvSU Bulletin. The “History” Series*, vol. 1, pp. 28–43.

- Oleynikov, I.V. (2009), “M.V. Frunze and the creation of the military doctrine of the Red Army”, *Questions of the humanities*, vol. 6, pp. 257–261.
- Pasechnik, A.V. (2016), “Conceptualization of the military doctrine of the Red Army in the early 1920s”, *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science*, vol. 3, pp. 357–360.
- Pavlushenko, M.I. (2024), “The interrelation of military theory, military science and military thought in military affairs”, *Bulletin of the Scientific Research Center of the Strategic Missile Forces*, vol. 7, pp. 88–95.
- Skorobogatkin, K. (1968), *50 let Vooruzhennykh Sil SSSR* [50 years of the Armed Forces of the USSR], Voenizdat, Moscow, Russia.
- Tyushkevich, S.A., Zverev, B.I., Korablev, Y.I. and others (1978), *Sovetskie Vooruzhennye Sily: Istoriya stroitelstva* [The Soviet Armed Forces: The History of construction], Voenizdat, Moscow, Russia.
- Yarov, Y.S. (1998), “Vladimir Triandafillov and his work”, *New sentry: Russian Military Historical Journal*, vol. 6–7, pp. 320–330.
- Zolotarev, V.A. (ed.) (2000), *Istoriya voennoi strategii Rossii*, Kuchkovo Pole; Polygraph Resources, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тимофей В. Картавых, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Мнусская пл., 6; tkartavykh1238@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Timofey V. Kartavykh, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 125993, Russia, Moscow, Miuskaya pl., 6; tkartavykh1238@mail.ru

УДК 94(47).082/083

К.П. Победоносцев и иноверческое духовное начальство:
между «идеалами нетерпимости»
и бюрократической прагматикой

Антон Е. Фатеев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, fant2507@gmail.com*

Аннотация. В статье проводится анализ мероприятий, проводившихся под руководством обер-прокурора Святейшего Синода К.П. Победоносцева в отношении иноверческих духовных руководителей в Российской империи (муфтиев, мулл, хамбо-лам и лам). Управление имперским этноконфессиональным многообразием требовало от власти использования религиозных институтов, практик и авторитетов в целях поддержания лояльности, управляемости и дисциплины подвластного населения. Ситуацию обострял тот факт, что К.П. Победоносцев, стоявший во главе вероисповедной политики, руководствовался в своей деятельности строго оформленной системой убеждений и представлений, которые вслед за современником можно охарактеризовать как «идеалы нетерпимости». Проблема состоит в специфике политической стратегии К.П. Победоносцева в данном вопросе. Этот аспект может быть детально раскрыт на материалах источников личного происхождения (частной переписки), ведомственной документации и публицистики. Выясняется, что обер-прокурор и его соратники в целом негативно относились к государственному статусу иноверческих духовных лиц, но вынуждены были балансировать в предлагаемых обстоятельствах политической прагматики.

© Фатеев А.Е., 2025

Выход был найден ими в использовании символического потенциала вероисповедной политики. Их усилия были направлены на снижение влияния и подрыв авторитета религиозных лидеров мусульманства и буддизма в России.

Ключевые слова: Российская империя, конфессиональная политика, иноверцы, инородцы, К.П. Победоносцев, Святейший Синод, духовное начальство, муфтий, хамбо-лама

Для цитирования: Фатеев А.Е. К.П. Победоносцев и инноверческое духовное начальство: между «идеалами нетерпимости» и бюрократической прагматикой // Молодой историк. 2025. № 3. С. 158-168.

K.P. Pobedonostsev and the infidel religious leadership:
between the “ideals of intolerance” and bureaucratic pragmatism

Anton E. Fateev

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, fant2507@gmail.com*

Abstract. This article analyzes the events carried out under the leadership of the Chief Prosecutor of the Holy Synod K.P. Pobedonostsev in relation to infidel religious leaders in the Russian Empire (mufti, mullahs, khambo-lamas and lamas). Managing the imperial ethno-confessional diversity required the authorities to use religious institutions, practices and credibility in order to maintain loyalty, controllability and discipline of the subject population. The situation was aggravated by the fact that K.P. Pobedonostsev, who was at the head of religious policy, was guided in his activities by a strictly formalized system of beliefs and ideas, which, following his contemporary, can be characterized as “ideals of intolerance”. The problem lies in the specifics of K.P. Pobedonostsev's political strategy in this matter. This aspect can be disclosed in detail using materials from personal sources (private correspondence), departmental documentation, and journalism. It turns out that generally the chief prosecutor and his associates had a negative attitude towards the state status of non-believing clergy, but were forced to balance in the

proposed circumstances of political pragmatics. They found a way out in using the symbolic potential of religious policy. Their efforts were aimed at reducing the influence and undermining the authority of religious leaders of Islam and Buddhism in Russia.

Keywords: Russian Empire, confessional policy, infidels, foreigners, K.P. Pobedonostsev, Holy Synod, religious authorities, mufti, khambo-lama

For citation: Fateev, A.E. (2025), “K.P. Pobedonostsev and the infidel religious leadership: between the ‘ideals of intolerance’ and bureaucratic pragmatism”, *Young historian*, no. 3, pp. 158-168.

Российская империя была конфессиональным государством. Религия всегда имела особое значение в структуре и мифологии имперской власти. В процессе национального конструирования, начавшегося во второй половине XIX в., имперское и национально-русское переплеталось с конфессиональным – т.е. с «господствующим» православным вероисповеданием. Самодержавие декларировало привилегированность православия во взаимосвязи с фигурой русского царя («царская вера») и «русскостью» в принципе. Но также власть традиционно использовала религиозные структуры и авторитеты инославных и иноверных сообществ для обеспечения лояльности, управляемости и дисциплины в имперском многообразии. Вероисповедная политика выступала в качестве ее «modus operandi» [Миллер 2021, с. 253; Круз 2020, с. 8–9, 14–15, 27; Коллманн 2023, с. 409, 660–661, 676–679].

Наиболее крупным и влиятельным теоретиком и практиком такой политики в России рубежа XIX–XX вв. был обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев. Предметом пристального внимания консервативного сановника и его сотрудников являлся вопрос иноверческого духовного начальства (муфтиев, мулл, хамбо-лам и лам). Само положение нехристианских духовных руководителей как государственных служащих вызывала резкую критику главы духовного ведомства. «Одной из самых печальных ошибок нашего правительства с прошлого столетия было стремление урегулировать государственным законом иностранные

исповедания», – писал Победоносцев цесаревичу Николаю Александровичу в 1891 г. В результате, полагал обер-прокурор, религиозно индифферентные бюрократы облекли нехристианское духовенство «авторитетом госуд[арственной] власти, произведя в сановники или в члены иерархии»¹. Тем самым как бы выказывалось покровительство нехристианским вероисповеданиям со стороны государства, тогда как, по мнению обер-прокурора, таким покровительством должна была пользоваться лишь православная вера.

Той же позиции придерживался крупный миссионер, Иркутский архиепископ Вениамин (Благонравов), подробно излагая вопрос государственного регулирования иноверческого духовенства и его историю с середины XVIII в. в специальной статье. «Мало ли у всякого народа есть предрассудков и суеверий, – возмущался архиепископ, – и ужели правительство обязано поддерживать их, потому что они народные? Так оно обязано было бы содержать и награждать всех шаманов и камов и даже наших русских колдунов и знахарей, потому что и они служат предрассудкам народным»². Против существования муфтиев и лам как официальных государственных лиц решительно восставал церковный писатель и публицист Е.Н. Воронец, признанный специалист «по истории и обличению мухаммеданства»³. «Истинная, добросовестная веротерпимость никогда не должна переходить в покровительство иноверию и суеверию», – провозглашал он⁴.

¹ Письма К.П. Победоносцева к Николаю II. 1890–1902 гг. (Приложение) // Письма Победоносцева к Александру III. В 2 т. Т. 2. М., 1926. С. 297.

² [Вениамин, еп. Селенгинский]. О ламском идолопоклонническом суеверии в Сибири // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1882. № 24. С. 314.

³ Воронец Е.Н. Существенная историческая справка по ламскому вопросу. СПб., 1888; Он же. Ламский вопрос. М., 1888; Он же. Нужны ли для России муфтии? М., 1891; Он же. Нужен ли для России идолопоклонник Бандидо-Хамба? (Защитникам идолопоклонства в России). М., 1893.

Его сочинения были высоко оценены Святейшим Синодом и рекомендовались студентам Казанской духовной академии, изучающим миссионерскую деятельность татар.

⁴ Воронец Е.Н. Нужны ли для России муфтии?... С. 8.

Тем не менее главе духовного ведомства приходилось действовать, что называется, в предлагаемых обстоятельствах. По этой причине он стремился обратить государственный статус иноверческого духовенства на пользу своей политике. В частности, обер-прокурор, постоянно советуясь со знатоком мусульманского вопроса, казанским миссионером Н.И. Ильминским, следил за выбором кандидатуры нового муфтия. По их мнению, он должен был соответствовать нескольким критериям. Во-первых, муфтий не должен происходить из знатных и влиятельных аристократов. «Была большая ошибка, – считал Н.И. Ильминский, – со стороны покойного генерал-губернатора [А.П.] Безака выбрать муфтия из богатого, авторитетного и влиятельного в целом крае рода дворян Тевкелевых»⁵. Благодаря такому лидеру, мусульмане, по мнению миссионера, получили возможность усилить свои позиции, в т. ч. в органах самоуправления. Лучше назначить человека, который, например, «весь занят торговыми делами» – он «пороха не выдумает». Или помещика средней руки, «ни богатством, ни аристократизмом, ни влиянием, ни чинами» не выдающегося⁶. Так, назначенный в итоге в 1885 г. М.М. Султанов, будучи татарским землевладельцем, не пользовался среди мусульман богословским авторитетом [Круз 2020, с. 317].

Во-вторых, важен был религиозный индифферентизм кандидата и отсутствие у него националистических, сепаратистских и иных политически неблагонадежных наклонностей. «Нужно всячески избегать касимовцев и крымцев как прогрессистов и националистов», – предупреждал Н.И. Ильминский⁷. При обсуждении кандидатуры А.Г. Ибрагимова К.П. Победоносцев уповал именно на индифферентизм, а Н.И. Ильминский, понимая, что Ибрагимов «видит и знает всю совокупность мусульманского мира на всем лице земли», опасался, что ему «паче чаяния, влезет в голову идея панмусульманская»⁸. Говоря о фигуре М.М. Султанова,

⁵ Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. Казань, 1895. С. 2.

⁶ Там же. С. 174–175.

⁷ Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору... С. 176.

⁸ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 31; Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору... С. 177.

Победоносцев особым образом подчеркивал, что отзывы о нем «таковы, что он не являет себя фанатиком, и хлопочет будто бы о сокращении мечетей, находя, что их слишком много»⁹. Примечательно, что упования обер-прокурора не оправдались, а опасения Н.И. Ильминского подтвердились. А.Г. Ибрагимов оказался весьма истовым мусульманином – критиковал царскую конфессиональную политику, выступал сторонником панисламизма и пантюркизма и т. п. [Круз 2020, с. 385–386].

В-третьих, муфтий не должен был владеть ораторским искусством, а лучше и вовсе изъяснялся бы неказисто и непривлекательно. «Для нас, – писал Н.И. Ильминский обер-прокурору, – вот что подходяще было бы: чтобы в русском разговоре пугался и краснел, писал бы по-русски с порядочным количеством ошибок, трусил бы не только губернатора, но и всякого столоначальника и т. п.»¹⁰.

Нельзя было оказывать муфтию никаких почестей. Н.И. Ильминский гневался, что «...магометанство поднимает голову, а мы, русские, пред ним как бы беззащитны. <...> Это явление надо понимать в связи с... потворством, кое допущено в Петербурге чествованием муфтия Султанова...». Казанский миссионер одобрительно отреагировал на сообщение К.П. Победоносцева о том, что муфтий не был допущен до аудиенции с государем¹¹.

Вообще сам институт муфтията, как и другие формализованные мусульманские институты (например, духовные собрания) со временем вызывали у К.П. Победоносцева все больше опасений. Они, по его убеждению, только способствовали сплочению магометан. Оренбургское магометанское духовное собрание (ОМДС), с точки зрения консервативного сановника, вообще активно содействовало исламскому прозелитизму. Заклучая тайные межрелигиозные браки, разрешенные ОМДС, магометане, по утверждению обер-прокурора, обращали в ислам

⁹ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 71.

¹⁰ Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору... С. 177.

¹¹ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 71; Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору... С. 379, 384.

«как девиц, так и всех затем их родственников»¹². При этом подобная практика противоречила имперскому законодательству, в частности Высочайшему повелению от 2 августа 1854 г. об ограждении язычников от исламского прозелитизма. В этой связи министр внутренних дел Д.А. Толстой в 1888 г. потребовал от Собрания «циркулярно предписать подведомственным ахунам, муллам и хатыпам воздерживаться на будущее время от совершения браков с язычниками»¹³. Но обер-прокурор был уверен, что, несмотря на распоряжение министра, таковые браки продолжали заключаться. О подобных случаях в одной из станиц Орского уезда Оренбургской губернии сообщал в 1889 г. Н.И. Ильминский¹⁴.

Именно поэтому в 1891 г. консервативный сановник поддержал идею упразднения должности муфтия, закрытия Оренбургского магометанского духовного собрания и передачи духовных дел приверженцев ислама в губернские правления¹⁵. Замысел, правда, остался нереализованным.

Что касается политики в отношении буддийского религиозного руководства, то К.П. Победоносцев с соратниками (прежде всего, архиепископом Вениамином) активно участвовали в пересмотре положения о ламайском духовенстве в 1885 г. Директор Департамента духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) М.Р. Кантакузен начал составлять служебную записку о ламаитах и обратился за сведениями к генерал-губернатору Восточной Сибири Д.Г. Анучину. Владыка Вениамин, узнав об этом через Победоносцева, решил перехватить инициативу. «Кроме миссионеров, здесь нет ни одного светского лица, которое бы сколько-нибудь знакомо было с буддизмом и искажением его – ламайством», – объяснял он¹⁶. Архиепископ начал вести переписку

¹² Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1890 и 1891 годы. СПб., 1893. С. 98.

¹³ РГИА. Ф. 1574. Оп. 1. Д. 146. Л. 57–58.

¹⁴ Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору... С. 302–304.

¹⁵ Всеподданнейший отчет... за 1890 и 1891 годы. СПб., 1893. С. 97, 110.

¹⁶ Частная переписка Высокопреосвященного Вениамина, архиепископа Иркутского, с обер-прокурором Св. Синода К.П. Победоносцевым // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1913. № 1. С. 6–7.

с Кантакузенем и увидел со стороны Министерства внутренних дел заинтересованность в его взгляде на проблематику¹⁷.

Вениамин предлагал правительству прикрепить лам к дацанам (т. к. ограничение числа лам штатами не достигло цели, предполагалось ограничить их хотя бы территориально), запретить им самовольную организацию новых капищ и отправление культа вне дацанов. Кроме того, чтобы инородцы не поступали в ламы во избежание уплаты налогов, нужно было разложить ясак и подати и на земли дацанов. Наконец, по мнению владыки, необходимо было упразднение звания хамбо-ламы. За неповиновение этим требованиям Вениамин рекомендовал наказывать высылкой. «При таких несложных правилах, – уверял он Кантакузена, – упростится надзор за ламами со стороны земской полиции и решится неразрешимый вопрос о наплыве заграничных лам в наши пределы и о путешествии тысячами наших бурят к Ургинскому Хутухте [почетный буддийский титул в Монголии – А.Ф.]»¹⁸.

Проект преосвященного был по итогу реализован в основных своих чертах. Лам, действительно, приписали к дацанам и обязали испрашивать разрешения на выезд у генерал-губернатора. А в 1890 г. Министерство внутренних дел издало временную инструкцию, изымавшую бурятских буддистов из ведения хамбо-ламы и подчинявшую их светской администрации [Сафонов 2017, с. 89; Полунов 1996, с. 120].

Победоносцева также беспокоила пропагандистская деятельность лам, которая препятствовала, по его убеждению, успехам православного миссионерства. Чтобы «отвлечь» инородцев от православных праздников, они приурочивали к ним языческие торжества¹⁹. Миссионерам приходилось прибегать к подобной же хитрости, совершая православные богослужения во время, предшествующее срокам исполнения языческих ритуалов, и стараясь обставить их как можно более торжественно и зрелищно²⁰.

¹⁷ Письма Вениамина, архиепископа иркутского, к казанскому архиепископу Владимиру. М., 1913. С. 185.

¹⁸ Частная переписка... // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1914. № 3. С. 91–92.

¹⁹ Всеподданнейший отчет... за 1884 г. СПб., 1886. С. 146.

²⁰ Всеподданнейший отчет... за 1886 г. СПб., 1888. С. 112.

Большой проблемой, с точки зрения обер-прокурора, было сохранение за ламами репутации искусных врачей и целителей. Прикрываясь «медицинскими» целями, был уверен Победоносцев, ламы разъезжали по инородческим улусам и проповедовали²¹. Именно поэтому на миссионеров возлагались и обязанности по здравоохранению в среде инородцев. Они должны были наглядно демонстрировать им, что методы «традиционной медицины», применяемые ламами, крайне неэффективны, и тем самым постепенно развеивать целительский ореол вокруг фигуры буддийского духовного руководителя²².

Таким образом, в победоносцевском векторе этноконфессиональной политики существенную роль играл символический аспект. Консервативный сановник и его единомышленники настаивали на однозначности первенствующего и господствующего состояния православного христианства как государственной религии. Они стремились к демонстративному закреплению данного положения, в том числе через противопоставление ему статуса иноверцев.

Символический характер вероисповедной политики ярко отражен в мероприятиях в отношении иноверческого духовенства. Они были направлены на подрыв авторитета и влияния нехристианской религиозной «верхушки», стремились постепенно лишить муфтиев и лам тех характеристик и качеств, которые заставляли паству подчиняться их решениям. Репрезентативный потенциал иноверческого духовенства, с позиций победоносцевской политики, должен был быть ограничен настолько, чтобы воспрепятствовать появлению нехристианских религиозных лидеров.

²¹ Всеподданнейший отчет... за 1890 и 1891 годы. СПб., 1893. С. 292, 294.

²² См.: Болдонов Н. Воспоминания о деятельности Миссии в Балаганском ведомстве // Иркутские епархиальные ведомости (прибавления). 1896. № 13. С. 299–300; Записки миссионера Кебезенского отделения Алтайской духовной миссии священника Сергея Ивановского за 1888 г. // Томские епархиальные ведомости. 1889. № 6. С. 19–20; Крещение по обету. Проявление силы Божией в таинстве крещения // Там же. 1890. № 4. С. 23; [Вениамин, еп. Селенгинский]. Указ. соч. С. 310.

ЛИТЕРАТУРА

- Коллманн 2023 – *Коллманн Н.Ш.* Россия и ее империя. 1450–1801. СПб.: «Библиороссика» / Academic studies press, 2023. 783 с.
- Круз 2020 – *Круз Р.* За пророка и царя: ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
- Миллер 2021 – *Миллер А.И.* Национальный вопрос в империи Романовых после 1905 г. // Российская империя между реформами и революциями, 1906 – 1916. Коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. М.: Квадрига, 2021. С. 249–271.
- Сафонов 2017 – *Сафонов А.А.* Государство и конфессии в позднеимперской России: правовые аспекты взаимоотношений. М.: Проспект, 2017. 352 с.
- Полунов 1996 – *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. М.: «АИРО-XX», 1996. 144 с.

REFERENCES

- Kollmann, N.Sh. (2023), *Rossiya i ee imperiya. 1450–1801* [Russia and its empire. 1450–1801], “Bibliorossika” / Academic studies press, Saint Petersburg, Russia.
- Kruz, R. (2020), *Za proroka i tsarya: islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii* [For Prophet and King: Islam and Empire in Russia and Central Asia], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia.
- Miller, A.I. (2021), *Natsional'nyi vopros v imperii Romanovykh posle 1905 g.* [The National Question in the Romanov Empire after 1905], in Miller, A.I. and Solov'ev, K.A. (ed.) *Rossiiskaya imperiya mezhdu reformami i revolyutsiyami, 1906–1916. Kollektivnaya monografiya* [The Russian Empire between Reforms and Revolutions, 1906–1916. Collective monograph], *Kvadriga*, Moscow, Russia, pp. 249–271.
- Safonov, A.A. (2017), *Gosudarstvo i konfessii v pozdneimperskoi Rossii: pravoye aspekty vzaimootnoshenii* [The State and Confessions in

Late Imperial Russia: Legal Aspects of Relationships], Prospect, Moscow, Russia.

Polunov, A.Yu. (1996), *Pod vlast'yu ober-prokurora. Gosudarstvo i tserkov' v epokhu Aleksandra III* [Under the authority of the Chief Prosecutor. State and Church in the era of Alexander III], “AIRO-XX”, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антон Е. Фатеев, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; fant2507@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton E. Fateev, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; fant2507@gmail.com

УДК 94(470+571)

Проблема «северного завоза» на заседаниях Государственной Думы I созыва 1994–1995 гг.

Евгений А. Бабицкий

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, pedestrion208@gmail.com*

Аннотация. Настоящая статья посвящена рассмотрению северного завоза в нижней палате Федерального Собрания в первой половине 1990-х гг. на основе стенограмм заседаний и постановлений Государственной Думы. В статье поднимается проблема деятельности Государственной Думы I созыва по вопросам завоза топлива и продукции в районы Крайнего Севера в общем контексте социально-экономических проблем региона. Особое внимание уделяется характеру проходивших публичных обсуждений, предложениям, выработанным депутатами для решения проблем, связанных с поставками, а также взаимодействиям законодательной и исполнительной властей в лице депутатов Государственной Думы и представителей различных министерств соответственно. Автор приходит к выводу о противоречивой природе взаимодействия нижней палаты Федерального собрания с Правительством, конфликте интересов региональной и федеральной властей, несмотря на осознаваемую необходимость тесного сотрудничества органов власти и консенсусную для большинства депутатов позицию в отношении общей реализации концепции северного завоза. Отдельно отмечается фактор контекста эпохи, прежде всего в отношении государственных институтов, который оказывал влияние на степень конфликтности в ходе обсуждений вопросов по поставкам на Север в Государственной Думе.

© Бабицкий Е.А., 2025

Ключевые слова: «северный завоз», Государственная Дума, районы Крайнего Севера, финансирование, современная Россия

Для цитирования: Бабицкий Е.А. Проблема северного завоза на заседаниях Государственной Думы I созыва 1994–1995 гг. // Молодой историк. 2025. № 3. С. 169-182.

Northern delivery as a problem at the sessions
of the 1st State Duma in 1994–1995

Evgeny A. Babitskiy
Russian State University for the Humanities,
Moscow, pedestrion208@gmail.com

Abstract. This article is dedicated to the analysis of the northern delivery in the lower house of the Federal Assembly in the first half of the 1990s, based on the transcripts of sessions and resolutions of the State Duma. The article raises the issue of the 1st State Duma activities regarding the supply of fuel and products to the regions of the Far North in the general context of the socio-economic problems of the region. At the same time, special attention is given to public discussions that took place, the proposals developed by the deputies and aimed at addressing the issues related to supply the program, as well as to the interactions between the legislative and executive branches represented by the deputies of the State Duma and representatives of various ministries. The author comes to the conclusion about the contradictions between the lower house of the Federal Assembly and the Government and about the conflict of interests of the regional and federal authorities, despite the perceived need for close cooperation between the authorities and the consensus position of the majority of deputies regarding the overall implementation of the northern delivery concept. The author also notes the contextual factor of the era, which primarily concerned state institutions; it influenced the degree of conflict during the discussions on supply issues to the North in the State Duma.

Keyword: northern delivery, State Duma, Far North, financing, modern Russia

For citation: Babitskiy, E.A. (2025), “Northern delivery as a problem at the sessions of the 1st State Duma in 1994–1995”, *Young Historian*, no. 3, pp. 169-182.

«Северный завоз» является комплексом организационных, транспортно-логистических и финансовых мероприятий по регулярному, бесперебойному снабжению грузами населения районов Крайнего Севера перечнем необходимых для жизнедеятельности грузов, в основном топливом и продовольствием¹. Феномен «северного завоза» фактически возник в годы Советского Союза, хотя не выделялся особым названием и был частью снабженческих операций ответственных подразделений Госснаба. В условиях проводимого в те годы активного освоения Севера России неизбежно вставал вопрос о необходимости снабжения населения всем необходимым, что и должны были решать завозные мероприятия, несмотря на свою дороговизну. Понятие «северный завоз» стало употребляться в отношении завоза продукции в начале 1990-х гг., когда в условиях нарастающего кризиса советской государственности и проводимых рыночных преобразований, неизбежно возникли проблемы с поддержанием прежде существовавшей системы снабжения северных территорий [Васильев 2018, с. 148–149].

«Северный завоз», будучи явлением относительно недалекого прошлого, активно исследуется в различных областях современной науки. Основное место в изучении «северного завоза» занимают экономические исследования, такие как работы Ю.К. Зафесова, Н.П. Толстяковой и Г.П. Лузина, посвященные механизмам реализации, финансированию и экономическим аспектам «северного завоза». Помимо этого, ряд исследователей – П.П. Баттахов, Ю.С. Китаева и М.Е. Кузнецов с М.И. Никишовой, изучают аспект правового обеспечения «северного завоза».

К сожалению, несмотря на интерес ученых к вопросам правового регулирования, малоосвещенной остается деятельность законодательных органов власти, Государственной Думы, в

¹ Федеральный закон «О северном завозе» от 04.08.2023 № 411 ФЗ. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=12&nd=605786827&intelsearch (дата обращения: 20 ноября 2025).

частности, в вопросах, связанных с проведением «северного завоза». В то же время рассмотрение северного завоза в рамках законодательных органов представляет интерес не только в аспекте создания нормативно-правовой базы для осуществления поставок, но и в качестве пространства публичной власти, в котором формировалась актуальная позиция в отношении «северного завоза», а также проходило взаимодействие, хотя и опосредованное, региональных и федеральной властей.

В рамках данной статьи предпринимается попытка анализа процесса рассмотрения проблем, связанных с «северным завозом», в Государственной Думе I созыва. Основным источником для нас являются стенограммы заседаний Государственной Думы, а также постановления Государственной Думы как непосредственный результат дискуссий по вопросу «северного завоза».

Следует отдельно охарактеризовать хронологические рамки. «Северный завоз», как любая государственная кампания, находится в сильной зависимости от государственных институтов, временные рамки существования которых неизбежно играют роль в рассматриваемом вопросе. Помимо этого, период первой половины 1990-х гг. в области государственного устройства характеризуется некоторой неустойчивостью, что проявлялось не только в новообразованности Государственной Думы как нижней палаты нового законодательного органа после событий осени 1993 г. и упразднения Верховного совета, но и в неопределенном положении федеральной исполнительной власти по вопросам северной политики, выразившейся в неоднократном расформировании и повторном образовании специализированного государственного комитета на протяжении всех 1990-х гг.

В период с 1994 по 1995 гг. региональной политикой в отношении Крайнего Севера, «северного завоза» в частности, ведало Министерство РФ по делам национальностей и региональной политики, созданное в начале 1994 г. через слияние Государственного комитета РФ по делам федерации и национальностей и Государственного комитета РФ по социально-

экономическому развитию Севера². Фактор неустойчивости государственных органов в 1990-е гг. оказывал определенное влияние на деятельность, вызывая трудности в проведении последовательной политики и межведомственной координации. По этой причине при исследовании «северного завоза» и шире – всей северной политики 1990-х гг. – хронологические рамки находятся в зависимости от периода существования того или иного органа государственной власти.

Характеристика Государственной Думы в рассматриваемых хронологических рамках требует отдельного внимания. Дума первого созыва 1994–1995 гг. была сформирована как итог противостояния Президента РФ и Верховного Совета, апогеем которого стали события октября 1993 г. Несмотря на победу президентской линии с роспуском Верховного Совета и принятием Конституции 1993 г., общественные настроения оставались в значительной степени поляризованными в отношении Президента и Правительства, проводивших курс социально-экономических реформ.

Перед действовавшей властью встала задача обеспечения поддержки реформаторского курса Президента и Правительства в новообразованных органах законодательной власти. Для этой цели в преддверии выборов в Государственную Думу был создан избирательный блок «Выбор России», который возглавил Е.Т. Гайдар. Несмотря на то, что по результату выборов «Выбор России» сформировал самую крупную в Думе фракцию, общее число в 76 депутатских кресел не позволяло сформировать уверенного большинства. Участники фракции отмечали итоги избирательной кампании как поражение, которое некоторые связывали с фигурой Гайдара [Митюков 2014, с. 581].

Помимо «Выбора России», в Государственной Думе сформировалось еще два «либеральных» блока – «Яблоко» и «Либерально-демократический союз 12 декабря», которые не в полной мере поддерживали курс правительственных реформ

² Указ Президента Российской Федерации от 10.01.1994 № 66 «О структуре федеральных органов исполнительной власти». URL: <http://ips.pravo.gov.ru/?docbody=&nd=102030996&rdk=0> (дата обращения: 20 ноября 2025).

экономики, а во многих вопросах выступали как оппозиция [Гитов 2025, с. 183]. В то же время “антиреформаторские силы” были представлены спектром различных объединений – от сравнительно умеренных вроде «Женщин России» и «Аграрной партии России» до наиболее радикальных в лице “правых” «ЛДПР» и “левых” «КПРФ». Несмотря на многочисленность объединений, им не хватало идейной и организационной консолидации, что препятствовало реализации наиболее радикальных антиправительственных решений, как в случае с вопрос об импичменте в июле 1995 г. [Митюков 2014, с. 720–721]. Итогом подобной пестрой многопартийности первого созыва Государственной Думы стал провал лояльных Правительству сил в достижении уверенного большинства и в то же время неспособность объединения оппозиционных курсу Президента и Правительства фракций [Щукин 2015, с. 91–92].

Важными фактором начала обсуждения «северного завоза» в Государственной Думе стала общая социально-экономическая обстановка регионов Севера, которая была охарактеризована как «крайне тяжелая» в постановлении Государственной Думы «О кризисной ситуации, сложившейся в северных регионах Российской Федерации», принятом на заседании 11 февраля 1994 г. абсолютным большинством в 250 голосов. В тексте постановления Правительство уведомляет о необходимости принятия срочных мер для разрешения кризисной ситуации и предлагает сформировать совместную с Государственной Думой и представителями из северных регионов рабочую группу для улучшения положения³.

В то же время при непосредственном взаимодействии Государственной Думы и Правительства в формате «Правительственного часа», в рамках которого приглашенный представитель от Правительства выступает с тематическим докладом и устраивает обсуждение по вопросам, связанным с

³ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 11.02.1994 № 55-ГД «О кризисной ситуации, сложившейся в северных регионах Российской Федерации». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102028580&intelsearch=&firstDoc=1 (дата обращения: 20 ноября 2025).

проблемами северных территорий, отмечалось наличие определенной степени конфликтности между депутатами и представителем Правительства. Так, при обсуждении вопросов компенсации для северян на заседании 4 февраля 1994 г. приглашенному исполняющему обязанности министра финансов С.К. Дубинину был задан вопрос депутатом Ф.Ш. Арслановым: «...кто-нибудь Вам порекомендовал написать письмо о снятии гарантий по компенсациям для лиц, работающих в районах Крайнего Севера, или Вы сами додумались до этого? Какие, как Вы предполагаете, вызовет последствия данное Ваше решение?». На это С.К. Дубинин ответил: «Спасибо за столь темпераментную, острую постановку вопроса, хотя я привык к более академичной манере ведения дискуссии. Но прошлый состав Верховного Совета меня приучил и к таким вопросам... По проблемам Севера, как нам кажется, в настоящее время кем-то запущена большая жирная жаренная утка, которая направлена на возникновение политического скандала, на то, чтобы вызвать трудности во взаимоотношениях с этими регионами»⁴.

Обсуждение непосредственно проблем «северного завоза» полноценно началось в мае 1994 г. На заседаниях 11, 25 и 26 мая в рамках правительственного часа выступали заместитель председателя правительства и министр по делам национальностей и региональной политике С.М. Шахрай, первый заместитель министра по делам национальностей и региональной политике В.П. Курамин и исполнявший обязанности министра финансов С.К. Дубинин. Содержание выступлений касалось общей ситуации в северных регионах по завозным кампаниям 1993 г. и первой половины 1994 г., изменения механизма финансирования поставок через создание специального фонда «северного завоза» для аккумуляции целевых средств, предназначенных для проведения завозных кампаний в необходимые сроки, а также проблем бюджета с общим недостатком и несвоевременным

⁴ Стенограмма заседания Государственной Думы № 9 от 04.02.1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3245/> (дата обращения: 20 ноября 2025).

выделением финансовых ресурсов, в рамках которых вынуждены производиться поставки топлива и товаров на Север⁵.

Общий тезис докладов представителей Правительства – необходимость установления большего контроля со стороны федеральных властей за целевым расходованием финансовых потоков, отпускаемых в регионы для проведения завоза продукции. Обсуждение проблем «северного завоза» проходило параллельно с долгим принятием бюджета на 1994 г., что создавало дополнительные осложнения в финансировании завоза. Это добавляло напряженности в обсуждении проблем завоза. Заканчивая свое выступление, В.П. Курамин так охарактеризовал срочность принятия рекомендованных Правительством бюджетных решений: «...хотел бы отметить, что я остановился в своем выступлении только на тех вопросах, которые требуют сегодняшнего безотлагательного решения. Они сегодня (без преувеличения) определяют судьбу всей организации поставок этого года»⁶.

Спектр вопросов депутатов, адресованных представителям Правительства, был неоднозначным. Ряд депутатов, преимущественно из мандатных округов северных территорий, поднимали проблемы с поставками по конкретным субъектам с просьбой прокомментировать ситуацию, иногда противопоставляя показатели по завезенной продукции в конкретном регионе с приводимой представителями исполнительной власти статистикой. Среди комментариев депутатов неоднократно поступали предложения о создании в системе федеральных органов исполнительной власти отдельного государственного органа, функцией которого будет проведение региональной

⁵ Стенограмма заседания Государственной Думы № 31 от 11.05.1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3201/> (дата обращения 20 ноября 2025); Стенограмма заседания Государственной Думы № 35 от 25.05.1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3193/> (дата обращения: 20 ноября 2025); Стенограмма заседания Государственной Думы № 36 от 26.05.1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3191/> (дата обращения: 20 ноября 2025).

⁶ Стенограмма заседания Государственной Думы № 35 от 25.05.1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3193/> (дата обращения: 20 ноября 2025).

политики в отношении территорий Крайнего Севера как отдельно выделенного региона страны. С данным предложением С.М. Шахрай не согласился, поскольку, по его мнению, выделение политики в отношении северных субъектов в отдельный орган нецелесообразно, поскольку приведет к межведомственному дроблению всей региональной политики федеральных властей⁷.

Некоторые из комментариев депутатского корпуса носили радикальный и несколько провокативный характер в отношении Правительства. Так, депутат Г.Г. Лукава после выступления В.П. Курамина поставил под сомнение компетентность действовавшего первого заместителя министра по делам национальностей: «...потому что все читалось по бумаге. У нас в Государственной Думе не принято выступать по бумаге. Он (В.П. Курамин) должен был так подготовиться, чтобы быть в состоянии выступать свободно». Депутат С.Н. Бабурин выступил с предложением выразить Правительству недоверие и отправить его в отставку, поскольку Правительство Черномырдина «...потерпело полный провал со своей экономической политикой...»⁸.

Соответствующее постановление о выражении недоверия Правительству было поставлено на голосование на заседании 26 мая, набрав 103 голоса за или 23% от общего числа, из-за чего постановление не было принято. С несколько самокритической позицией в отношении депутатского корпуса выступил депутат В.В. Семаго, который предложил проводить выездные заседания в условиях северных регионов, что позволило бы повлиять на тех депутатов, которые пропускали заседания Государственной Думы и у которых не хватало политической дисциплины для формирования реальной политической силы и взятия ответственности за сложившуюся в стране ситуацию. В свою очередь, С.М. Шахрай на выступлении 26 мая занял относительно мягкую позицию, поблагодарив депутатов за неоднократную постановку вопроса о «северном завозе» в Государственной Думе, что помогло в решении проблем, связанных с поставками, но

⁷ Стенограмма заседания Государственной Думы № 31 от 11.05.1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3201/> (дата обращения: 20 ноября 2025).

⁸ Там же.

попросил «не превращать вопрос о завозе на Север в ежедневный вопрос повестки дня и не вести политические дебаты», пообещав комплексно работать с депутатами, которые защищают интересы представляемых ими территорий⁹.

По итогу 26 мая Государственной Думой было принято постановление «О чрезвычайной ситуации с обеспечением завоза нефтепродуктов и продовольствия в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности в 1994 году». В документе указывается, что в связи с невыполнением программ «северного завоза» сложилась угроза для выживания северных регионов России. В частности, причинами назывались несвоевременное финансирование поставок Министерством финансов и неисполнением правительственных постановлений, касавшихся кампании завоза. В постановлении предлагалось Правительству привлечь к ответственности виновных в произошедшем, а также содержалось обращение к президенту Б.Н. Ельцину с просьбой использовать все полномочия для осуществления «северного завоза»¹⁰.

На заседании 7 октября в рамках «Правительственного часа» заместитель председателя Правительства С.М. Шахрай выступил с докладом по результатам кампании «северного завоза». В докладе отмечалась общая крайне тяжелая ситуация со снабжением северных регионов и описывался ряд причин, приведших к подобному состоянию – как объективных, вроде климатических условий и стихийных бедствий в отдельных районах, так и субъективных, в виде действий иных субъектов завоза – коммерческих банков, предприятий и региональных властей, а также позднего согласования и принятия бюджета на 1994 г. При этом в докладе содержалась ремарка, что Правительство не стремится переложить с себя ответственность за результаты

⁹ Стенограмма заседания Государственной Думы № 36 от 26.05.1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3191/> (дата обращения: 20 ноября 2025).

¹⁰ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 26.05.1994 № 123-1 ГД «О чрезвычайной ситуации с обеспечением завоза нефтепродуктов и продовольствия в районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности в 1994 году». URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=102030291&intels_earch= (дата обращения: 20 ноября 2025).

завозной кампании, а пытается объективно взглянуть на ситуацию. По итогу доклада предлагалось создать специальный государственный концерн или государственно-коммерческое предприятие для осуществления хозяйственных функций обеспечения мероприятий поставок в северные регионы. Также в докладе содержалось обращение к депутатам Государственной Думы с просьбой от лица Правительства «...подключиться к контролю, не просто к лоббированию интересов той или иной территории, а к контролю на своих территориях за ходом северного завоза. Мы (Правительство) считаем, что в этом вопросе должен действовать не принцип разделения властей, а принцип тесного сотрудничества»¹¹. Из конкретных мер по данному направлению предлагалось включить ряд депутатов в состав правительственной комиссии по «северному завозу».

Выступление С.М. Шахрая было встречено неоднозначно. Одним из первых высказал претензию депутат М.И. Попов о том, что Корякскому автономному округу в сентябре 1994г. не было выделено средств для обеспечения завоза товаров. В ответ С.М. Шахрай стал приводить информацию с намерением опровергнуть вопрос как основанный на подложных данных, из-за чего случилась конфликтная ситуация. В итоге ответ на поставленный вопрос С.М. Шахрай закончил следующим: «А чего ж он ушел? У вас интересный глава администрации: самолеты покупает, когда в округе тяжелое положение. Конечно, потом что-то понадобится. Разберемся. И поможем»¹². Тем не менее дальнейшая дискуссия по теме доклада была менее оживленная, поскольку данный вопрос был завершающим на повестке дня заседания Государственной Думы.

В 1995 г. вопрос «северного завоза» стоял не столь остро, однако деятельность депутатов Государственной Думы переключилась в область законотворчества. Здесь важным эпизодом стало принятие законопроекта об обеспечении поставок продукции в районы Крайнего Севера и приравненные к ним

¹¹ Стенограмма заседания Государственной Думы № 54 от 07.10.1994. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3156/> (дата обращения: 20 ноября 2025).

¹² Там же.

местности на заседании 21 июля. Докладчиками по предлагаемому законопроекту выступили депутат Совета Федерации В.И. Цветков и В.В. Гоман, которые в обосновании законопроекта указали, что разрабатывать законопроект депутатов заставило отсутствие нормативно-правовой базы для деятельности государственных структур в обеспечении завоза, из-за чего финансовые ресурсы, предназначенные для поставок, «...гуляют по всей стране...»¹³.

Помимо данного законопроекта, Государственной Думой в 1995 г. также были разработаны и приняты иные законопроекты, касавшиеся различных аспектов государственной политики в отношении Севера, а именно проект федерального закона «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации» и внесение поправок в федеральный закон «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях». Однако на законодательные инициативы были отклонены Президентом¹⁴. Несмотря на это, депутаты Государственной Думы пытались повторно принять законопроекты в прежней редакции, что получилось сделать с проектом поправок в федеральный закон «О государственных гарантиях и компенсациях...» на заседании, что было встречено явным одобрением депутатского корпуса, несмотря на попытки полномочного представителя Президента в Федеральном Собрании А.М. Яковлева склонить депутатов к необходимости пересмотра пакета поправок¹⁵.

Подводя итоги, рассмотрение вопросов, связанных с «северным завозом», на заседаниях в Государственной Думе, проходившее на фоне тяжелой социально-экономической ситуации на Севере страны, имело системный и конфликтный характер. В 1994 г. из-за острых проблем с поставками продукции в северные регионы тема завоза была более превалирующей в

¹³ Стенограмма заседания Государственной Думы № 122 от 21.07.1995. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3022/> (дата обращения: 20 ноября 2025).

¹⁴ Стенограмма заседания Государственной Думы № 123 от 12.08.1995. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3021/> (дата обращения: 20 ноября 2025).

¹⁵ Стенограмма заседания Государственной Думы № 132 от 25.10.1995. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/3013/> (дата обращения: 20 ноября 2025).

контексте обсуждений Крайнего Севера, однако сам по себе феномен «северного завоза» рассматривался депутатами Государственной Думы в рамках общего кризиса северных субъектов. В то же время депутатский корпус имел консолидированную позицию по вопросам северной политики и завоза в частности, что позволяло Государственной Думе выступать с политическими инициативами и отстаивать их с разной степенью успешности. Впрочем, это не исключало частного лоббирования интересов субъектов или весьма радикальных позиций некоторых депутатов. Наконец, следует выделить определенную степень конфликта интересов между Государственной Думой и Правительством при рассмотрении вопросов «северного завоза», несмотря на понимание необходимости консенсуса и сотрудничества представителями обеих ветвей власти.

ЛИТЕРАТУРА

- Васильев 2018 – *Васильев В.В.* Ретроспективный анализ этапов формирования «северного завоза» на севере России // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2018. № 58. С. 146–155.
- Митюков 2014 – *Митюков М.А.* В Государственной Думе (12 декабря 1993 г. – 16 января 1996 г.): выступления, статьи, интервью, документы, дневниковые записи. М.: Проспект, 2014. 1058 с.
- Титов 2025 – *Титов С.П.* Парламентская деятельность либеральных партий в Государственной Думе I созыва // Клио. 2025. № 219. С. 182–186.
- Щукин 2015 – *Щукин Д.В.* Государственная Дума РФ I созыва (1994–1995 гг.): основные аспекты истории становления и формирования // История: факты и символы. 2015. № 2. С. 83–92.

REFERENCES

- Vasiliev, V.V. (2018), “Retrospective Analysis of the Stages of Formation of the ‘Northern Supply’ in Northern Russia”, *North and Market: forming the economic order*, no. 58, pp. 146–155.

- Mitukov, M.A. (2014), *V Gosudarstvennoj Dume (12 dekabrya 1993 g. – 16 yanvarya 1996 g.): vystupleniya, stat'i, interv'yu, dokumenty, dnevnikovye zapisi* [In State Duma (12 December 1993 y. – 16 January 1996 y.): speeches, articles, interviews, documents, diary entries], Prospect, Moscow, Russia.
- Titov, S.P. (2025), “Parliamentary activities of liberal parties in the State Duma of the first convocation”, *Klio*, no. 219, pp. 182–186.
- Shchukin, D.V. (2015), “State Duma of the Russian Federation of the 1st convocation (1994-1995 yrs.): the main aspects of the history of formation and development”, *History: facts and symbols*, no. 2, pp. 83–92.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Евгений А. Бабицкий, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; pedestrion208@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny A. Babitskiy, master's student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; pedestrion208@gmail.com

Постоянная экспозиция Дома русского зарубежья
им. А.И. Солженицына: текстуальное наполнение в контексте
исторической политики России в 2020-е гг.

Александр Е. Шапошников
*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, aeshaposhnikov@edu.hse.ru*

Аннотация. В статье проведен контент-анализ главных экспозиционных текстов постоянной экспозиции Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Содержание текстов рассматривается в контексте исторической политики России в 2020-е гг. Основной посыл экспозиции – «руссоцентричный», посвященный жизни исключительно русских эмигрантов, представленных жертвами, «изгнанниками», пострадавшими в результате «исхода». Вина за произошедший «исход» возлагается на большевиков, однако экспозиция лишена ярко выраженной и персонифицированной критики по отношению к ним. Дискурсивная установка властей на признание ошибочности массовых репрессий позволяет Дому русского зарубежья лишь в небольшой степени транслировать критический взгляд на советскую эпоху и в большей мере формировать ностальгию по утраченному в результате революций «русскому» духовному наследию. Пространство «русского мира» в экспозиции не ограничивается границами исторической России и выходит далеко за ее пределы – вплоть до «русского» Берлина, Парижа, Нью-Йорка, Шанхая и других крупных городов, которые русские «изгнанники» осваивали своим трудом на протяжении многих лет.

Ключевые слова: Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, русская эмиграция, музей, историческая политика, публичная история

Для цитирования: Шапошников А.Е. Постоянная экспозиция Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына: текстуальное наполнение в контексте исторической политики России в 2020-е гг. // Молодой историк. 2025. № 3. С. 183-198.

Permanent exhibition of the Solzhenitsyn House of Russian Abroad: textual content in the context of Russia's historical policy in the 2020s

Alexander E. Shaposhnikov
*National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia, aeshaposhnikov@edu.hse.ru*

Abstract. This paper provides a content analysis of the main exposition texts of the permanent exhibition in the Solzhenitsyn House of Russian Abroad. Their content is considered in the context of Russia's historical policy in the 2020s. The main - "russocentric" - message of the exhibition is dedicated exclusively to the lives of Russian emigrants, represented by victims and "exiles" who suffered as a result of the "exodus", the blame for which lies with the Bolsheviks. The exhibition, however, is devoid of pronounced and personalized criticism of the latter. Russian discursive attitude towards recognizing the fallacy of mass repressions allows the House to convey, but only in a small degree, a critical view of the Soviet era and to form in a bigger degree nostalgia for the Russian cultural heritage, which was lost as a result of the revolutions. Russian world space in the exhibition is not limited to the borders of historical Russia and goes far beyond its borders – up to "Russian" Berlin, Paris, New York, Shanghai and other major cities, where the Russian "exiles" lived and worked for many years.

Keywords: Russian Abroad House named after A.I. Solzhenitsyn, Russian emigration, museum, historical policy, public history

For citation: Shaposhnikov, A.E. (2025), “Permanent exhibition of the Solzhenitsyn House of Russian Abroad: textual content in the context of Russia’s historical policy in the 2020s”, *Young Historian*, no. 3, pp. 183-198.

Введение

Изучение музейного дела позволяет понять, как формулируется историческая политика в стране. Это хорошо видно на примере современной России. Проведение двух музейных конференций «Интермузей» в 2024 г., проектирование новых зданий Третьяковской галереи в Самаре и Калининграде, театрального городка на базе Бахрушинского музея, открытие крупного музейного комплекса на территории Крыма «Новый Херсонес» – все это лишь некоторые крупные музейные проекты последних лет, финансируемые государством, выступающим за «традиционные российские духовно-нравственные ценности» как основу культурной и исторической политики¹. Музеи включаются в государственную политику и, таким образом, их анализ может многое сказать о политическом курсе в целом.

Цель моей статьи – проанализировать текстуальное наполнение (в виде центральных экспозиционных текстов) постоянной экспозиции Дома русского зарубежья имени А.И. Солженицына в контексте исторической политики России по отношению к советскому прошлому.

Эту историческую политику можно обозначить следующим образом. С одной стороны, российские власти признали преступность и ошибочность массовых репрессий 1920–1950-х гг., ставших причиной крупнейших волн русской эмиграции XX в. С другой – в 2010-е гг. власти демонстрировали (и демонстрируют до сих пор) очень настороженное отношение к этой теме и явное нежелание говорить о «трудном прошлом», подчеркивая достоинства, а не изъяны советской системы [Копосов 2011, с. 137-181]. Осторожное обращение властей с темой репрессий может создавать для Дома русского зарубежья свои ограничения в разработке экспозиционного материала.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 23 июля 2025).

Более того, Дом-музей хоть и касается темы массовых репрессий, но в большей степени сосредоточен все же на другом важном для части российской общественности сюжете – потере «русского мира» и русского интеллектуального наследия после прихода к власти большевиков. Это до сих пор не позволяет однозначно с точки зрения государственной исторической политики относиться к революции и последующей Гражданской войне – событиям, в результате которых хоть и появился СССР, но в то же время был уничтожен старый мир в виде Российской империи.

Текстуальное наполнение современной постоянной экспозиции Дома-музея в таких противоречащих друг другу контекстах (формальное признание преступности массовых репрессий, в то же время нежелание концептуализировать советское прошлое как «трудное» и ностальгия по имперскому прошлому) составляет предмет анализа этой статьи.

Теоретические рамки, методология и ограниченность исследования

Теоретической основой статьи стали идеи Тони Беннета, сконструировавшего «музей как объект социальной науки» [Максимова 2019] и положившего начало его изучения в социальных науках. Он рассматривал музей как социальный институт, который не может существовать без взаимоотношений с властью [Bennett 1995]. Власть определяет и транслирует через него те идеи, которые должна воспринимать общественность. Музей, таким образом, становится политико-просветительским проектом, за которым стоят заинтересованные группы и через который они формируют нужные интерпретации прошлого для определенных политических целей [Korff 1999; Sodaro 2018].

За последние 15 лет развития *memory studies* музеи стали распространенным объектом изучения. Они исследуются на разных уровнях: «на уровне авторов, уровне репрезентации и на уровне дискурса» [Махотина 2018]. В этой статье меня будет интересовать «уровень дискурса», и я буду рассматривать постоянную экспозицию Дома русского зарубежья, созданную в 2019 г., как «дискурс, созданный в определенном пространстве, в определенное время, для определенных политических целей»

[Махотина 2018, с. 82; Landwehr 2001]. Для этого я применяю метод контент-анализа.

Экспозиционные тексты я разделил на две категории. Первая – «основные», самые крупные и объемные экспликации, которые объясняют тематическую задумку зала и определяют его тематическое направление. Вторые — «вспомогательные», т.е. те тексты, которые разворачиваются уже внутри «основного» текста, немислимы без него и акцентируют внимание на отдельных сюжетах. Цельный, логически связанный «основной» или «вспомогательный» текст я считал за единицу анализа. Таким образом, удалось выделить 55 аналитических единиц, представляющих собой либо полностью написанный кураторский текст, либо частичный с вкраплениями воспоминаний участников исторических событий, либо только воспоминания без кураторского пояснения. Анализ текста я осуществлял с помощью программы Voyant Tools.

В выборку на этом этапе исследования не вошли экспликации к экспонатам и биографии персоналий, а также расшифровки видео- и аудиозаписей. Акцент на «основных» и «вспомогательных» текстах объясняется тем, что посетители музея в подавляющем большинстве читают только их (которые первыми и видят), чтобы понимать, о чем идет речь, не дочитывают обширные подписи к экспонатам, еще в меньшей степени слушают аудио и смотрят видеотрегменты, уделяют музейным предметам иногда меньше минуты [Serrell 1998; Bitgood 2013; Falk and Dierking 2013]. Текст, таким образом, по-прежнему остается центральной составляющей всего экспозиционного нарратива (в том случае, если мы говорим о постоянной экспозиции исторического музея). Привлечение дополнительных материалов для анализа, которые могут скорректировать или дополнить выводы этой статьи, – вопрос дальнейшего исследования.

Более того, я анализирую только постоянную экспозицию, в которой многие важные темы русского зарубежья остались не раскрыты или даже не затронуты. Музей организует временные выставки, посвященные более узким сюжетам, но они не вошли в мой анализ, потому что посетители не всегда находят время, чтобы их осмотреть, уделяя основное внимание постоянной экспозиции.

Именно на ней они получают главное представление о теме. Однако привлечение материала сторонних выставочных проектов в будущем может дополнить картину, складывающуюся после прочтения этой статьи.

Предыстория создания Музея

В сентябре 1990 г. в Государственной библиотеке иностранной литературы (ГБИЛ) была открыта выставка парижского издательства «YMCA-PRESS», выпускавшее книги русских писателей, которые не могли публиковаться в СССР. Среди таких были Александр Солженицын, Марина Цветаева, Иван Шмелев, Николай Бердяев, Борис Зайцев, Иван Бунин, Антон Деникин, Сергей Мельгунов и другие. Один из инициаторов этой выставки – заместитель директора ГБИЛ Виктор Москвин – предложил главе издательства Никите Струве создать в России филиал, чтобы популяризировать русскую зарубежную литературу на постсоветском пространстве. В итоге они создали организацию «Русский путь».

В скором времени «Русский путь», «YMCA-PRESS» и Русский Общественный фонд Александра Солженицына начали продвигать идею Центра русского зарубежья в Москве, который мог быть создан на основе собранных ими материалов. Последний – Русский Общественный фонд – был создан лично Солженицыным в 1970-е гг. с целью собирания «всяких личных воспоминаний наших соотечественников с обязательством (от меня и моих наследников) надежного хранения, постепенной перепечатки и каталогизации их, и как только наступит благоприятное для того время – перевозки их всех в один из городов Центральной России» [Леонидов 2016]. В итоге в 1995 г. при поддержке московских властей появилась «Библиотека-фонд», которая в 2009 г. была преобразована в «Дом русского зарубежья» с закреплением за ним официального музейного статуса.

Создание музея в контексте 1990-х гг.

В 1994 г. Солженицын вернулся в Россию. Символическое возвращение домой самого известного автора ГУЛАГа актуализировало вопрос о его наследии: нужно было разобраться

не только с ним, но вообще со всем тем, что осталось за рубежом. Московские власти попытались это сделать.

Дом-музей² был открыт в период активного переосмысления и переоценки советского прошлого. На федеральном уровне было опубликовано множество законов о реабилитации репрессированных. В 1990-е гг., помимо Закона о реабилитации, вышли семь постановлений и указов, которые осуждали репрессии в отношении разных групп: пострадавших в Кронштадте в 1921 г. и в Новочеркасске в 1962 г., военнопленных и репатриированных, священнослужителей и верующих, участников крестьянских восстаний. Некоторые из этих правовых актов устанавливали дни и места памяти³. Кроме того, в 1995 г. в России проходили парламентские выборы, по итогам которых коммунисты добились большого успеха, а электоральный рейтинг Ельцина показал минимальные значения. Возвращение Солженицына, таким образом, могло быть использовано для дискредитации коммунистических сил.

В таком контексте будущий Дом-музей был открыт в 1995 г. при поддержке Правительства Москвы и по личной инициативе Солженицына, что многое говорит о его первоначальной миссии. Ее он сформулировал следующим образом: «Всё это начнёт функционировать, и будет действительно светиться этот мост, соединяющий *память эмиграции и нашей Родины* [здесь и далее курсив мой – А.Ш.]»⁴. Основу коллекции будущего Дома-музея составили рукописи воспоминаний, собранные Солженицыным в эмиграции и переданные туда на хранение в 1996 г. В 1970-е гг. – после своей высылки за пределы СССР – он призвал соотечественников через эмигрантскую печать присылать ему материалы: «Я призываю моих соотечественников теперь же сесть писать <...> воспоминания и присылать их – чтобы *горе наше не ушло вместе с нами бесследно*, но

² Далее я буду называть организацию «Домом-музеем», хотя формально в 1995 г. его не было, вместо него существовала «Библиотека-фонд».

³ См. подробнее: Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71064538/> (дата обращения: 07 июня 2025 г.).

⁴ О Доме русского зарубежья / Дом русского зарубежья. URL: <https://www.domrz.ru/about/review/> (дата обращения: 07 июня 2025 г.).

сохранилось бы для *русской памяти*, остерегая на будущее. По желанию авторов их истинные имена могут быть вовсе не названы (и сам автор может прислать рукопись под псевдонимом, лишь указав, что имя – не подлинное), либо сохранены в тайне до указанного ими срока»⁵. Солженицын признавал произошедшую с исторической Россией трагедию.

В Доме-музее, помимо критического отношения к советской истории, был сформулирован еще один акцент — достаточно «руссоцентричный», как его бы определил Дэвид Бранденбергер [Бранденбергер 2009]. Солженицын, Струве, митрополит Кирилл, выступавшие на открытии в декабре 1995 г., говорили про «русских людей», «русских философов», «русских мыслителей» и «духовный и интеллектуальный потенциалы русской эмиграции». В своем приветственном слове Солженицын говорил именно о «русской памяти». Даже на открытии выставки «УМСА-PRESS» в 1990 г. демонстрировались произведения русских писателей, так или иначе связанных с границей.

Дом-музей, таким образом, логично укладывался в контекст 1990–2000-х гг.: распада СССР, частичной декоммунизации, критического отношения к советскому наследию. Готовность властей на формальном уровне говорить о «трудном прошлом» создало ту рамку, которая позволила организаторам Дома-музея развернуть критический разговор о происходивших в СССР в 1920–1950-е гг. событиях. Этот первоначальный разговор не был лишен «руссоцентричности», подчеркивающей трагедию именно «русской» России. Миссия Библиотеки-фонда заключалась в том, чтобы соединить Россию с той «эмигрантской» Россией, которая на многие годы была потеряна в результате революции.

Постоянная экспозиция

Сформулированная и неизменная на протяжении многих лет миссия Дома-музея повлияла на содержание новой постоянной экспозиции, открытой в 2019 г. В этой части статьи я проанализирую 55 выделенных экспозиционных текстов,

⁵ Солженицын А. Публицистика. Общественные письма, заявления, интервью. М., 1996. С. 471–473.

обозначенных мною как аналитические единицы. В скобках указано количество упоминаний слов по корпусу текстов.

Экспозицию открывает текст, который сразу задает моральную рамку восприятия событий первой четверти XX в.: «Октябрьский переворот 1917 года, пятилетняя братоубийственная Гражданская война, поражение Белого движения и дальнейшее укрепление власти большевиков на территориях бывшей Российской империи привели к массовому исходу из страны несогласных с новым режимом и неугодных ему». Большевики здесь – главные виновники произошедших событий, которые вынудили тысячи людей эмигрировать. При наличии явного акцента на виновниках большевизм и производные от него тем не менее упоминаются достаточно редко: всего лишь 12 раз (среди ярких вариаций – «диктатура большевиков», «иго большевиков», «сцепчивый большевизм», «режим большевиков», «падение большевизма», «задавить большевизм»). Персонифицированные виновники – будь то Ленин, Сталин, большевистские командиры – почти не упоминаются. Общий нарратив, таким образом, в большей степени посвящен жизни эмигрантов и не несет такого обвиняющего посыла, как, например, в музеях оккупации стран Балтии. «Советская Россия» не демонизируется. В текстах нет ни одного слова про репрессии, аресты, расстрелы и даже сам термин «террор» упоминается только один раз. Нет отдельного зала про Гражданскую войну и борьбу Белого движения с большевиками. Фокус смещен с борьбы против большевиков на жизнь эмигрантов, которых в экспозиции пытаются представить как жертв.

Вынужденные бежать после революции большевиков и Гражданской войны представлены в экспозиции в религиозных категориях, поэтому произошедшее с ними характеризуется как «исход» (6), что направлено на укрепление жертвенного образа. Эмигранты описываются как «изгнанники» (30), а их судьба – «изгнанничество». Заграница в экспозиционных текстах – это «чужбина» (17), существенно превосходящая по упоминаниям нейтральную «за границу» (4) и несущая негативную коннотацию. Любопытен сам выбор слова: слово «чужбина» использовалось преимущественно в дореволюционное время. Всплеск упоминаний наблюдается в 1920-е гг. на фоне массовой эмиграции

из России, и он даже выше, чем в 1940-е и 1990-е гг. (после войны и распада СССР соответственно). Эти слова семантически выделяются на фоне нейтральных «заграница» или «беженцы» (21) и подчеркивают чужеродность, отчужденность нового «дома», который русским эмигрантам приходилось осваивать.

Еще один важный нарратив экспозиции – это «будущее» (17). Среди ярких конструкций – «будущее возрождение», «будущее страны», «будущая Россия», «будущие праведные пути», «будущая судьба». В экспозиционных текстах «будущее» не связывается напрямую с религиозным, но воспринимается как «возрождение» («Воскресенье Господне становилось символом восстановления справедливости, надеждой на будущее *возрождение* России»). Кураторы знают, к чему в итоге пришел СССР, и на протяжении всей экспозиции подчеркивают веру эмигрантов в скорейшее возвращение и создание «свободной» России.

Религиозные и дореволюционные мотивы дополняются национальными. В этой связи интересны семантические категории «русский» и «российский», которые не используются как взаимозаменяемые. «Российский» упоминается 10 раз преимущественно в именах собственных («Российская империя») и только в двух случаях определяет принадлежность к конкретной общности («российские изгнанники»). Можно было бы предположить, что «русский» и «российский» выступают синонимами и обозначают формальную подданическую принадлежность к Российской империи, однако национальный мотив можно проследить в категории «русский», обозначающей в экспозиции принадлежность к русской культуре и православной вере. Она упоминается 173 раза в 34 (из 55-ти) текстах в самых разных контекстах: «русское зарубежье», «русская эмиграция», «русское рассеяние», «русская жизнь», «русские юноши», «русские изгнанники», «русские люди», «русский человек», «русские беженцы», «русское культурное наследие», «русское национальное братство». Акцент на «русскости» также подчеркивает попытка кураторов связать ее с языком, верой и культурой: «Не страна на карте мира, но пространство духа [Русское зарубежье – прим. А.Ш.], определяемое принадлежностью к *русской культуре, языку, традициям*,

укладу), исконной вере предков, к сбережению которых на чужбине стремились изгнанники».

«Руссоцентричность» постоянной экспозиции усиливается образом Пушкина, ставшим важным символом как для русской эмиграции, так и для советской власти [Платт 2017]. Он представлен как «символ *национального* единства» и «гордость за историю России». Любопытным воспринимается пушкинский кураторский текст, который по форме получился литературным, а не информационным: «Пушкин объединял всех в особом, национальном русском братстве – ведь это он научил каждого русскому языку и мысли, тому, что мороз и солнце, что тиха украинская ночь и светла Адмиралтейская игла, и тяжелозвонкому скаканию, и очей очарованию, и любви к отеческим гробам, и братьям, отдающим меч...».

По прочтении экспозиционных текстов создается впечатление, что Россия в ее имперском варианте признается исконной, той самой «русской», которая была утеряна, а новая Советская Россия демонстрируется чужеродной. «Советское» (16) почти никак не связывается с «российским» или «русским», хотя в СССР после Гражданской войны остались миллионы людей, которые определяли себя как русских и говорили на русском, а в 1930-е гг. произошла реабилитация ряда дореволюционных русских образов и символов [Тихонов 2024]. Только в одном фрагменте за «советским» признается «половина» русской культуры: «Русский Берлин стал местом встречи “двух половин” русской культуры – советской и эмигрантской». Это одно из немногих мест в экспозиции, где за «советским» тоже признается часть «русского». Россия как бы представлена в двух частях, которые от этого не перестают быть Россией: одна просто «зарубежная», а вторая «советская». Поэтому экспозиция, хоть и симпатизирует эмигрантам и маркирует большевиков как виновников, тем не менее лишена явного и постоянно артикулированного обвинения, что характерно в целом для российского публичного поля⁶.

⁶ На вопрос, заданный бывшему министру культуры России Владимиру Мединскому, о том, кто победил в Гражданской войне, он ответил следующее: «Я вам сейчас парадоксальную вещь скажу: победила третья сила, которая в Гражданской войне не участвовала, – *историческая Россия*». Мединский: в борьбе

Еще один важный мотив экспозиции – это пространство «русского мира», который выходит далеко за пределы России. Русские эмигранты «преподавали в университетах и школах, снимали кино и выступали на сцене, работали врачами, прокладывали дороги и строили города», а в русских заведениях «ставились спектакли, устраивались концерты, вечера писателей, лекции видных ученых, проходили благотворительные балы и детские праздники». Русские «беженцы», таким образом, осваивали «чуждое» пространство, расширяя границы привычной им «исторической» России. Появились «русский» Берлин, «русский» Париж, «русский» Шанхай, «русский» Нью-Йорк и другие мировые города. Примечательно, что в самих текстах российские диаспоры один раз характеризуются как «колонии». Все это напоминает известные слова российского президента Владимира Путина о том, что «границы России нигде не заканчиваются»⁷. То же самое касается и сторонних выставочных проектов: «Русский код милосердия в Первой мировой...», «Русские – Европа», «Русское присутствие...», «Русская консерватория в Париже...», «Посол русской культуры...», «По русским адресам Шанхая...» – лишь некоторые из многих названий прошедших выставочных проектов, апеллирующих к русским «островкам» в зарубежье.

На основе проанализированных текстов можно определить зоны умолчания – темы, которых экспозиция касается в меньшей степени или которых не касается вовсе⁸. Среди них – масштаб советских репрессий, преступления Белого движения, возвращение уехавших на родину и их дальнейшая судьба, работа НКВД за границей по преследованию белоэмигрантов, деятельность правых политических сил (например, российских фашистов в Китае), политическая и социальная неоднородность «русского мира» за рубежом и так далее.

«красных» и «белых» победила историческая Россия.
URL: <https://ria.ru/20151120/1324962428.html> (дата обращения: 09 июня 2025 г.).

⁷ Путин заявил о бесконечности границ России.
URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5836d7259a7947b8990e36eb> (дата обращения: 09 июня 2025 г.).

⁸ Некоторых из них не касаются временные выставки.

Выводы

Таким образом, изученный материал показывает следующее:

1. Наиболее частотные слова и производные от них были следующими: «русский» (173), «изгнанники» (30), «беженцы» (21), «чужбина» (17), «будущее» (17), «большевизм» (12), «исход» (6). Семантический анализ показывает «руссоцентричность» экспозиции, нацеленной на реабилитацию дореволюционной России и ее наследия, носителями которого были русские эмигранты. Этот образ усиливается использованием типичных для чисто русской культуры символов – например, образа Пушкина.

2. Русские эмигранты представлены «жертвами», «беженцами» в религиозном смысле, «изгнанниками» после «исхода», под которым понимаются события 1917 г. и последующей Гражданской войны.

3. Границы «русского мира» не локализованы только в пространстве России. Русские эмигранты основывали «колонии» на «чужбине» и продвигали русскую культуру, тем самым расширяя привычные границы «исторической» России. Появились «русский» Берлин, «русский» Париж, «русский» Шанхай, «русский» Нью-Йорк и другие «русские» города, которые изначально были «чуждыми», но потом стали более «родными» и освоенными русской культурой.

4. Главные виновники произошедшей трагедии – большевики, однако показатель частотности слова «большевизм» и производных от него очень низок, что говорит об отсутствии обвинительного посыла. Обвинение здесь – не центральный мотив. Складывается впечатление, будто «большевизм» можно вообще убрать из экспозиционных текстов, и получится так, что русские эмигранты пострадали от некоего абстрактного «исхода».

5. В экспозиции можно выявить зоны умолчания: в ней нет тематических залов, в которых бы в деталях рассказывалось про «красный террор», действия НКВД за границей против белой интеллигенции,

деятельность российских фашистов в Китае и другие сложные темы. Нет залов и про преступления Белого движения, на реабилитацию образа которого нацелена экспозиция.

6. Текстуальное наполнение Дома русского зарубежья на основе изученных материалов в определенной степени соответствует официальному курсу исторической политики России: рассказывается только о русской эмиграции, воспринимаемой единой общностью и объединенной русской культурой и верой. Она явила собой «небывалый феномен отечественной и мировой истории» за счет своего культурного влияния, расширяющего привычные границы России. Дискурсивная установка властей на признание ошибочности массовых репрессий позволяет Дому русского зарубежья лишь в ограниченной степени транслировать критический взгляд на советскую эпоху и в большей мере формировать ностальгию по Российской империи и по утраченному в результате революций «русскому» духовному наследию.

ЛИТЕРАТУРА

- Бранденбергер 2009 – *Бранденбергер Д.А.* Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб: ДНК, 2009. 416 с.
- Копосов 2011 – *Копосов Н.* Память строгого режима: история и политика в России. М.: НЛО, 2011. 320 с.
- Максимова 2019 – *Максимова А.С.* Развитие подходов к изучению музеев в социальных и гуманитарных науках // Социология культуры. 2019. № 2. С. 118–146.
- Махотина 2018 — *Махотина Е.И.* Нарративы музеализации, политика воспоминания, память как шоу: Новые направления memory studies в Германии // Методологические вопросы изучения политики памяти. М.: Нестор-История, 2018. С. 75–93.
- Платт 2017 – *Платт Д.* Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб: ЕУСПб, 2017. 352 с.

- Тихонов 2024 – *Тихонов В.* Полезное прошлое. История в сталинском СССР. М.: НЛО, 2024. 368 с.
- Bennet 1995 – *Bennett T.* The Birth of the Museum: History, Theory, Politics. London: Routledge, 1995. 288 p.
- Bitgood 2013 – *Bitgood S.* Attention and Value: Keys to Understanding Museum Visitors. New York: Routledge, 2010. 213 p.
- Falk, Dierking 2013 – *Falk J., Dierking L.* The Museum Experience Revisited. Abingdon: Routledge, 2013. 416 p.
- Korff 1999 – *Korff G.* Bildwelt Ausstellung: Die Darstellung von Geschichte im Museum // Orte der Erinnerung. Denkmal, Gedenkstätte, Museum, Frankfurt. 1999. S. 319–336.
- Landwehr 2001 – *Landwehr A.* Geschichte des Sagbaren. Einführung in die historische Diskursanalyse, Tübingen: Kimerle, G., 2001. 223 s.
- Serrell 1998 – *Serrell B.* Paying Attention: Visitors and Museum Exhibitions. Washington: American Association of Museums, 1998. 220 p.
- Sodaro 2018 – *Sodaro A.* Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence. London: Rutgers University Press, 2018. 215 p.

REFERENCES

- Bennett, T. (1995), *The Birth of the Museum: History, Theory, Politics*, Routledge, London, UK.
- Bitgood, S. (2013), *Attention and Value: Keys to Understanding Museum Visitors*, Routledge, New York, USA.
- Brandenberger, D.L. (2009), *Stalinskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931–1956)* [Stalin's Mass Culture and the Formation of Russian National Identity (1931–1956)], DNK, Saint Petersburg, Russia.
- Falk, J. and Dierking, L. (2013), *The Museum Experience Revisited*, Routledge, New York, USA.
- Koposov, N. (2011), *Pamyat' strogogo rezhima: istoriya i politika v Rossii* [Memory of strict regime: history and politics in Russia. Moscow], NLO, Moscow, Russia.

- Korff, G. (1999), “Bildwelt Ausstellung: Die Darstellung von Geschichte im Museum”, *Orte der Erinnerung. Denkmal, Gedenkstätte, Museum*, Frankfurt, Campus Verlag, ss. 319–336.
- Landwehr, A. (2004), *Geschichte des Sagbaren. Einführung in die historische Diskursanalyse*, Kimmerle, G., Tübingen, Germany.
- Maksimova, A.S. (2019), “The development of approaches to studying museums in social sciences and the humanities”, *Sociology of Culture*, 2019, no. 2, pp. 118–146.
- Makhotina, E. (2018), “Narrativy muzealizacii, politika vospominaniya, pamyat’ kak shou: Novye napravleniya memory studies v Germanii” [Narratives of musealization, politics of memory, memory as a show: New directions of memory studies in Germany], *Methodological issues of studying the politics of memory*, Nestor-Istoriya, Moscow, Russia, pp. 75–93.
- Platt, D. (2017), *Zdravstvuj, Pushkin! Stalinskaya kul’turnaya politika i russkij nacional’nyj poet* [Hello, Pushkin! Stalin’s cultural policy and the Russian national poet], EUSPb, St. Petersburg, Russia.
- Serrell, B. (1998), *Paying Attention: Visitors and Museum Exhibitions*, American Alliance of Museums, Washington, USA.
- Sodaro, A. (2018), *Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence*, Rutgers University Press, London, UK.
- Tikhonov, V. (2024), *Poleznoe proshloe. Istorija v stalinskom SSSR* [The Useful Past. History in the Stalinist USSR], NLO, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Е. Шапошников, студент бакалавриата, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 115404, Россия, Москва, 6-я Радиальная ул., д. 5, к. 2; aeshaposhnikov@edu.hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander E. Shaposhnikov, bachelor student, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; bld. 5, 6-Radial’naya street, Moscow, Russia, 115404; aeshaposhnikov@edu.hse.ru

Главный редактор

Барышева Елена Владимировна

Выпускающий редактор английского текста

Антонова Ирина Борисовна

Научный редактор и корректор

Бакланов Даниил Антонович

Дизайн и вёрстка

Тагильцева Софья Александровна

МОСКВА 2025

molodoi.istorik@rggu.ru